

В.И.
АВГАРИУС

Б
ИРОНОВЩИНА

Василий Петрович Авенариус

Бироновщина

За все тысячелетие существования России только однажды - в первой половине XVIII века - выделился небольшой период времени, когда государственная власть была в немецких руках. Этому периоду посвящены повести: "Бироновщина" и "Два регентства".

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	0005
I. Гоффрейлина и деревенская простота	0005
II. Неожиданная встрѣча	0017
III. Мечтанія принцессы	0032
IV. Прощай, мечты!	0039
V. На смарку	0049
VI. Секретарь де-сіянсь Академіи на службѣ и на Олимпѣ	0062
VII. Прогулка по Лѣтнему саду	0081
VIII. Анна Іоанновна въ домашнемъ быту	0093
IX. Принцесса обручается	0111
X. Эсклаважъ и новая дружба	0120
XI. Свадьба и банкетъ	0130
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	0142
#1	0142
I. Контрабандой	0142
II. Венеціанская ночь	0152
III. Лилли танцуетъ	0167
IV. Съ чернаго крыльца	0177
V. Рыцарь и браминь	0183
VI. Маски снимаются	0192
VII. Безъ сѣдла	0203
VIII. Азартъ	0223
IX. Человѣкъ на картѣ	0234
X. Читатель знакомится ближе съ главою	

русской партіи	0247
XI. Макиавелли и Іуда-предатель	0255
XII. Попугай мадамъ Варлендъ	0268
ЧАСТЬ III	0282
I. Ледяная статуя	0282
II. Ледяной домъ	0293
III. Пѣвецъ поневолю	0303
IV. Ледяная свадьба	0317
V. Лилли отмораживаетъ щеку	0330
VI. Арестъ Волынскаго	0340
VII. Скачка съ препятствіями	0353
VIII. Фельдмаршалъ графъ Минихъ	0365
IX. "Казненъ невинно"	0376
X. Лилли няньчитъ наследника престола	0385
XI. Катастрофа надвигается	0396
XII. Послѣдніе дни Анны Іоанновны	0407

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Гофfreyлина и деревенская простота

Обмѣнявъ корону герцогини курляндской на всероссійскій царскій вѣнецъ, императрица Анна Иоанновна первые два года своего царствованія провела въ Москвѣ. 16 января 1732 года совершился торжественный вѣздъ ея въ Петербургъ, гдѣ она и оставалась уже затѣмъ до самой кончины. Но питая еще, должно быть, не совсѣмъ пріязненныя чувства къ памяти своего Великаго дяди, взявшаго въ свои мощныя руки управленіе Россіей еще при жизни ея отца, а его старшаго, но хилаго брата, она не пожелала жить въ построенномъ Петромъ, на углу Зимней канавки и Милліонной, дворцѣ (въ настоящее время Императорскій Эрмитажъ) и предоставила его придворнымъ музыкантамъ и служителямъ; для себя же предпочла подаренный юному императору Петру II адмираломъ графомъ Апраксинымъ домъ по сосѣдству на берегу

Невы (почти на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшній Зимній дворецъ) и, значительно его расширивъ, назвала "Новымъ Зимнимъ дворцомъ".

Не любила Анна Иоанновна и Петергофа, этой лѣтней резиденціи Петра I, гдѣ, кромѣ большого каменнаго дворца съ обширнымъ паркомъ и фонтанами, имѣлись къ ея услугамъ еще два деревенскихъ домика въ голландскомъ вкусѣ: Марли и Монплезиръ. Унаслѣдовавъ отъ своего дѣда, царя Алексѣя Михайловича, страсть къ охотничьей потѣхѣ, она ѣздила въ Петергофъ только осенью, чтобы охотиться, для чего въ тамошнемъ звѣринцѣ содержались всегда «ауроксы» (зубры), медвѣди, кабаны, олени, дикія козы и зайцы.

Для лѣтняго пребыванія Императорскаго Двора въ Петербургѣ хотя и имѣлся уже (существующій и понынѣ) петровскій Лѣтній дворецъ въ Лѣтнемъ саду, на берегу Фонтанки, но по своимъ не большимъ размѣрамъ и простой обстановкѣ онъ не отвѣчалъ уже требованіямъ новаго Двора; а потому тамъ же, въ Лѣтнемъ саду, но лицомъ на Неву, бы-

ль возведенъ "новый Лѣтній дворецъ", настолько обширный, что въ немъ могли быть отведены особыя помѣщенія еще и для любимой племянницы государыни, принцессы мекленбургской Анны Леопольдовны, а также и для всесильнаго герцога Бирона.

Однимъ іюньскимъ утромъ 1739 года весь новый Лѣтній дворецъ былъ уже на ногахъ, а задернутыя оконныя занавѣси въ опочивальняхъ принцессы Анны и ея гофfreyлины, баронессы Юліаны Менгденъ, все еще не раздвигались: вѣдь и той, и другой было всего двадцать лѣтъ, а въ такіе годы утромъ дремлетъ такъ сладко!

Но вотъ каменные часы въ пріемной баронессы пробили половину девятаго. Нежившая еще въ постели, Юліана нехотя протянула руку къ колокольчику на ночномъ столикѣ и позвонила камеристкѣ Мартѣ, помогавшей ей одѣваться, а затѣмъ убиравшей ей и голову. Четверть часа спустя молодая фрейлина сидѣла передъ туалетнымъ зеркаломъ въ пудермантель съ распущенными волосами, а Марта расчесывала ихъ опытною рукой.

Родомъ Марта была эстонка изъ

крѣпостныхъ. Вынянчивъ маленькую баронессу въ родовомъ имѣніи Менгденовъ въ Лифляндіи, она, вмѣстѣ съ нею, переселилась и въ Петербургъ, когда, по смерти Юліаны, родной его братъ, президентъ петербургской коммерцъ-коллегіи, баронъ Карль-Людвигъ Менгденъ, выписалъ къ себѣ племянницу для оживленія своего дома. Когда же затѣмъ Юліана, расцвѣтшая гордой красавицей, была пожалована въ гофfreyлины принцессы, — вмѣстѣ съ нею во дворецъ попала и ея вѣрная Марта. По привилегіи прежней няни, Марта и теперь еще позволяла себѣ въ разговорѣ съ своей госпожой касаться сокровенныхъ ея тайнъ.

— Экая вѣдь краса! говорила она на родномъ своемъ языкѣ, любовно проводя черепаховымъ, въ золотой оправѣ, гребнемъ по пышнымъ темнорусымъ волосамъ баронессы, — Вотъ бы увидѣть хоть разъ меньшому Шувалову, — совсѣмъ бы, поди, голову потерялъ.

— Не называй мнѣ его, не называй! — прервала ее на томъ же языкѣ Юліана, и нѣжный румянецъ ея щекъ заалѣлъ ярче.

— Да почему не называть? — не унималась

старая болтунья. — Слава Богу, кавалеръ изъ себя пригожій и ловкій, камеръ-юнкеръ цесаревны Елисаветы, пойдетъ, навѣрно, еще далеко...

— Пока онъ на сторонѣ цесаревны, — ему нѣтъ ходу.

— Такъ почему бы тебѣ, мой свѣтъ, не переманить его на свою сторону?

— Да онъ и не нашей лютеранской вѣры, а православный...

— Попросить бы государыню, такъ, можетъ, ему и разрѣшатъ перейти въ лютеранство.

— Такъ вотъ онъ самъ и перейдетъ!

— Да этакому шалому мужчинѣ все ни по чемъ. При твоей красотѣ да при твоёмъ умъни обходиться съ этими вѣтрогонами...

— Замолчи, замолчи!

— Я-то, пожалуй, замолчу, да сердца своего тебѣ не замолчатъ... Никакъ стучатся?

Легкій стукъ въ дверь повторился. Камеристка пошла къ двери и, пріотворивъ ее, стала съ кѣмъ-то шептаться.

— Ну, что тамъ, Марта? — спросила нетерпѣливо ея молодая госпожа. — Что имъ

нужно?

Марта притворила опять дверь и доложила, что говорила съ пажемъ; прибыла, вишь, изъ деревни сестрица покойной младшей фрейлины, баронессы Дези Врангель.

— Можетъ подождать! — произнесла Юліана, насупивъ брови.

— Но вызвана-то барышня вѣдь, кажись, по желанію самой принцессы?

— Гмъ... А гдѣ она? Внизу у швейцара?

— Нѣтъ, тутъ же въ гостиной. Не лучше ли тебѣ ее все-таки принять?

— Хорошо; пускай войдетъ.

Въ комнату вошла робкими шагами дѣвочка-подростокъ того переходнаго возраста, когда неуклюжая отроковица въ какой-нибудь годъ времени превращается въ граціозную молодую дѣвушку. Простенькое траурное платье, сшитое, очевидно, деревенской мастерицей, было не въ мѣру коротко, а соломенная шляпка съ черными же лентами была стараго фасона и сильно поношена. Въ довершеніе всего дѣвочка сдѣлала такой уморительный книксенъ, не зная, куда дѣтъ свои длинныя руки, что не по годамъ степенная и

холодная гофfreyлина не могла удержаться от легкой улыбки.

— Добраго утра, дитя мое, — сказала она ей по-нѣмецки и указала глазами на ближній стулъ: — садись. Я, какъ видишь, не совсѣмъ еще одѣта; но мы будемъ видѣться съ тобой теперь запросто всякій день, а потому стѣсняться мнѣ передъ тобой было бы глупо.

— Еще бы не глупо, — согласилась дѣвочка, присаживаясь на кончикъ стула; но, замѣтивъ, что улыбка исчезла вдругъ съ лица фрейлины, она поспѣшила извиниться: — Простите! Вѣрно я не такъ выразилась?

— Да, моя милая, при Дворѣ каждое свое слова надо сперва обдумать.

— Но увѣряю васъ, мнѣ и въ голову не приходило, что вы глупы...

— Вотъ опять! Если кто и выражается о себѣ рѣзко, то не для того, чтобы другіе повторяли.

— Сглупила, значить, я? Ну, не сердитесь! Вѣдь я же не нарочно...

Въ своемъ наивномъ раскаяніи дѣвочка такъ умильно сложила на колѣняхъ свои большія красныя руки, — что строгія черты

Юліаны опять смягчились.

— Твое имя вѣдь, кажется, Елизавета?

— Да; но дома меня звали всегда Лилли.

— Такъ и я буду пока называть тебя этимъ именемъ. Ты лицомъ мнѣ напоминаешь покойную Дези; но она была, конечно, красивѣе тебя. Ты ничуть не заботишься о своей кожѣ; только начало лѣта, а ты вонъ какая — совсѣмъ цыганка! Вѣрно, въ деревнѣ ходила безъ зонтика?

Лилли разсмѣялась.

— Potztausend! Да покажись я къ коровамъ съ зонтикомъ, онъ мнѣ въ лицо бы фыркнули!

— Такія выраженія, какъ "potztfusend!" и «фыркать» ты навсегда должна оставить. Здѣсь ты, благодаря Бога, не въ коровникѣ. Да ты сама, чего добраго, и коровъ доила?

Лилли вспыхнула и не безъ гордости вскинула свою хорошенькую головку.

— Доить я умѣю, умѣю бить и масло, потому что какъ же не знать того дѣла, которое тебѣ поручено? Я вела въ деревнѣ у моихъ родственниковъ все молочное хозяйство. Стыдиться этого, кажется, нечего.

— Стыдиться нечего, но и хвалиться нечѣмъ: баронессѣ такая работа, во всякомъ случаѣ, не пристала.

— Да какая я баронесса! Чтобы поддержать свое баронство надо быть богатымъ. Есть и богатые Врангели; но мы изъ бѣдной линіи; отецъ мой управлялъ только чужимъ имѣніемъ.

— Чѣмъ это?

— А Шуваловыхъ въ Тамбовской губерніи. Когда отецъ умеръ, насъ съ Дези взяли къ себѣ родные въ Лифляндію.

— Тоже Врангели?

— Да, но изъ богатыхъ. Смотрѣли у нихъ за молочнымъ хозяйствомъ мы сперва вмѣстѣ съ Дези... Ахъ, бѣдная, бѣдная Дези!

При воспоминаніи о покойной сестрѣ глаза Лилли увлажнились.

— Да, жаль ее, жаль, — сочла нужнымъ выказать свое сочувствіе Юліана. — Говорила я ей, чтобы не ходила она къ больному ребенку тафель-деккера, что не наше это вовсе дѣло. Нѣтъ, не послушалась, заразилась сама оспой, и уже на утро четвертаго или пятаго дня ее нашли мертвой въ постели.

— Значить, ночью при ней никого даже не было! — воскликнула дѣвочка, и углы рта у нея задергало.

— Лечилъ ее придворный докторъ, онъ же давалъ всѣ предписанія, и намъ съ тобой критиковать его заднимъ числомъ не приходится.

— Да я говорю не о докторѣ, а о другихъ...
Фрейлина насупилась и сама тоже покраснѣла.

— О какихъ другихъ? Если ты говоришь обо мнѣ...

— Ахъ, нѣтъ! Простите еще разъ! Но я такъ любила Дези, и здѣсь, въ Петербурга, у меня нѣтъ теперь больше никого, никого!

— А я, по твоему, никто? По волѣ принцессы, тебѣ отведена комната тутъ рядомъ съ моею, чтобы я могла подготовить тебя для Высочайшаго Двора. Въ душѣ грустить тебѣ не возбраняется, но догадываться о твоей грусти никто не долженъ; понимаешь?

— Понимаю...

— Ты, можетъ быть, не слышала также, что государыня въ послѣднее время много хвораетъ? Сказать между нами, она страш-

но боится смерти. Поэтому она не может видеть ни печальных лицъ, ни траурныхъ платьевъ. У тебя, надѣюсь, есть и нарядныя свѣтлыя?

— Есть одно бѣлое кисейное, которое мнѣ сдѣлали на конфирмацію.

— Стало быть, недавно?

— На Вербной недѣль.

— И длиннѣе, надѣюсь, этого?

— О, да. Кромѣ того, въ немъ оставлена еще и складка, чтобъ можно было выпустить.

— Прекрасно; посмотримъ. А перчатки у тебя есть?

— Только дорожныя вязанныя; но пальцы въ нихъ прорваны...

Губы Юліаны скосились досадливой усмѣшкой.

— Я, пожалуй, одолжу тебѣ пару свѣжихъ лайковыхъ.

— Да на что въ комнатахъ перчатки?

— А что же, ты съ такими гусиными лапами и пойдешь представляться принцессѣ?

Лилли смущенно взглянула на свои "гусиные лапы" и спрятала ихъ за спину, а незабудковые глазки ея расширились отъ испуга.

— Ахъ, Богъ ты мой! И какъ я стану говорить съ принцессой?

— Сама ты только, смотри, не заговаривай; отвѣчай коротко на вопросы: "да, ваше высочество", "нѣтъ, ваше высочество".

— Я завяжу себѣ языкъ узломъ... Или такъ тоже не говорится?

Гофfreyлина возвела очи горѣ: будетъ ей еще возня съ этой "Einfalt vom Lande" (деревенской простотой)!

— Реверансы у тебя тоже совсѣмъ еще не выходятъ. Вотъ посмотри, какъ ихъ дѣлаютъ.

И, вставъ со стула, Юліана сдѣлала такой образцовый реверансъ, что у Лилли сердце въ груди упало.

— Нѣтъ, этому я никогда не научусь!

— При желаніи всему въ жизни можно научиться. Ну?

II. Неожиданная встреча

За нѣсколько минутъ до десяти часовъ баронесса Юліана повела Лилли къ принцессѣ. Дѣвочка была теперь въ своемъ бѣломъ "конfirmaціонномъ" платьѣ, съ цвѣтной ленточкой въ косичкѣ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ. При приближеніи ихъ къ покоямъ Анны Леопольдовны, стоявшій у входа въ пріемную ливрейный скороходъ въ шляпѣ съ плюмажемъ размахнулъ передъ ними дверь на-отлетъ. Въ пріемной ихъ встрѣтилъ молоденькій камерпажъ и на вопросъ гоф-фрейлины: не входилъ ли уже кто къ ея высочеству? — отвѣчалъ, что раньше десяти часовъ ея высочество никого вѣдь изъ постороннихъ не принимаетъ.

— Это-то я знаю; но бываютъ и исключенія, — свысока замѣтила ему Юліана; послѣ чего отнеслась къ Лилли: — я войду сперва одна, чтобы доложить о тебѣ принцессѣ.

Лилли осталась въ пріемной, вдвоемъ съ камерпажемъ. Тотъ, не желая, видно, стѣснять дѣвочку, а можетъ быть и самъ ея

стѣснясь, удалился въ глубину комнаты; доставъ изъ карманчика камзола крошечный напилочекъ, онъ занялся художественной отдѣлкой своихъ ногтей. Лилли же въ своемъ душевномъ смятеніи отошла къ окну, выходящему на Неву. Хотя глаза ея и видѣли протекавшую внизу величественную рѣку съ кораблями, барками, лодками и плотами, но мысли ея летѣли вслѣдъ за гофfreyлиной, докладывавшей только что объ ней принцессѣ.

"Что-то она говоритъ ей про меня? Какъ я сама понравлюсь принцессѣ? Сдѣлаютъ ли меня также фрейлиной, или нѣтъ? Да и сумѣла ли бы я быть придворной фрейлиной? Вотъ испытаніе!"...

Она закусила нижнюю губу, чтобы не дать воли своему малодушію; но сердце у нея все же продолжало то замирать, то сильнѣе биться.

Тутъ за выходною дверью раздались спорящіе голоса. Спрятавъ свой напилочекъ, пажъ съ дѣловой миной направился къ выходу и выглянулъ за дверь.

— Что тутъ за шумъ?

— Да вотъ, ваше благородіе, — слышался

отвѣтъ скорохода, — челоѡкъ Петра Ивановича Шувалова хочетъ безпремѣнно видѣть баронессу.

— А это что у тебя?

— Конфеты-съ, — отозвался другой голосъ.

— Такъ я, пожалуй, передамъ.

— Господинъ мой, простите, велѣлъ передать въ собственныя руки: не будетъ ли, можетъ, какого отвѣта. Гдѣ прикажете ожидать?

— Пожалуй, хоть здѣсь въ пріемной, — снизошелъ камерпажъ: — баронесса сейчасъ должна выйти.

Лилли оглянулась на вошедшаго. То былъ молодой ливрейный слуга съ коробкой съ конфетами въ рукахъ. Она хотѣла уже отвернуться опять къ окошку, но молодчикъ издали поклонился ей, и въ этомъ его движеніи ей припомнилось что-то такое давно знакомое, да и глаза его были устремлены на нее съ такимъ изумленіемъ, что сама она взглядѣлась въ него внимательнѣе и вскрикнула:

— Гриша!

Молодчикъ съ новымъ поклономъ при-

близился уже прямо къ ней.

— Вы ли это, Лилли?... Лизавета Романовна... — поправился онъ. — Какими судьбами?...

Все лицо его сіяло такою сердечною радостью, что и сама она ему свѣтло улыбнулась.

— Хоть одинъ-то человекъ изъ своихъ! — сказала она и покосилась на камерпажа.

Но тотъ деликатно отретировался снова въ свой дальній уголъ, гдѣ занялся прежнимъ важнымъ дѣломъ, не показывая вида, что слушаетъ. На всякій случай она все-таки заговорила тише:

— А я тебя, Гриша, съ перваго взгляда даже не узнала... Или тебя зовутъ теперь уже не Гришей, а Григоріемъ?

— Григоріемъ, а чаще того Самсоновымъ.

— Отчего не Самсономъ? Ты такой вѣдь великанъ сталъ, и усы какіе отростилъ!

— Усища! — усмехнулся, краснѣя, Самсоновъ и ущипнулъ пальцами темный пушокъ, пробивавшійся у него надъ верхнею губой. — Не нынче-завтра сбрить придется! — прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Что такъ?

— А такъ, что при господахъ моихъ, Шуваловыхъ, я вторымъ камердинеромъ состою, камердинерамъ же, какъ и самимъ господамъ, усовъ не полагается. Но вы-то, Лизавета Романовна, за три года какъ выровнялись! Совсѣмъ тоже придворной фрейлиной стали: въ лайковыхъ перчаткахъ...

— А ты думаешь, онѣ мои собственныя? Фрейлина Менгденъ, спасибо, одолжила. Съ трудомъ вѣдь застегнула: руки у меня куда толще, чѣмъ у ней.

Для наглядности дѣвочка растопырила всѣ десять пальцевъ; но отъ этого одна пуговица отскочила.

— Вотъ бѣда-то! А у меня тутъ ни иголки, ни нитки...

— Такъ вы бы вовсе ихъ сняли, коли вамъ въ нихъ неспособно.

— Ну да! Мнѣ и то порядкомъ уже досталось отъ фрейлины за то, что лапы у меня красныя, какъ у гусыни, что загорѣла я, какъ цыганка.

— Здѣсь, въ Питерѣ, вы живо поплѣднѣете, похудѣете. За-то будете водить знакомство съ высокими особами, ходить въ шелкахъ-бар-

хатахъ, кушать всякій день мармеладъ да пастилу, да шалей (желе)... А все же таки въ деревнѣ, я такъ разсуждаю, вамъ жилось вольготнѣй?..

— Ужъ не говори! А помнишь, Гриша, какъ мы скакали съ тобой верхомъ безъ сѣдла черезъ канавы да плетни? То-то весело было!

— Здѣсь зато вы можете ѣздить и зимой, хоть каждый день, мелкой рысцой или курцъ-галопомъ въ манежѣ.

— Въ манежѣ? Нѣтъ, все это не то, не то! Ach du liber Gott!

— Что это вы, Лизавета Романовна, ахаете по-нѣмецки? Словно нѣмка.

— А кто же я, по твоему?

— Какая ужъ вы нѣмка, Господь съ вами! Родились въ Тамбовской губерніи, говорите по-русски, какъ дай Богъ всякому, будете жить здѣсь при русскомъ Дворѣ. Покойный вашъ батюшка (царство Небесное!) тоже былъ вѣдь куда больше русскій, чѣмъ нѣмецъ.

— Это-то правда. Онъ не разъ, бывало, говорилъ намъ съ сестрой, что мы — вѣрноподданные русской царицы, а потому должны считать себя русскими. При

крещеніи ему дали имя Рейнгольдъ, но называлъ онъ себя также по-русски Романъ.

— Изволите видѣть! Такъ и вы, Лизавета Романовна, смотрите, не забывайте ужъ никогда завѣта родительскаго. Вы будете здѣсь вѣдь въ нѣмецкомъ лагерѣ.

— Развѣ при здѣшнемъ Дворѣ разные лагери?

— А то какъ же: нѣмецкій и русскій. Мои господа, Шуваловы, — въ русскомъ, потому что оба — камеръ-юнкерами цесаревны Елисаветы Петровны.

— Но вѣдь сама-то государыня — настоящая русская, и принцесса Анна Леопольдовна теперь тоже, кажется, уже православная?

— Православная и точно такъ же, какъ сама государыня, въ дѣлѣ душевнаго спасенія и преданіяхъ церковныхъ крѣпка.

— Такъ что же ты говоришь?

— Да вѣдь государыню выдали замужъ за покойнаго герцога курляндскаго, когда ей было всего на-все семнадцать лѣтъ. Тогда-жъ она и овдовѣла, но оставалась править Курляндіей еще цѣлыхъ двадцать лѣтъ, доколѣ ее не призвали къ намъ на царство.

Тутъ-то вмѣстѣ съ нею нахлынули къ намъ эти нѣмцы...

— Откуда, Гриша, ты все это знаешь?

— То ли я еще знаю! Вѣдь у господъ моихъ промежъ себя да съ пріятелями только и разговору, что про придворное житье-бытье. А я слушаю да на усъ себѣ мотаю.

— На свое усище? — усмѣхнулась Лилли. — Но нѣмцы, какъ хочешь, — народъ честный, аккуратный...

— Это точно-съ; отъ нѣмцевъ у насъ на Руси все же больше порядку. Да бѣда-то въ томъ (Самсоновъ опасливо оглядѣлся), бѣда въ томъ-съ, не въ проносъ молвить, что власть надъ ними забралъ непомѣрную этотъ временщикъ герцогъ...

— Биронъ?

— Онъ самый. А ужъ намъ, русскимъ людямъ, отъ него просто житья не стало; въ лютости съ русскими никакихъ границъ себѣ не знаетъ. Только пикни, — мигомъ спровадить туда, куда воронъ костей не заносилъ.

— Кое-что и я объ этомъ слышала. Да мало ли что болтаютъ? Если государыня дала ему такую власть, то вѣрно онъ человекъ очень

умный, достойный, и есть отъ него большая польза. Что же ты молчишь?

— Да какъ вамъ сказать? — отвѣчалъ съ запинкой Самсоновъ, понижая голосъ до чуть слышнаго шопота. — Объ умѣ его что-то не слыхать; дока онъ по одной лишь своей конюшенной части; а пользы отъ него только его землякамъ, остзейцамъ, а паче того ему самому: два года назадъ, вишь, пожалованъ въ герцоги курляндскіе! А супругу его, герцогиню, съ того часу такая ли ужъ гордыня обуяла...

— Она вѣдь тоже изъ старой курляндской семьи фонъ-деръ-Тротта-фонъ-Трейденъ.

— И состоитъ при государынѣ первой статсъ-дамой, досказалъ Самсоновъ, — шагу отъ нея не отходить. Такъ-то вотъ подъ курляндскую дудку всѣ у насъ пляшутъ!

— И русская партія?

— Не то, чтобы охотно, а пляшетъ. Противоборствуетъ герцогу открыто, можно сказать, одинъ всего человекъ — первый кабинетъ-министръ, Волынскій, Артемій Петровичъ. Вотъ, гдѣ ума палата! На три аршина въ землю видитъ. Дай Богъ ему здоровья!

— Но я все же не понимаю, Гриша, что же может подѣлать этотъ Волынскій, коли Бирону дана государыней такая власть?

— Много, вѣстимо, не подѣлаетъ; подѣмышку близко, да не укусишь. А все же государыня его весьма даже цѣнитъ. Прежде, бывало, она всякое утро въ 9 часовъ принимаетъ доклады всѣхъ кабинетъ-министровъ; а вотъ теперь, какъ здоровье ея пошатнулось, докладываетъ ей, почитай, одинъ Волынскій. И Биронъ его, слышь, побаивается. Кто кого сможетъ, тотъ того и сгложетъ.

— Это что-жъ такое? — насторожилась Лилли когда тутъ изъ-за оконъ донесся звукъ ружейнаго выстрѣла. — Какъ-будто стрѣляютъ?

— Да, это вѣрно сама императрица, — объяснилъ Самсоновъ. — У ея величества двѣ страсти: лошади да стрѣльба. Съ тѣхъ поръ же, что доктора запретили ей садиться на лошадь, у нея осталась одна лишь стрѣльба. Зато вѣдь и бьетъ она птицъ безъ промаха на лету, — не только изъ ружья, но и стрѣлой съ лука.

— Но ты, Гриша, такъ и не досказалъ мнѣ

еще, изъ-за чего хлопочеть ваша русская партія?

— А изъ-за того, что доктора не дають государынѣ долгаго вѣку. Буде Господу угодно будетъ призвать ее къ себѣ, кому воспріять послѣ нея царскій вѣнецъ: принцессѣ ли Аннѣ Леопольдовнѣ, или нашей цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ?

— Вотъ что! Но у которой-нибудь изъ нихъ, вѣрно, больше правъ?

— То-то вотъ, что разобратъся въ правахъ ихъ больно мудрено. Цесаревна — дочь царя Петра, а принцесса — внучка его старшаго братца, царя Иоанна Алексѣевича [1]. Но какъ сама-то нынѣшняя государыня — дочь того же царя Иоанна, и принцесса ей, стало быть, по плоти родной племянницей доводится, то, понятное дѣло, сердце ея клонитъ больше къ племянницѣ, какъ бы къ богоданной дочкѣ, хотя та по родителю своему и не русская цесаревна, а принцесса мекленбургская. Эхъ, Лизавета Романовна! кабы вамъ попасть въ фрейлины къ нашей цесаревнѣ...

— Нѣтъ, Гриша, покойная сестра моя была фрейлиной при принцессѣ...

— Да вѣдь вы сами-то душой больше русская, а въ лагерьъ враговъ нашихъ, не дай Богъ, совсѣмъ еще онѣмечитесь!

— Принцесса вызвала меня къ себѣ въ память моей сестры, и я буду служить ей такъ же вѣрно, — рѣшительно заявила Лилли. — Довольно обо мнѣ! Поговоримъ теперь о тебѣ, Гриша. Отчего ты, скажи, у своихъ господъ не выкупишься на волю?

Наивный вопросъ вызвалъ у крѣпостного камердинера горькую усмѣшку.

— Да на какія деньги, помилуйте, мнѣ выкупиться? Будь я обученъ грамотѣ, цыфири, то этимъ хоть могъ бы еще выслужиться...

— Такъ обучись!

— Легко сказать, Лизавета Романовна. Кто меня въ науку возьметъ?

— Поговори съ своими господами. Поговоришь, да?

— Ужъ не знаю, право...

— Нѣтъ, пожалуйста, не отвертывайся! Скажи: «да».

— Извольте: «да».

— Ну, вотъ. Смотри же, не забудь своего обѣщанія!

Въ разгаръ своей оживленной бесѣды друзья дѣтства такъ и не замѣтили, какъ гоф-фрейлина принцессы возвратилась въ пріемную. Только когда она подошла къ нимъ вплотную и заговорила, оба разомъ обернулись.

— Что это за человекъ, Лилли? — строго спросила Юліана по-нѣмецки.

Какъ облитая варомъ, дѣвочка вся покраснѣлась и залепетала:

— Да это... это молочный братъ мой...

— Молочный братъ? — переспросила Юліана обмѣривая юношу въ ливреѣ недовѣрчивымъ взглядомъ. — Онъ много вѣдь тебя старше.

— Всего на три года.

— Такъ его мать не могла же быть твоей кормилицей?

— Кормила она собственно не меня, а Дези. Но такъ какъ Дези мнѣ родная сестра, то онъ и мнѣ тоже вродѣ молочнаго брата.

— Какой вздоръ! Съ той минуты, что ты попала сюда во дворецъ, этотъ человекъ для тебя уже не существуетъ; слышишь?

— Но онъ игралъ съ нами въ деревнѣ по-

чти какъ братъ, научилъ меня ъздить верхо-
мъ... даже безъ сѣдла...

— Этого недоставало!

Фрейлина круто обернулась къ Самсонову
и спросила по-русски, но съ сильнымъ
нѣмецкимъ акцентомъ:

— Ты отъ кого присланъ?

— Отъ господина моего, Шувалова, Петра
Иваныча, къ вашей милости. Вы изволили
намедни кушать съ нимъ миндаль —
Vielliebchen; такъ вотъ-съ его проигрышъ.

Нѣжно-розовые щеки молодой баронессы
зардѣлись болѣе яркимъ румянцемъ.

— Хорошо, — сухо проговорила она, при-
нимая конфеты.

— А отвѣта не будетъ?

— Нѣтъ! Идемъ, Лилли; принцесса уже
ждетъ тебя.

Родословная дома Романовыхъ

отъ царя Алексѣя Михайловича до Петра III.

Примѣчанія: 1. Темнымъ кружкомъ обозначены особы не царствовавшія. 2. Въ послѣдовательномъ порядкѣ царствовали: Алексѣй Михайловичъ (1645 — 1676), Ѳеодоръ Алексѣевичъ (1676 — 1682), Иоаннъ и Петръ Алексѣевичи совмѣстно (1682 — 1696, а до 1689 г. въ сопряительствѣ съ сестрою ихъ, царевною Софіею Алексѣевною), Петръ I единолично (1696 — 1725), Екатерина I (1725 — 1727), Петръ II (1727 — 1730), Анна Иоанновна (1730 — 1740), Иоаннъ III Антоновичъ (1740 — 1741), Елисавета Петровна (1741 — 1751), Петръ III (1761 — 1762).

Родословная дома Романовыхъ

отъ царя Алексѣя Михайловича до Петра III.

Примѣчанія: 1. Темнымъ кружкомъ обозначены особы не царствовавшія. 2. Въ послѣдовательномъ порядкѣ царствовали: Алексѣй Михайловичъ (1645 — 1676), Ѳеодоръ Алексѣевичъ (1676 — 1682), Иоаннъ и Петръ Алексѣевичи совмѣстно (1682 — 1696, а до 1689 г. въ сопряительствѣ съ сестрою ихъ, царевною Софіею Алексѣевною), Петръ I единолично (1696 — 1725), Екатерина I (1725 — 1727), Петръ II (1727 — 1730), Анна Иоанновна (1730 — 1740), Иоаннъ III Антоновичъ (1740 — 1741), Елисавета Петровна (1741 — 1751), Петръ III (1761 — 1762).

III. Мечтанія принцессы

Сынъ фельдмаршала графа Миниха, камеръ-юнкеръ Анны Іоанновны, а по ея смерти — сперва гофмейстеръ, а затѣмъ и оберъ-гофмейстеръ при Дворѣ Анны Леопольдовны, даетъ въ своихъ «Запискахъ» такую, быть можетъ, нѣсколько пристрастную, но очень картинную характеристику молодой принцессы:

"Она сопрягала съ многимъ остроуміемъ благородное и добродѣтельное сердце. Поступки ея были откровенны и чистосердечны, и ничто не было для нея несноснѣе, какъ столь необходимое при Дворѣ притворство и принужденіе... Принужденная жизнь, которую она вела отъ 12-ти лѣтъ своего возраста даже до кончины императрицы Анны Іоанновны (поелику тогда, кромѣ торжественныхъ дней, никто посторонній къ ней входить не смѣлъ и за всѣми ея поступками строго присматривали) вліяла въ нее такой вкусъ къ уединенію, что она всегда съ неудовольствіемъ наряжалась, когда во время ея регентства надлежало ей принимать и

являться къ публикѣ. Пріятнѣйшіе часы для нея были тѣ, когда она въ уединеніи и въ избраннѣйшей малочисленной бесѣдѣ проводила... До чтенія книгъ была она великая охотница, много читала на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, и отмѣнный вкусъ имѣла къ драматическому стихотворству. Она мнѣ часто говорила, что нѣтъ для нея ничего пріятнѣе, какъ тѣ мѣста, гдѣ описывается несчастная и плѣнная принцесса, говорящая съ благородною гордостію".

О чемъ, однако, преданный Аннѣ Леопольдовнѣ царедворецъ деликатно умолчалъ, это — удостовѣряемая другими современниками, необычайная для ея возраста склонность къ покою, къ *dolce far niente*, доходившая даже до небреженія о своей внѣшности.

Когда Лилли, слѣдомъ за фрейлиной, вошла къ принцессѣ, та, едва только вставъ со сна, нѣжилась опять на "турецкомъ канапе", съ неубранными еще волосами, въ "шлафоръ" на распашку. Но въ рукахъ у нея былъ уже романъ, который на столько приковалъ ея вниманіе, что стоявшая на столикѣ рядомъ чашка шоколада осталась недопитой. При

видѣ входящей Лилли, миловидныя и добродушныя, но апатичныя, какъ бы безжизненныя черты Анны Леопольдовны слегка оживились.

— Подойди-ка сюда, дитя мое, дай разглядѣть себя.

Сказано это было по-нѣмецки. Съ ранняго дѣтства находясь въ Россіи, принцесса говорила совсѣмъ чисто по-русски; но, окруженная нѣмками, отдавала все-таки предпочтеніе нѣмецкой рѣчи.

— Она напоминаетъ свою сестру Дези, — замѣтила тутъ Юліана.

— Да, да, и станетъ еще красивѣе.

— Позвольте, ваше высочество, не согласиться. Дѣвочка Богъ-знаетъ что заберетъ себѣ еще въ голову.

— Да вѣдь она же не слѣпая, зеркало ей и безъ меня то же самое скажетъ? А для меня еще важнѣе зеркало души — глаза человѣка: по глазамъ я тотчасъ угадываю и душевныя качества. У тебя, дитя мое, сейчасъ видно, душа чистая, какъ кристалль, безъ тѣни фальши. Наклонись ко мнѣ, я тебя поцѣлую.

— На колѣни, на колѣни! — шепнула

обработавшей Лилли Юліана, и та послушно опустилась на колѣни.

Взявъ ея голову въ обѣ руки, Анна Леопольдовна напечатлѣла на каждый ея глазъ, а затѣмъ и въ губы по поцѣлюю.

— Ну, теперь расскажи-ка мнѣ, что ты дѣлала у своихъ родныхъ въ деревнѣ?

Своей лаской принцесса сразу покорила доверчивое сердце дѣвочки. Лилли принялась рассказывать. Принцесса слушала ее съ мечтательной улыбкой и временами только сладко позѣвывала.

— Да это настоящая пастушеская идиллія! промолвила она съ элегическимъ вздохомъ. — А я томлюсь здѣсь, въ четырехъ стѣнахъ, и во вѣкъ, кажется, не дождусь того благороднаго рыцаря, что избавилъ бы меня изъ неволи!

— У вашего высочества есть уже свой рыцарь, и не простой, а принцъ крови, — замѣтила болѣе разсудительная фрейлина.

— Не говори мнѣ объ немъ! и слышать не хочу! — съ нѣкоторою даже запальчивостью возразила принцесса.

— Принцъ намѣченъ вамъ въ супруги са-

мой государыней еще шесть лѣтъ назадъ, не унималась Юліана. — Вамъ можно было бы, ужъ я думаю, привыкнуть къ этой мысли.

— Никогда я къ ней не привыкну, никогда! Былъ у меня разъ свой рыцарь безъ страха и упрека...

— Не оставитъ ли намъ этотъ разговоръ? — прервала фрейлина, косясь на стоявшую тутъ же дѣвочку.

— Чтобъ она вотъ не слышала? Да вѣдь сестра ея все знала, и сама она тоже, такъ ли, сякъ ли, скоро узнаетъ; не все ли ужъ равно? Но за что, скажи, удалили тогда Линара, за что?!

— Да какъ же было его не удалить? Я, признаться, вообще не понимаю вашей бывшей гувернантки, г-жи Адеркасъ, что она поощряла ваши нѣжныя чувства...

— У нея, милая, было сердце; она понимала, что въ груди у меня тоже не камень. А ей за это было приказано въ двадцать четыре часа убраться вонъ изъ Петербурга!

— Да, ее вѣжливо попросили вернуться домой къ себѣ въ Пруссію. Не заступись за нее тогда прусскій посланникъ Мардефельдъ, съ

нею, вѣрно, поступили бы еще круче. Мардефельдъ же вѣдь и рекомендовалъ ее, потому что она ему близкая родственница, и чрезъ нее, нѣтъ сомнѣнiя, преслѣдовалъ свои политическiя цѣли.

— Да я-то, скажи, тутъ причемъ? Какое мнѣ дѣло до этой глупой политики, когда у меня говоритъ сердце!

— Ваше высочество я особенно и не осуждаю: вамъ было тогда едва 17 лѣтъ и вы читались пламенныхъ рыцарскихъ романовъ. Но зачѣмъ тревожить прошлое? За три года графъ Линаръ успѣлъ не только жениться у себя въ Дрезденѣ, но и похоронить жену; о своемъ здѣшнемъ романѣ онъ, повѣрьте мнѣ, давнымъ-давно и думать пересталъ.

— Зачѣмъ ему забыть, если я не забыла? А теперь онъ опять свободенъ...

— Вы, принцесса, все упускаете изъ виду, что вы — наслѣдница россiйскаго престола, и супругомъ вашимъ можетъ быть только принцъ крови.

— Но зачѣмъ мнѣ выходить именно за этого косноязычнаго Антона-Ульриха?

— Это выборъ самой государыни; его на-

рочно вѣдь выписали для васъ изъ Брауншвейга, обучили русскому языку...

На этомъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ камерпажа, который доложилъ, что его свѣтлости герцогу Бирону угодно видѣть ея высочество.

— Да мнѣ-то не угодно его видѣть! — объявила принцесса.

— Должно быть, у него до васъ какое-нибудь экстренное дѣло, — вступилась фрейлина.

— Герцогъ прошелъ сюда прямо отъ государыни императрицы, — пояснилъ пажъ.

— Значить, придется ужъ его принять, настаивала Юліана. — Только ваше высочество еще въ утреннемъ неглиже...

— Стану я для него наряжаться!

— Да и не причесаны...

Принцесса взялась рукой за прическу. Убѣдясь, должно быть, что въ такомъ видѣ принимать всеильнаго временщика, дѣйствительно, не совсѣмъ пристойно, она повязала себѣ волосы лежавшимъ тутъ отоманкѣ бѣлымъ платкомъ и запахнула на груди шлафрокъ.

— Ну, что же, проси!

IV. Прощай, мечты!

Герцогу курляндскому Эрнсту-Иоганну Бирону въ то время шелъ 49-й годъ. Въ молодости онъ, надо было думать, былъ "писанный красавецъ" — въ нѣмецкомъ, разумѣется, вкусѣ. Съ годами же подъ его энергичнымъ подбородкомъ образовался жировой кадыкъ, и гладко-выбритое лицо его, почти четвероугольное, замѣтно обрюзгло. Тѣмъ не менѣе, въ своемъ пышномъ парикѣ съ буклями до плечъ, въ шелковомъ, ярко оранжевомъ, расшитомъ золотомъ кафтанѣ, съ голубою андреевскою лентой черезъ плечо и съ блестящею звѣздой на груди, этотъ рослый и осанистый, пышущій здоровьемъ мужчина производилъ впечатлѣніе очень внушительное, хотя и отнюдь не благопріятное: холодно-жестокій взглядъ его сѣрыхъ глазъ и плотоядный, широкій ротъ невольно отъ него отталкивали.

— Имѣю счастье пожелать вашему высокочеству добраго утра, — началъ онъ по-нѣмецки деревянно-официальнымъ тономъ,

преклоняясь съ надменностью восточнаго са-трапа. — Баронессъ Юліанъ мое почтеніе.

При этомъ взоръ его скользнулъ и въ сторону Лилли и на минутку на ней остановился, точно изучая ея внѣшность.

— Это — младшая сестра покойной моей фрейлины Дези Врангель, — пояснила Анна Леопольдовна, нехотя поднимавшаяся съ отоманки на встрѣчу непрошеному гостю.

— Я такъ и полагаю, — отозвался временщикъ и съ милостивой улыбкой шагнулъ къ дѣвочкѣ. — Настоящій персикъ и прямо съ вѣтки.

Мясистая рука его протянулась къ ея свѣжему, загорѣлому личику. Но оцѣнить высокую ласку Лилли не сумѣла и звонко хлопнула его по рукѣ.

— Aber, Lilli! — ужаснулась Юліана.

— Sapperlot! — сорвалось и съ губъ герцога; въ глазахъ его сверкнула такая звѣрская злоба, что у Лилли колѣни задрожали.

Но бывалый царедворецъ, видно, уже спохватился, что подобныя «буршикозныя» междометія не совсѣмъ умѣстны въ присутствіи принцессы, и счелъ долгомъ из-

виниться передъ нею:

— Не взыщите, ваше высочество...

— Развѣ съ васъ можно взыскивать, когда вы полжизни проводите на конюшнѣ? — былъ сухой отвѣтъ.

"Это въ отместку за меня!" пробѣжало въ головѣ у Лилли.

Бирона, всей душой преданнаго своему конюшенному вѣдомству, передернуло; можно было ожидать, что при своей неудержимой вспыльчивости онъ дастъ волю своему гнѣву. Благоразуміе, однако, одержало верхъ, и онъ приступилъ сряду къ предмету аудіенціи прежнимъ деревяннымъ тономъ, точно раскусывая каждое слово:

— Государыня императрица поручила мнѣ передать вашему высочеству свою непреложную Высочайшую волю.

— Волю государыни я всегда чту и готова исполнить, если то въ моей власти, — отвѣчала Анна Леопольдовна. — Въ чемъ дѣло?

Герцогъ взглянулъ на Юліану и Лилли.

— Дѣло столь деликатное, — заявилъ онъ, — что всякое постороннее ухо здѣсь из-

лишне.

— Лилли Врангель можетъ сейчасъ вытти; отъ Юліаны же у меня нѣтъ тайнъ.

— Есть тайны государственныя, принцесса, которыя раньше времени не сообщаются и самымъ приближеннымъ лицамъ.

— А это такая государственная тайна?

— М-да. Долго я не держу вашего вниманія.

Принцесса пожала плечами и предложила обѣимъ барышнямъ вытти изъ комнаты. Тѣ молча повиновались и притворили за собою дверь.

Любопытство, свойственное вообще прекрасному полу, не было чуждо, видно, и гоф-фрейлинѣ. Она опустилась на ближайшій къ двери диванчикъ и указала Лилли мѣсто рядомъ съ собой; причемъ не утерпѣла, впрочемъ, сдѣлать ей шопотомъ серіозное внушеніе за давишнюю безтактность съ герцогомъ.

— Ужъ не знаю, кто былъ болѣе безтактенъ: онъ или я! — оправдывалась дѣвочка. — Какъ онъ смѣетъ лѣзть своей противной лапой мнѣ въ лицо!

— Вреда тебѣ оттого вѣдь никакого бы не было. Ты не должна забывать, что для герцога

у насъ законовъ не писано. Сколько изъ петербургскихъ дамъ были бы польщены такимъ его вниманіемъ!

— А сами вы тоже были бы польщены?

Очередь возмутиться была теперь за красавицей-гоффриной.

— Ты забываешься! Притомъ онъ видѣлъ въ тебѣ еще полуребенка...

— Но я все-таки изъ старинной дворянской семьи; а онъ, говорятъ, изъ простыхъ придворныхъ служителей, и фамилія его даже не Биронъ, а Vühren...

— Самъ онъ производитъ свой родъ отъ знаменитаго французскаго герцога Бирона, — по праву или самозванно — судить не намъ. Мы должны считаться съ тѣмъ, что онъ теперь на самомъ дѣлѣ. Теперь онъ всѣми признанный герцогъ курляндскій, и въ рукахъ его — не одна Курляндія, но и вся Россія съ ея милліонами подданныхъ. Но тише! дай послушать.

Объ приникли ухомъ. Сквозь толстую дубовую дверь, притворявшуюся плотно, донесся все же довольно явственно раздраженный голосъ герцога:

— Еще разъ повторяю, что такова воля государыни! А я даю вамъ еще на выборъ того или другого.

— Да не хочу я ни того, ни другого! — крикнула въ отчаяніи принцесса.

— Воля государыни! — повторилъ Биронъ. — И рѣшеніе свое вы должны объявить мнѣ сейчасъ же. Итакъ?

Въ отвѣтъ послышалось какъ будто рыданіе.

— Извергъ!.. — пробормотала Юліана и сорвалась съ дивана.

Она схватилась уже за ручку двери, но вдругъ отлетѣла назадъ и заняла свое прежнее мѣсто на диванѣ.

— Что такое? — спросила Лилли.

— Онъ сейчасъ выйдетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, дверь съ шумомъ распахнулась, и временщикъ не вышелъ, а выбѣжалъ отъ принцессы. Видъ у него былъ положительно страшный: это былъ бѣшеный звѣрь, но не левъ, гордый царь пустыни, а матерый быкъ, приведенный въ ярость краснымъ платкомъ. Когда онъ пробѣжалъ мимо, Юліана и Лилли возвратились къ принцессѣ.

Анна Леопольдовна лежала распростертой на своей отоманкѣ, уткнувшись лицомъ въ вышитую подушку. Плечи ея нервно вздрагивали.

Юліана первымъ дѣломъ пошла въ сосѣдній покой за валеріановыми каплями: Лилли узнала ихъ тотчасъ по рѣзкому запаху, который распространился по комнатѣ. Когда же капли оказали на плачущую свое успокоительное дѣйствіе, фрейлина не замедлила справиться, что ее такъ разстроило.

— Все кончено... — былъ безнадежный отвѣтъ.

— Т.-е. какъ такъ кончено?

— А такъ, что я выхожу замужъ.

— За принца Антона-Ульриха?

— Ну да... Ахъ ты, Боже мой, Боже мой!

— Но какъ же это, скажите, герцогу удалось все же убѣдить васъ?

— Онъ принесъ мнѣ категорическое повелѣніе тетушки. Доктора даютъ ей вѣдь не болѣе двухъ лѣтъ жизни; такъ она хочетъ, чтобы еще до ея смерти у меня былъ сынъ — будущій императоръ...

— Чтобы такимъ образомъ при ней еще

русскій тронъ былъ твердо упроченъ? Желаніе государыни, ваше высочество, вполнѣ понятно, и откладывать дѣло, дѣйствительно, уже не приходится. Но чего я все-таки не понимаю: отчего герцогъ послѣ своей успѣшной миссіи вышелъ отъ васъ такимъ разсерженнымъ?

— Да представъ себѣ, Юліана, наглость: "Не хотите вы, — говорить, — принца брауншвейгскаго, такъ возьмите принца курляндскаго". Я сначала даже не поняла.

" — Какого такого? говорю.

" — А старшаго сына моего, Петра.

" — Да ему, говорю, — всего вѣдь пятнадцать лѣтъ!

" — Но онъ уже ротмистръ кирасирскаго полка.

" — Ротмистръ, который потѣшается тѣмъ, что обливаетъ дамамъ платья чернилами, а съ мужчинъ срываетъ парики! Нѣтъ, говорю, если ужъ выбирать изъ двухъ золь, то лучше взять меньшее: вмѣсто мальчика-ротмистра, взрослога генерала".

— И увѣнчаннаго уже на войнѣ лаврами, — досказала Юліана: — за свою храбрость

принцъ Антонъ-Ульрихъ заслужилъ вѣдь два высшихъ ордена: Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго.

— "За свою храбрость"? Такой робкій человекъ не можетъ быть храбрымъ. Онъ не похожъ даже на мужчину!

— Да, съ дамами онъ нѣсколько застѣнчивъ, — потому, можетъ быть, что заикается. Но собой онъ очень и очень недурень...

— Перестань, пожалуйста, Юліана! Съ чего ты взяла мнѣ его расхваливать?

— Да разъ онъ дѣлается вашимъ супругомъ, такъ надо же вамъ показать его и съ свѣтлыхъ сторонъ.

— То-то, что онъ для меня черезчуръ уже свѣтелъ: совершенный блондинъ, даже рѣсницы бѣлыя!

— Но блондины и раньше были вашею слабостью; вѣдь и нѣкій дрезденскій рыцарь далеко не брюнетъ...

— Ты, Юліана, точно еще насмѣхаешься надо мной.

— Служить вамъ можетъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, что участь вашу раздѣляютъ по-

чти всѣ коронованныя особы; хоть бы вотъ молодая королева прусская, Елисавета-Христина.

— Но у той супругъ — не чета Антону-Ульриху Фридриха II уважаетъ вся Европа.

— Тѣмъ хуже: онъ не выноситъ вида своей супруги, съ которой его насильно повѣнчали, встрѣчается съ нею только въ торжественныхъ случаяхъ, а она, бѣдная, говоритъ, его все-таки, безумно любить, изнываетъ по немъ! Вотъ это, точно, не дай ужъ Богъ. А когда же, скажите ваша свадьба?

— Не знаю и знать не желаю! Вотъ наша доля — доля принцессъ крови... Ахъ, и ты еще здѣсь, Лилли? Благодари Бога, моя милая, что ты не принцесса, что можешь вытти разъ замужъ за человѣка, котораго всѣмъ сердцемъ любишь!

V. На смарку

Хотя принцесса Анна Леопольдовна съ принцемъ брауншвейгскимъ (точнѣе говоря, брауншвейгъ-бевеРНъ-люнебургскимъ) Антономъ-Ульрихомъ официально еще и не обручились, но съ другого же дня ни для кого при Дворѣ не было уже тайной, что негласная помолвка состоялась, и что такимъ образомъ вопросъ объ этомъ бракѣ, много лѣтъ уже назадъ задуманномъ императрицею, рѣшенъ безповоротно. Всѣ интересы придворныхъ вращались теперь около предстоящаго брачнаго торжества и ожидаемыхъ съ нимъ всевозможныхъ празднествъ. На ту же тему бесѣдовали межъ собой и два молодыхъ камеръ-юнкера цесаревны Елисаветы Петровны, братья Шуваловы, сидя у себя дома подъ вечеръ за ломбернымъ столомъ.

Карточная игра, преимущественно азартная — въ банкъ-«фараонъ», въ «бириби», въ «ла-мушъ» и въ «квинтичъ» (отъ французскаго названія "quine") въ ту пору при нашемъ Дворѣ процвѣтала. Какъ только выдавался свободный вечеръ, ломберные столы разстав-

лялись попеременно то въ собственныхъ покояхъ императрицы, то у герцога курляндскаго, то у его добраго пріятеля, втораго кабинетъ-министра, графа Остермана. Въ "русскомъ лагерѣ" карты составляли также самое обыденное развлеченіе. Главный столпъ русской партіи, первый кабинетъ-министръ Волынской, за массою государственныхъ дѣлъ, рѣже другихъ увлекался игрой. Сама же цесаревна играла очень охотно, и ея придворная молодежь питала ту же слабость. Если почему-либо въ елисаветинскомъ дворцѣ не устраивалось игры, то зеленый столъ открывался вѣрно у кого-нибудь изъ ея сторонниковъ.

Въ описываемый вечеръ обычные партнеры Шуваловыхъ еще не прибыли, но, въ ожиданіи ихъ, братья забавлялись игрой вдвоемъ, — пока, впрочемъ, игрой не азартной, а «коммерческой» — въ пикетъ.

— Ты, Петя, нынче что-то очень ужъ разсѣянъ, — говорилъ старшій братъ, Александръ Ивановичъ, записывая свой выигрышъ мѣломъ и тасуя затѣмъ колоду: — разносишь четырнадцать дамъ! Въ головѣ у тебя

вѣрно опять пятнадцатая дама?

— Ты думаешь: Юліана Менгденъ? — отозвался Петръ Ивановичъ. — Нѣтъ, если я и приударяю за нею, то больше для фигуры, чтобы быть всегда au courant на счетъ всего, что творится въ ихъ лагерѣ. Вертится въ головѣ у меня все этотъ марьяжъ принцессы! Какое положеніе займетъ наша цесаревна? Досель ей, родной дочери Великаго Петра, были равны онѣры съ принцессой. Отнынѣ же принцесса выдвигается на первый планъ, становится полноправною наслѣдницей престола.

— Буде у нея не родится сынъ, напередъ уже предназначенный быть императоромъ,

— Да не все ли это одно?

— До совершеннолѣтія опекать его будетъ она же, мамаша. Но при ея вяломъ темпераментѣ Биронъ живо приберетъ правленіе къ рукамъ и станетъ полновластнымъ падишахомъ.

— А твой добрый пріятель Липпманъ — его первымъ визиремъ! — съ усмѣшкой досказалъ старшій братъ.

При имени придворнаго банкира Липпмана, бывшаго въ тоже время шпиономъ, науш-

никомъ и ближайшимъ совѣтчикомъ Бирона, — Петръ Ивановичъ сердито поморщился.

— Не называй мнѣ этого хриstopродавца! сказалъ онъ. — Дереть такіе безбожные проценты...

— Охота жъ тебѣ съ нимъ связываться: интригантъ и каналья прекомплектная. Но ты, Петя, смотришь слишкомъ мрачно. Ты забываешь, что у насъ есть Волынскій...

— Да, доколѣ жива государыня, намъ, русскимъ, кое-какъ живется. Книгъ она, кромѣ божественныхъ, правда, не читаетъ, окружила себя бабьемъ да скоморохами; но Артемія Петровича она все же принимаетъ съ докладами. Природнаго здраваго смысла у нея много, да и любитъ она свой народъ. Но разъ ея не станетъ, — прощай матушка Россія! Настанетъ царствіе нѣмецкое. Первымъ падетъ, увидишь, Волынскій; а тамъ и намъ съ тобой придется укладывать сундуки...

— Въ мѣста не столь отдаленныя.

— А можетъ, и въ весьма отдаленныя. Что-то будетъ, братъ, что-то будетъ?!

Со стороны входныхъ дверей донесся сочувственный вздохъ. Оба брата съ

недоумѣніемъ оглянулись: въ дверяхъ стоялъ второй ихъ камердинеръ, знакомый уже читателямъ Гриша Самсоновъ.

— Ты чего тутъ уши развѣсилъ? — строго замѣтилъ ему старшій баринъ. — Господскія рѣчи, знаешь вѣдь, не для холопскихъ ушей.

— Не погнѣвайтесь, сударь, отозвался Самсоновъ. — Но и у нашего брата, холопа, душа русская и по родинѣ своей тоже скорбитъ.

— А помочь горю все равно тоже не можешь.

— Одинъ-то, знамо, въ полѣ не воинъ; но найдись побольше такихъ, какъ я...

— Что такое?! — еще строже пріосанился Александръ Ивановичъ. — Да ты никакъ бунтовать собираешься?

— Поколѣ здравствуетъ наша благовѣрная государыня Анна Іоанновна, бунтовать никому и на мысль не впадетъ. Когда же ея въ живыхъ уже не станетъ, да придетъ то царствіе нѣмецкое, такъ какъ же русскимъ людямъ не подняться на нѣмцевъ?

— Вонъ слышишь, Петя, слышишь? — обернулся Александръ Ивановичъ къ младшему брату. — А все ты съ своимъ

вольномысліемъ: пускаешься въ бесѣды съ холопьями какъ съ равными...

— А мнѣ, знаешь ли, такая простота ихъ даже нравится, — отозвался "вольномыслящій" братъ. — Воочію видишь, какъ пробуждается человѣкъ, какъ начинаетъ шевелить мозгами. Ну, что же, Самсоновъ, говори, надоумь насъ, сдѣлай милость, какъ намъ въ тѣ поры быть, что предпріять.

Добродушная иронія, слышавшаяся въ голосѣ младшаго барина, вогнала кровь въ лицо «холопа».

— Вы, сударь, вотъ смѣтеть надо мной, — сказалъ онъ, — а мнѣ, ей-ей, не до смѣху.

— Да и мнѣ тоже, — произнесъ Петръ Ивановичъ болѣе серіозно. — Говори, не бойся; можетъ, что намъ и вправду пригодится.

Самсоновъ перевелъ духъ и заговорилъ:

— Цесаревна наша вѣдь — подлинная дочь своего великаго родителя: душа у нея такая жъ русская, умъ тоже острый и свѣтлый. И народъ объ этомъ хорошо знаетъ, крѣпко ее любить, а про гвардію нашу и говоритъ нечего: всѣ какъ есть до послѣдняго рядового души въ ней не чають, готовы за нее въ огонь и

ВЪ ВОДУ...

— Ну?

— Такъ вотъ, коли будетъ ужъ такая воля Божья и пробьетъ государынѣ смертный часъ, — кому и быть на ея мѣсто царицей, какъ не цесаревнѣ? Вся гвардія, а за ней и весь народъ, какъ одинъ человекъ, возгласить: "Да здравствуетъ наша матушка-государыня Елисавета Петровна!"

— Ну, подумайте! Очумѣль ты, паря, аль съ ума спятилъ? Не дай Богъ, кто чужой тебя еще услышитъ... — раздался тутъ изъ передней ворчливый старческій голосъ, и оттуда выставилась убѣленная сѣдинами голова перваго камердинера Шуваловыхъ, Ермолаича. (Ни имени, ни прозвища старика никто уже, кажется, не помнилъ; для всѣхъ онъ былъ просто Ермолаичъ).

— Это ты, старина? — обернулся къ нему старшій баринъ. — Убери-ка его отсюда; не то еще на всѣхъ насъ бѣду накличетъ.

— Шалый, одно слово! У него и не туда еще дума заносится.

— А куда-же?

— Да хочеть, вишь, грамотѣ обучиться. Ну,

подумайте!

— Да, ваша милость, не откажите! — подхватилъ тутъ Самсоновъ. — Вѣкъ за васъ Богу молиться буду.

— Мало еще своего дѣла! — продолжалъ брюзжать старикъ. — Батожемъ-бы поучить — вотъ те и наука.

— Слышишь, Григорій, что умные-то люди говорятъ? — замѣтилъ Александръ Ивановичъ. — Знай сверчокъ свой шестокъ.

— Прости, Саша, — вступился младшій братъ. — Есть еще и другая пословица: ученье — свѣтъ, а неученье — тьма. Отчего мы съ тобой изъ деревни до сихъ поръ толковаго отчета никакъ не добьемся? Оттого, что прикащикъ у насъ и въ грамотѣ, и въ ариѳметикѣ еле лыко вяжетъ. Я, правду сказать, ничего противъ того не имѣю, чтобы Григорій поучился читать, писать, да и счету.

— А я рѣшительно противъ того. Ну, а теперь вы, болтуны, убирайтесь-ка вонъ; мѣшаете только серіознымъ дѣломъ заниматься.

— Иди, иди! чего сталъ? — понукалъ Ермолаичъ Самсонова, дергая его за рукавъ. — То-

же грамотей нашелся! Ну, подумайте!

Нехотя поплелся тотъ за старикомъ. Господа же принялись опять за свое "серіозное дѣло".

— Уморительный старикашка съ своей поговоркой, — говорилъ Александръ Ивановичъ, собирая карты. — Экая шваль вѣдь пошла, экая шваль: ни живого человѣческаго лица! Ну, подумайте!

Дѣйствительно, счастье ему измѣнило; брать его то-и-дѣло объявлялъ квинты, четырнадцать тузовъ и насчитывалъ за шестьдесятъ и за девяносто. Александръ Ивановичъ потерялъ терпѣніе.

— Нѣтъ, въ пикетъ тебѣ теперь безсовѣстно везетъ! — сказалъ онъ. — Заложика лучше: банчикъ.

— Могу; но сперва дай-ка сосчитаемся.

При расчетѣ оказалось, что запись младшаго брата превышала запись старшаго на двѣнадцать рублей.

— Вотъ эти двѣнадцать рублей и будутъ моимъ фондомъ, объявилъ онъ.

— Только-то? Тогда я ставлю сразу ва-банкъ.

Но счастье не повернулось: карта понтирующего была бита и фондъ банкмета удвоился.

— Ва-банкъ!

Фондъ учетверился.

— Ва-банкъ!

— Да что-жъ это, братъ, за игра? — замѣтилъ Петръ Ивановичъ. — Ты будешь этакъ удваивать кушъ, пока не сорвешь наконецъ банка?

— Это — мое дѣло.

— Ну, нѣтъ! Предѣлъ ставкамъ долженъ быть. Еще два раза, такъ и быть, промечу.

— Еще десять разъ, голубчикъ!

— Ладно, пять разъ — и баста.

Но всѣ пять разъ удача была опять на сторонѣ банкмета. Проигравшійся съ досады плюнулъ и помянулъ даже чорта.

— Полторы тысячи съ лишкомъ! Да у меня и денегъ такихъ нѣтъ.

— Такъ вотъ что, Саша, — предложилъ Петръ Ивановичъ. — Я смараю тебѣ всю сумму; уступи мнѣ только всѣ права на Самсонова. — Какъ такъ?

— А такъ, что до сихъ поръ онъ принадле-

жалъ намъ обоимъ; а впредь онъ будетъ исключительно мой.

— Что за фантазія!

— Ну, чтожъ, идетъ?

— Идетъ!

Петръ Ивановичъ стеръ со стола всю свою записъ, а затѣмъ крикнулъ:

— Самсоновъ!

Самсоновъ показался на порогѣ.

— Подойди-ка сюда. До сегодняшняго дня у тебя было двое господъ: вотъ Александръ Ивановичъ да я. Теперь мы заключили съ нимъ любовную сдѣлку: онъ уступилъ мнѣ всѣ свои права на тебя.

Сумрачныя еще черты молодого камердинера просвѣтлѣли.

— Такъ-ли я уразумѣлъ, сударь? У меня будетъ одинъ всего господинъ — ваша милость; а у Александра Иваныча одинъ Ермолаичъ?

— О Ермолаичѣ у насъ рѣчи не было; онъ остается при томъ, при чемъ былъ. Но ты, понятное дѣло, не долженъ отказываться помогать иногда старику.

— Да я со всѣмъ моимъ удовольствіемъ.

— А такъ какъ надъ тобой нѣтъ отнынѣ

уже другой власти, oprичь моей, то я разрѣшаю тебѣ обучиться и грамотѣ, и письму, и счету.

Самсоновъ повалился въ ноги своему единственному теперь господину.

— Ну, это ты уже напрасно, этого я не выношу! — сказалъ Петръ Ивановичъ. — Не червякъ ты, чтобы пресмыкаться. Сейчасъ встань!

— За это слово, сударь, благослови васъ Богъ! — произнесъ глубоко-взволнованный Самсоновъ и приподнялся съ полу. — Мы хоть и рабы, а созданы тоже по образу Божію...

— Ну, вотъ, и пожинай теперь свои плоды! — замѣтилъ брату по-французски Александръ Ивановичъ. — Онъ считаетъ себя настоящимъ человѣкомъ!

— А что-же онъ по твоему — животное? — отозвался на томъ-же языкѣ младшій братъ; послѣ чего обратился снова къ Самсонову. — Но учителя для тебя у меня еще нѣтъ на примѣтъ. Развѣ послать за приходскимъ дьячкомъ?..

— Да чего-же проще, — насмѣшливо

вмѣшался снова Александръ Ивановичъ: — отправь его въ des sciences Академію: тамъ учеными мужами хоть прудъ пруди.

— А чтожъ, и отправлю, — идея вовсе не дурная, — только не къ нѣмцамъ-академикамъ, а къ русскому-же человѣку, секретарю Академіи, Тредіаковскому. Онъ обучалъ русской грамотѣ вѣдь и принца Антона-Ульриха.

На этомъ разговоръ былъ прерванъ рѣзкимъ звонкомъ въ передней: то были ожидаемые Шуваловыми партнеры, и весь интересъ пріятельской компаніи до самаго разсвѣта сосредоточился уже на «капитально-мъ» вопросѣ: ляжетъ-ли такая-то карта на-право или налѣво.

VI. Секретарь де-сіяньсѣ Академіи на службѣ и на Олимпѣ

Своего будущаго учителя, Василья Кирилловича Тредіаковскаго, Самсоновъ не имѣлъ еще случая видѣть, а по наслышкѣ не могъ составить себѣ объ немъ сколько-нибудь яснаго представленія. Нѣкоторое время уже спустя, горемычный пита-философъ, привязавшись, повидимому, довольно искренно къ своему способному ученику, въ минуты откровенія повѣдалъ ему урывками свое прошлое. Изъ этихъ урывковъ для Самсонова постепенно выяснилось, что Тредіаковскій былъ сыномъ приходскаго священника и родился въ Астрахани въ 1703 году. Первые азы онъ одолѣлъ въ мѣстной приходской школѣ, но затѣмъ былъ перемѣщенъ въ латинскую школу при католическомъ костелѣ монаховъ-капуциновъ "для прохожденія словесныхъ наукъ" на латинскомъ языкѣ. Вліяніе на него отцовъ-капуциновъ и въ религіозномъ отношеніи сказалося при окончаніи двадцатилѣтнимъ бурсакомъ курса: когда родитель вздумалъ тутъ женить его на одной священнической доче-

ри, чтобы открыть ему такимъ образомъ путь къ священническому сану, сынъ сбѣжалъ изъ-подъ вѣнца въ Москву. Благодаря основательной подготовкѣ въ латыни, онъ былъ принятъ въ славяно-греко латинскую академію при московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ прямо въ классъ реторики. Но его мечтою было — "вѣщающее усовершенствованіе" въ заграничныхъ академіяхъ. И вотъ, съ грошами въ карманѣ, онъ пѣшкомъ добирается до Петербурга, находитъ тамъ "вождѣленную оказію" и на голландскомъ кораблѣ плыветъ въ Амстердамъ. Русскій посланникъ при голландскомъ Дворѣ графъ Головкинъ, даетъ ему у себя временный пріютъ "съ изряднымъ трактаментомъ", пока юноша не научается говорить по-французски; а затѣмъ отпускаетъ его съ миромъ "по образу пѣшаго хожденія" въ Парижъ, гдѣ тамошній посоль нашъ князь Куракинъ точно также принимаетъ его "на даровой коштъ" въ свой домъ. Въ парижскомъ университетѣ молодой человѣкъ заканчиваетъ свое образованіе по наукамъ философскимъ и математическимъ, а въ Сорбонѣ — по богослов-

скимъ. Въ то же время онъ участвуетъ и въ публичныхъ диспутахъ, пишетъ не только русскіе, но и французскіе стихи, переводитъ на русскій языкъ, частью прозой, частью стихами, сочиненіе "Ъзда на островъ любви". По возвращеніи въ Петербургъ онъ мается три года безъ мѣста, "испытывая всякія огорчительныя неожиданности и реприманты", пока, наконецъ, въ 1733 году не пристраивается на казенную должность секретаря "де-сіянсъ Академіи", съ жалованьемъ въ 360 р. асс. и съ обязательствомъ: "1, стараться о чистомъ слоgъ россійскаго языка, какъ простымъ слогомъ, такъ и стихами; 2, давать лекціи въ гимназіи при Академіи; 3, трудиться совокупно съ другими надъ лексикономъ, и 4, окончить грамматику, которую онъ началъ, также и переводитъ съ французскаго и латинскаго на россійскій языкъ все, что ему дано будетъ". Теперь-же онъ, "какъ истинный сынъ, отечества, полагаель всю славу и удовольствіе въ доблестномъ выполненіи сихъ начальственныхъ предначертаній".

Все это, какъ сказано, Самсоновъ узналъ уже впослѣдствіи. Когда онъ подходилъ къ

главному, украшенному колоннами, порталу академическаго зданія, онъ не зналъ даже, молодой-ли еще человекъ Тредіаковскій, или же онъ такого же преклоннаго возраста, какъ этотъ сгорбленный старичокъ въ очкахъ, что поднимался только-что по ступенямъ высокаго крыльца. Пропустивъ старичка впередъ, Самсоновъ вошелъ вслѣдъ за нимъ въ прихожую.

— Здравія желаю вашему превосходительству! — почтительно-фамильярно привѣтствовалъ старичка украшенный нѣсколькими медалями швейцаръ, снимая съ него старенькій плащъ съ капюшономъ, тогда какъ подначальный сторожъ принималъ шляпу и палку.

— Господинъ секретарь здѣсь? — спросилъ старичокъ по-русски, но съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

Отвѣтъ былъ утвердительный.

— А господинъ совѣтникъ?

— Тоже-съ; сейчасъ только прибыли.

Старичокъ направился къ двери съ надписью, которую Самсоновъ за неграмотностью не могъ прочесть, но которая гласила:

"Канцелярія".

— Вѣрно, академикъ? — отнесся Самсоновъ къ швейцару.

Тотъ не удостоилъ его отвѣта, оглядѣлъ его ливрею критическимъ окомъ и спросилъ въ свою очередь:

— Да ты къ кому?

— Къ господину Тредіаковскому, Василью Кириллычу.

— Отъ кого?

— Отъ моего господина.

— Да господинъ-то твой кто будетъ?

— А тебѣ для чего знать?

Швейцарскія очи гнѣвно вспыхнули: какой-то юнецъ-лакеишко и смѣетъ дерзить ему, многократному «кавалеру»!

— Коли спрашиваю, стало, нужно. Ну?

— Господинъ мой — камеръ-юнкеръ цесаревны, Петръ Иванычъ Шуваловъ.

— Ты съ письмомъ отъ него, значить?

— Съ письмомъ.

— Да ты, чего добраго, къ намъ на службу мѣтишь? Ступай себѣ съ Богомъ, ступай! Секретарь у насъ — послѣдняя спица въ колесницѣ и ни какихъ мѣстъ не раздастъ.

— Я и не ищу вовсе мѣста.

— Такъ о чемъ же письмо-то?

Назойливость допросчика надоѣла допрашиваемому.

— Въ письмѣ все расписано, да письмо, вишь, запечатано. Какъ распечатаетъ его господинъ секретарь, такъ спроси: коли твоя милость здѣсь всѣхъ дѣлъ вершитель, такъ онъ тебѣ все въ точности доложить. А теперь самъ доложи-ка обо мнѣ.

Такою неслыханною продерзостью оскорбленный до глубины души, «кавалеръ» весь побагровѣлъ и коротко фыркнулъ:

— Подождешь!

Приходилось вооружиться терпѣніемъ. Около стѣны стоялъ для посѣтителей ясневаго дерева ларь. Самсоновъ пошелъ къ ларю и присѣлъ. Но начальникъ прихожей тотчасъ поднялъ его опять на ноги:

— Ишь, разсѣлся! Вонъ въ углу мѣсто: тамъ и постоишь.

Дѣлать нечего, пришлось отойти въ уголъ. Въ это время изъ канцеляріи стали доноситься спорящіе голоса, вѣрнѣе, одинъ голосъ, трубный, звучалъ недовольно и повелитель-

но, а другой звенѣль виноватой скрипящей фистулой. Первый принадлежалъ, должно быть, "совѣтнику", начальнику канцеляріи, второй же — секретарю.

— Здорово его отчитываетъ! — замѣтилъ сторожу швейцаръ, выразительно поводя бровью.

— Допекаетъ! — усмѣхнулся тотъ въ отвѣтъ. — Вѣрно, опять что проворонилъ.

— Не безъ того. Съ нашимъ братомъ изъ себя какой вѣдь куражный, а передъ начальствомъ и оправить себя не умѣетъ.

Дверь канцеляріи растворилась. Первымъ показался опять старичекъ-академикъ. Провожавшій его до порога "совѣтникъ", сухопарый и строгаго вида мужчина, покровительственно успокоилъ его на прощанье: "Wird Ailes geschehen, Geehrtester" ("Все будетъ сдѣлано, почтеннѣйшій"), и повернулъ назадъ.

Въ тотъ же мигъ проскользнуло въ прихожую третье лицо, судя по потертому форменному кафтану съ мѣдными пуговицами — секретарь, чтобы выхватить изъ рукъ швейцара плащъ академика и собственноручно

возложить его послѣднему на плечи.

— Не поставьте въ вину, ваше превосходительство, что нѣкая яко бы конфузія учинилась, — лебезиль онъ: — вышерѣченное дѣло по регламенту собственно мнѣ не принадлежитъ; но отъ сего часа я приложу усиленное стараніе...

— Schon gut, schon gut, Herr Confusionsrat! — прервалъ его извинительную рѣчь академикъ и, поднявъ на него глаза, спросилъ съ тонкой улыбкой: — Вы, вѣрно, живете теперь опять не въ Петербургѣ у насъ, а на Олимпѣ?

— Именно-съ, на Олимпѣ у батюшки моего — Аполлона и сестрицъ моихъ — музъ, хе-хе-хе! Компаную пѣснопѣніе на предстоящее священное бракосочетаніе ея высочества принцессы Анны.

— Ja, ja, lieber Freund, das sieht man wohl. (Да, да, любезный другъ, оно и видно).

При этомъ руки старика протянулись за подаваемыми ему сторожемъ шляпой и палкой. Но сынъ Аполлона съ такою стремительностью завладѣлъ опять тою и другою, что самъ чуть не споткнулся на палку, а шляпу уро-

ниль на полъ.

— Richtig! (Вѣрно!) — сказалъ академикъ, наклоняясь за шляпой. — Есть поговорка: "Eile mit Weile". Какъ сіе будетъ по-русски? "Тише ъдешь..."

— "Дальше будешь", — досказалъ швейцаръ. — Правильно-съ, ваше превосходительство. Поспѣшишь — людей насмѣшишь. Счастливо оставаться.

— Проклятая нѣмчура!.. — проворчалъ Тредіаковскій вслѣдъ уходящему, отирая не первой свѣжести платкомъ выступившій у него на лбу потъ; затѣмъ счель нужнымъ сдѣлать внушеніе швейцару: — ты-то, любезный, чего суешься, гдѣ тебя не спрашиваютъ?

— А ваше благородіе кто просиль исполнять швейцарскую службу? — огрызнулся тотъ.

— Церберъ, какъ есть треглавый Церберъ! А тебѣ тутъ что нужно? — еще грубѣе напустился Тредіаковскій на замѣннаго имъ только теперь молодого ливрейнаго лакея, который былъ, очевидно, свидѣтелемъ его двойного афронта.

— Я съ письмомъ къ вашему

благородію, — отвѣчалъ, выступая впередъ, Самсоновъ и подалъ ему письмо.

Сорвавъ конвертъ, Василій Кирилловичъ сталъ читать. Почеркъ писавшаго былъ, должно быть, не очень-то разборчивъ, потому что читающій процѣдилъ сквозь зубы:

— Эко нацарапано!

Пока онъ разбиралъ «нацарапанное», Самсоновъ имѣлъ достаточно времени разглядѣть его самого. Тредіаковскому было тогда 36 лѣтъ; но по лунообразному облику его лица съ двойнымъ подбородкомъ и порядочному уже брюшку ему смѣло можно было дать всѣ 40. Бритва, повидимому, нѣсколько дней уже не касалась его щекъ; волосатая бородавка на лѣвой щекѣ еще менѣе служила къ его украшенію. На головѣ его хотя и красовался, по требованіямъ времени, парикъ съ чернымъ кошелькомъ на затылкѣ, но мукою онъ былъ посыпанъ, вѣроятно, еще наканунѣ, а то и два дня назадъ: только тамъ да сямъ сохранились еще слипшіеся отъ сала клочки муки и придавали владѣльцу парика какъ бы лысый видъ.

"Ровно молью поѣденъ", невольно напро-

силось Самсонову сравненіе.

Разобравъ наконецъ письмо, Василій Кирилловичъ воззрился на посланца.

— Это который же Шуваловъ? — спросилъ онъ. — Меньшой?

— Такъ точно: Петръ Иванычъ; они оба камеръ-юнкерами у цесаревны.

— Знаю! А у кого, oprичъ цесаревны, онъ еще содержимъ въ особой аттенціи?

— Кто ему доброхотствуетъ? Да вотъ первый министръ Артемій Петровичъ Волынскій къ нему, кажися, тоже благорасположенъ.

Тредіаковскій поморщился и потянулъ себя двумя перстами за носъ.

— Гмъ, гмъ... Амбара немалое... Мужъ г-нъ Волынскій достопочтенный, великомудрый и у благочестивѣйшей въ большомъ кредитъ; но... но за всѣмъ тѣмъ отъ его благорасположенія можно претерпѣть ущербъ.

"Ты самъ, стало быть, нѣмецкой партіи?" сообразилъ Самсоновъ и добавилъ вслухъ:

— Господинъ мой въ добрыхъ отношеніяхъ также съ гоффриной принцессы, баронессой Менгденъ. Еще намереніи я

относилъ ей коробку ея любимыхъ конфетъ.

— О! онъ съ нею ферлакурить? Это мѣняетъ дѣло. Баринъ твой, изволишь видѣть, просить взять тебя въ науку. Всегда великая есть утѣха прилежать къ наукамъ. Онѣ же отвлекаютъ въ юности отъ непорядочнаго житія. Благодарю же Создателя, что направилъ тебя ко мнѣ. До трехъ часовъ дня я занятъ тутъ въ канцеляріи болѣе важной матеріей, по сихъ поръ. (Онъ провелъ рукой надъ переносицей). Съ четвертаго же часа ты можешь застать меня на квартирѣ. Жительство я здѣсь же, въ Академіи, но со двора.

— Покорно благодарю, ваше благородіе; нынче же по вечеру отпрошусь къ вамъ.

— Приходи, приходи, любезный. А господину Шувалову мой всенижайшій поклонъ и привѣтъ.

Солнце еще не сѣло, когда Самсоновъ поднимался по черной лѣстницѣ академическаго зданія въ верхній этажъ, гдѣ Тредіаковскому была отведена скромная квартирка въ одну комнату съ кухней, часть которой была отгорожена для прихожей. Колокольчика у двери

не оказалось; пришлось постучаться. Только на многократный и усиленный стук впустилъ молодого гостя самъ хозяинъ. Въмѣсто форменнаго кафтана на немъ былъ теперь засаленный халатъ съ продранными локтями, а вмѣсто парика — собственная, всклокоченная шевелюра; въ рукѣ у него было гусиное перо: очевидно онъ былъ только-что отвлечень отъ бесѣды съ сестрицами своими — музами.

— Прошу прощенья, сударь, — извинился Самсоновъ: — я никакъ помѣшалъ вамъ...

— Ничего, любезный, — снисходительно кивнулъ ему Тредіаковскій; — у меня ни часу не пропадаетъ втунѣ; "сагре діем", сирѣчь "пользуйся днемъ, колико возможно".

— А я думалъ уже, не пошли-ли вы прогуляться, да и прислугу отпустили со двора: погода славная...

— "Поютъ птички со синички,
Хвостомъ машутъ к лисички"? —

вѣрно; благораствореніе воздуху. Но нашъ братъ, ученый, бодрость и силу изъ книгъ почерпаетъ. А что до прислуги, то таковой я второй годъ ужъ не держу. Была старушенція, да Богу душу отдала. Съ того дня живу какъ

персть, самъ себѣ господинъ и слуга.

Говоря такъ, Василій Кирилловичъ прошелъ въ свою комнату и усѣлся за столъ, безпорядочно заваленный бумагами, а Самсонову милостиво указалъ на другой стулъ, дырявый, у стѣны.

— Садись ужъ, садись, да чуръ — съ оглядкой: одна ножка ненадежна.

— Коли дозволите, я вамъ ее исправлю, — вызвался Самсоновъ: — захвачу изъ дому столярнаго клею...

— И благо. Чего озираешься? Не вельможныя палаты. Года три назадъ, еще приватно на мытномъ дворѣ проживающій, погорѣлъ до тла; однѣ книги изъ огня только и вынесъ; мебеlementа и поднесъ еще не обновилъ.

"Омеблементъ", дѣйствительно, былъ очень скуденъ и простъ. Даже письменный столъ былъ тесовый, некрашенный. Единственнымъ украшеніемъ небольшой и низкой комнаты служили двѣ полки книгъ въ прочныхъ, свиной кожи, переплетахъ.

— А развѣ г-нъ совѣтникъ не испросилъ вамъ пожарнаго пособія? — замѣтилъ Самсоновъ.

Василій Кирилловичъ безнадежно махнулъ рукой.

— Станеть этакій ферфлюхтеръ хлопотать о русскомъ человѣкѣ!

— А на него и управы нѣтъ?

— На Юганна-Данилу Шумахера управа? Га! Этому Зевесу и нѣмцы-академики въ ножки кланяются. Одначе, пора намъ съ тобой и за дѣло. Ты грамотѣ-то сколько-нибудь обучень?

— Нисколько-съ.

— Какъ? и азбуки не знаешь?

— И азбуки не знаю.

— Эхъ, эхъ! Когда-то мы съ тобой до реторики доберемся.

— А это тоже особая наука?

— Особая и преизрядная; учить она не только красно говорить, но еще чрезъ красоту своего штиля и къ тому слушателей приводить, что они вѣрятъ выговоренному; подаетъ она и искусный способъ получать милости отъ знатныхъ лицъ, содѣя тебя властителемъ надъ человѣческими сердцами.

— Куда ужъ мнѣ заноситься такъ далеко! Дай Богъ сперва хоть научиться простой гра-

мотъ да цыфири.

— Да, цыфирь, иначе математика, находится тоже въ столь великомъ почетѣ, что изъ оной знать надлежитъ по меньшей мѣрѣ наиспособнѣйшее и наіупотребительнѣйшее — четыре правила ариѳметики. Нынѣ же начнемъ съ первыхъ азовъ родной рѣчи. Принцъ Антонъ-Ульрихъ, при пріѣздѣ шесть лѣтъ тому въ Питеръ, не зналъ по-русски и въ зубъ толкнуть. Мнѣ выпало тогда счастье обучать его какъ нашему языку, такъ равно и російской грамотѣ. Начерталь я для его свѣтлости наши литеры и каллиграфныя прописи. Теперь оныя и для тебя пригодятся: честь, братецъ, немалая.

Съ этими словами Тредіаковскій досталъ съ полки переплетенную тетрадь, гдѣ въ началѣ была имъ «начертана» крупнымъ шрифтомъ русская азбука, а далѣе — прописи. Такъ какъ его первый ученикъ, принцъ брауншвейгскій, прибывъ въ Россію на 20-мъ году жизни, умѣлъ уже, конечно, и читать, и писать по-нѣмецки, то учителю не было надобности обучать его русскимъ буквамъ и складамъ по тогдашнему стародавнему спосо-

бу: "Азь, Буки — Аб", "Буки, Азь — Ба" и т. д. Выговаривалъ Василій Кирилловичъ русскія буквы по-нѣмецки: "А, Бе". Къ этому упрощенному приему обратился онъ и съ своимъ новымъ ученикомъ и былъ пріятно пораженъ, съ какою быстротою и легкостью тотъ схватывалъ первоначальную книжную мудрость.

— О! да этакъ у тебя и чтеніе скоро пойдетъ какъ по маслу, — сказалъ онъ. — Вотъ постой-ка, есть у меня тутъ нѣкая торжественная пѣснь: еще въ бытность мою въ Гамбургъ сочинена мною на коронацію нашей благовѣрной государыни императрицы. Самъ я буду читать, а ты только слѣди за мной.

И, развернувъ на столъ передъ ученикомъ большой пергаментный листъ, онъ сталъ, не торопясь, но съ должнымъ паѳосомъ, считать съ листа свою "пѣснь", вода по печатнымъ строкамъ ногтемъ:

— "Да здравствуетъ днесъ Императриксъ Анна

На престолъ сѣдша Увѣнчанна"...

— «Императриксъ» — это что же? — спросилъ Самсоновъ. — Императрица?

— Ну да; но по-латыни.

— А зачѣмъ же было не сказать то же по-русски?

— Высокая, братецъ, матерія требуетъ и штиля високаго. Для тебя сіе, я вижу, еще тарбарщина. Прочитаю-ка тебѣ нѣчто болѣе доступное, — про грозу въ Гаагѣ, городѣ голландскомъ: самъ ее испытавши, тогда жѣ и воспѣлъ. Слушай.

И Самсоновъ услышалъ, какъ "набѣгли тучи, воду несучи... Молніи сверкають, страхомъ поражаютъ, трескъ въ лѣсу съ Перуна, и темнѣетъ Луна... Всѣ животны рыщутъ, покою не сыщутъ; бѣютъ себя въ груди виноваты люди... руки воздѣвають, на небо глашаютъ."

Голосъ чтеца гремѣлъ, очи метали молніи. И вдругъ изъ тѣхъ же очей свѣтлый лучъ, а изъ устъ медовые звуки: "О, солнце красно! Стань опять ясно, разжени тучи, слезы горячи... А вы, Аквилоны, будьте какъ и оны; лютость отложите, только прохладите... Дни намъ надо красны, пріятны и ясны."

Неизбалованный слухъ Самсонова ласкало со звучіе рижь, а потому на вопросъ: "каковы стихи?" — онъ отвѣчалъ вполнѣ чистосер-

дечно:

— Превосходны-съ!

Василій Кирилловичъ самодовольно улыбулся.

— Это, братецъ ты мой, только цвѣточки; а ужъ ягоды у меня!..

"Однако онъ меня своими ягодами, пожалуй, еще обкормить! Хорошаго понемножку," подумалъ Самсоновъ и взялся за картузь.

— Ты что жъ это, уже во-свояси? — съ видимымъ сожалѣніемъ спросилъ декламаторъ.

— Да, ваше благородіе, пора. Много вамъ благодарень...

— И есть за что. Сама вѣдь государыня императрица какъ меня цѣнитъ! До гробовой доски не забуду, какъ пѣлъ я передъ нею сочиненную мною на голосъ оду на новый 1733 годъ!

— Сами же и пѣли?

— Собственной персоной. Голосомъ Богъ не обидѣлъ. Государыня изволила возлежать въ своемъ креслѣ у пылающаго камина, а я, смиренно проползши отъ порога до ея стопъ на колѣняхъ, въ такой же позитурѣ пѣлъ

свою оду; когда жъ допѣль, ея величеству благоугодно было державною дланью ударить меня по ланитѣ. Незабвенная оплеушина!.. Ну, прощай, любезный, утѣшилъ ты меня. Завтра, о сю же пору, жду тебя опять неуклонно.

VII. Прогулка по Лѣтнему саду

Нѣсколько дней уже Лилли Врангель провела подъ кровлей Лѣтняго дворца, но не удостоилась еще представленія императрицѣ. Изъ всѣхъ обоего пола обитателей дворца она болѣе или менѣе сошлась пока только съ нѣмкой мадамъ Варлендъ, которой были поручены главный надзоръ надъ дворцовыми птичниками и дрессировка для государыни разныхъ птицъ. Въ Зимнемъ дворцѣ былъ отведенъ для пернатыхъ, какъ она слышала, особый дворъ; въ Лѣтнемъ же саду имѣлась даже цѣлая "менажерія": въ одной большой общей клѣткѣ содержались всевозможныя лѣсныя пташки, нѣкоторыя "заморскія" птицы и всякая домашняя; соловьи и орлы сидѣли въ отдѣльныхъ клѣткахъ; точно такъ же отдѣльно помѣщалось и разное мелкое

звѣрье: мартышки, сурки и т. п.

Собственно на «птичный» дворъ ни гулявшая въ Лѣтнемъ саду посторонняя публика, ни жильцы Лѣтняго дворца вообще не имѣли доступа. Но для Лилли мадамъ Варлендъ дѣлала изъятіе изъ общаго запрета, такъ какъ дѣвочка съ такимъ неослабнымъ интересомъ относилась къ ея питомцамъ. Чего-чего не узнала отъ нея Лилли! Такъ, напр., что большая клѣтка оставляется на зиму подъ открытымъ небомъ, но отъ морозовъ и снѣга покрывается войлочнымъ чехломъ; что всего больше хлопотъ и заботъ у мадамъ Варлендъ съ выучкой одного сѣраго, съ краснымъ хохолкомъ, красавца-попугая, который, по приказу государыни, выписанъ нарочно изъ Гамбурга и будетъ подаренъ его свѣтлости, герцогу курляндскому, въ день его рожденія — 13-го ноября; что и русскихъ-то птицъ не такъ легко получать въ желаемомъ количествѣ: хоть бы вотъ купецъ Иванъ Симоновъ подрядился наловить 50 штукъ соловьевъ по 30 коп. за штуку (легко сказать! этакія деньги!), а къ осени надо, во что бы то ни стало, раздобыть еще сотню; про обыкновенныхъ

пичугъ: скворцовъ, зябликовъ, щеглять, чижей, — и говорить нечего...

— Да на что вамъ, помилуйте, все еще новыхъ да новыхъ птицъ, когда у васъ ихъ здѣсь и безъ того хоть отбавляй? — недоумѣвала Лилли.

— А мало ли ихъ требуется для всѣхъ чиновъ Двора? — отвѣчала мадамъ Варлендъ. — Всякому пріятно получить этакую пѣвунью даромъ. Ну, а потомъ весной въ Благовѣщенье ея величество любитъ выпускать собственноручно на волю цѣлыя сотни мелкихъ птахъ, да еще...

— Что еще? — не унималась Лилли, когда та, глубоко вздохнувъ, запнулась.

— Государыня до страсти, знаешь, любитъ стрѣлять птицъ на-лету... Ну, что же дѣлать? Бѣдняжки приносятъ свою жизнь, такъ сказать, на алтарь отечества! А не хочешь ли, дитя мое, разъ прогуляться? Вѣдь ты не видѣла еще всѣхъ здѣшнихъ диковинъ?

Тогдашній Лѣтній садъ состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ садовъ: первые два занимали ту самую площадь между Фонтанкой и Царицынымъ Лугомъ, что и нынѣшній Лѣтній садъ;

третій же, какъ ихъ продолженіе, находился тамъ, гдѣ теперь инженерный замокъ съ его садомъ. Диковины первыхъ двухъ садовъ были слѣдующія: свинцовыя «фигуры» изъ "Езоповыхъ фабулъ," «большой» гротъ съ органомъ, издававшимъ звуки посредствомъ проведенной въ него изъ пруда воды; «малый» гротъ и "маленькіе гротцы", затейливо убранные разноцвѣтными раковинами, два пруда: «большой» — съ лебедями, гусями, утками, журавлями и чапурами (цаплями), и "прудъ карпьевъ", гдѣ можно было кормить рыбъ хлѣбомъ; оранжереи и теплицы; затѣмъ еще разныя «огибныя» и «крытыя» дорожки, увитыя зеленью бесѣдки и проч.

Третій садъ былъ предназначенъ не для гулянья, а для хозяйственныхъ цѣлей: часть его была засажена фруктовыми деревьями и ягодными кустами, а другая раскопана подъ огородныя овощи.

Только-что Лилли съ мадамъ Варлендъ вышли на окружную дорогу, отдѣлявшую второй садъ отъ третьяго, какъ вдали показались два бѣгущихъ скорохода, а за ними экипажъ.

— Государыня! — вскрикнула Варлендъ и,

схвативъ Лилли за руку, повлекла ее въ ближайшую бесѣдку.

— Да для чего намъ прятаться? — спросила Лилли. — Я государыню до сихъ поръ вѣдь даже не имѣла случая видѣть...

— Когда ея величество недомогаеть, то лучше не попадаться ей на глаза. Сегодня она дѣлаеть хоть опять прогулку въ экипажѣ — и то слава Богу. Сейчасъ онѣ проѣдутъ... ч-ш-ш-ш!

Обѣ притаились. Вотъ пролетѣли мимо, какъ вѣтеръ, скороходы; а вотъ послышался, по убитой пескомъ дорогѣ, мягкій шумъ колесъ и дробный лошадиный топотъ. Сквозь ажурный переплетъ бесѣдки Лилли, сама снаружи невидимая, могла довольно отчетливо разглядѣть проѣзжающихъ: въ небольшой коляскѣ, запряженной парой пони тигровой масти, сидѣли двѣ дамы, изъ которыхъ одна, болѣе пожилая, очень полная и высокая, сама правила лошадкамаи.

— Да это же вовсе не государыня! — усомнилась Лилли, когда экипажъ скрылся изъ виду.

— Какъ же нѣтъ? — возразила Вар-

лендъ. — Та, что правила, и была государыня.

— Не можетъ быть! На ней не было ни золотой короны, ни порфиры...

— Ахъ ты, дитя, дитя! — улыбнулась Варлендъ. — Корона и порфира надѣваются монархами только при самыхъ большихъ торжествахъ.

— Вотъ какъ? А я-то думала... Но кто была съ нею другая дама? У той лицо не то чтобы важнѣе, но, какъ бы сказать?..

— Спесивѣе? Да, ужъ такой спесивицы, какъ герцогиня Биронъ, другой у насъ и не найти. Она воображаетъ себя второй царицей: въ дни приемовъ у себя дома возсѣдаетъ, какъ на тронѣ, на высокомъ позолоченномъ креслѣ; платье на ней цѣною въ сто тысячъ рублей, а брилліантовъ понавѣшено на цѣлыхъ два милліона. Каждому визитеру она протягиваетъ не одну руку, а обѣ заразъ, и горе тому, кто поцѣлуетъ одну только руку!

— Вотъ дура-то!

— Что ты, милая! Развѣ такія вещи говорятся вслухъ?

— А про себя думать можно? — засмѣялась Лилли. — Вы, мадамъ Варлендъ, ее, видно, не

очень-то любите?

— Кто ее любить!

— А государыня?

— Государыня держитъ ее около себя больше изъ-за самого герцога. Въ экипажѣ она садитъ ее, конечно, рядомъ съ собой, но въ комнатахъ герцогиня въ присутствіи государыни точно такъ же, какъ и всѣ другіе, не смѣетъ садиться. Изъ статсъ-дамъ одной только старушкѣ графинѣ Чернышевой ея величество дѣлаетъ иногда послабленіе. "Ты, матушка, я вижу, устала стоять?" говоритъ она ей. "Такъ упрись о столъ; пускай кто-нибудь тебя заслонитъ вмѣсто ширмы, чтобы я тебя не видѣла."

— А изъ другихъ дамъ, кто всего ближе къ государынѣ?

— Да, пожалуй, камерфрау Юшкова.

— Какая же она дама! Въдь она, кажется, изъ совсѣмъ простыхъ и была прежде чуть ли не судомойкой?

— Происхожденіе ея, моя милая, надо теперь забыть: Анна Федоровна выдана замужъ за подполковника; значить, она подполковница.

— Однако она до сихъ поръ еще обрѣзаетъ

ногти на ногахъ у государыни, да и у всего семейства герцога?

— Господи! Кто тебѣ разболталъ объ этомъ?

— Узнала я это отъ одной камермедхенъ.

— Отъ которой?

— Позвольте ужъ умолчать. За мою болтовню съ прислугой мнѣ и то довольно уже досталось.

— Отъ принцессы?

— Ай, нѣтъ. Принцесса не скажетъ никому ни одного жесткаго слова. Ей точно лѣнь даже сердиться. Нотацію прочла мнѣ баронесса Юліана: "Съ прислугой надо быть привѣтливой, но такъ, чтобы она это цѣнила, какъ особую милость. Никакой фамильярности, чтобъ не вызвать ее на такое же фамильярничанье, которое обращается въ нахальство"...

— А что жъ, все это очень вѣрно. Совѣты баронессы Юліаны вообще должны быть для тебя придворнымъ катехизисомъ. Она, конечно, объяснила тебѣ также, какъ вести себя съ государыней?

— О, да. Улыбаться можно, но не ранѣе, ка-

къ только тогда, когда сама государыня улыбнется, а громко смѣяться — Боже упаси! Да мнѣ теперь и не до смѣху; какъ подумаю, что придется тоже представляться государынѣ, такъ у меня душа уходитъ въ пятки. Такъ страшно, такъ ужъ страшно!..

— Да ты и вправду вѣдь дрожишь, какъ маленькая птичка, — замѣтила начальница птичника, нѣжно глядя дѣвочку по спинѣ. — Ну, полно же, полно. Приметь тебя государыня вѣдь не при общемъ приѣмѣ, а совсѣмъ приватно, запросто, въ своемъ домашнемъ кругу. Изъ 6-ти статсъ-дамъ будетъ, вѣроятно, одна только безотлучная герцогиня Биронъ.

— Но герцогиня, сами вы говорите, такая гордячка...

— При государынѣ она и рта не развѣваетъ.

— А оберъ-гофмейстерина?

— Княгиня Голицына? Та послѣ смерти своего мужа-фельдмаршала, вотъ уже девятый годъ, почти не показывается при Дворѣ. Будутъ только фрейлины, да приживалки, да шуты.

— Но скажите мнѣ, пожалуйста, мадамъ Варлендъ (баронессу Юліану я не рѣшилась

спросить): для чего государыня окружила себя шутами? Вѣдь есть же болѣе благородныя развлеченія?

— Видишь ли... На всѣ эти куртаги, банкеты, спектакли надо являться въ корсажѣ, фижмахъ, букляхъ, надо самой вести придворные разговоры. Не такъ давно еще не проходило вѣдь дня безъ какихъ-либо празднествъ; завели итальянскую оперу, нѣмецкую трагедію... Герцогъ выписалъ нарочно нѣмецкую труппу изъ Лейпцига. И что за роскошь была въ нарядахъ! Никто не смѣлъ пріѣзжать ко Двору второй разъ въ одномъ и томъ же платьѣ. На нарядахъ многіе даже до тла раззорялись, влѣзали по уши въ долги. Но вотъ съ тѣхъ поръ, что государыня чувствуетъ себя такъ плохо, всѣ эти оффиціальныя выходы слишкомъ ее утомляютъ, и она почти не показывается изъ своихъ апартаментовъ. Тамъ фрейлины развлекаютъ ее народными пѣснями, приживалки — рассказами о привидѣніяхъ и разбойникахъ, а шуты — своими глупостями. Изъ шутовъ, сказать между нами, одинъ только можетъ назваться человѣкомъ: это Балакиревъ, который былъ

шутомъ еще у царя Петра.

— Но есть вѣдь между ними, кажется, и титулованные?

— Есть-то есть: два князя и одинъ графъ...

— Но какъ тѣ-то рѣшились сдѣлаться шутами?

— Не по своей охотѣ, конечно, а разжалованы въ шуты, — одинъ изъ-за своей жены, интригантки, а два другихъ за то, что тайнымъ образомъ перешли въ католичество: государыня вѣдь очень набожна и крѣпко держится своего православія.

— Мнѣ называли еще какого-то любимца государыни Педрилло?

— Ну, этотъ неаполитанецъ не столько шутъ, какъ мошенникъ. Зовутъ его собственно Піетро Мира; былъ онъ у насъ сперва пѣвцомъ буффъ въ итальянской оперѣ и скрипачомъ въ оркестрѣ; но своими забавными дурачествами сумѣлъ снискать расположеніе государыни, и она сдѣлала его своимъ придворнымъ шутомъ. Теперь онъ исполняетъ всякія порученія ея величества, гдѣ можетъ извлечь для себя пользу, играетъ за нее въ карты, а выигрышъ кладетъ себѣ въ

карманъ. Для него да еще для другого шута изъ португальскихъ жидовъ, Яна д'Акоста, тоже изряднаго плута, учрежденъ даже особый шутовской орденъ — святого Бенедетто.

— А кромѣ шутовъ, у государыни есть вѣдь и шутихи?

— Ну, тѣ просто безобидныя болтушки. Съ одной, впрочемъ, милая, будь осторожна — съ карлицей-калмычкой: у нея бывають и презлыя шутки.

— Я слышала, кажется, ея имя: Буженинова.

— Вотъ, вотъ. Крещена она Авдотъей, прозвище же Буженинова ей дано за то, что любимое ея кушанье — буженина, вареная свинина съ лукомъ и перцомъ.

— Но, что до меня, то я не могла бы проводить цѣлые дни въ обществѣ дураковъ и дурь!

— Бога ради, моя милая, не высказывайся только такъ откровенно при другихъ! Тебя не сдѣлають тогда не только фрейлиной принцессы, но и камеръ-юнгферой.

— Да мнѣ все равно, чѣмъ бы ни быть, хоть камермедхень, лишь бы поскорѣй! А то ви-

сишь на воздухъ между небомъ и землей...

Желаніе дѣвочки исполнилось уже на слѣдующее утро.

VIII. Анна Іоанновна въ домашнемъ быту

Когда дежурный камеръ-юнкеръ съ низкимъ поклономъ пропустилъ Анну Леопольдовну и сопровождавшихъ ее Юліану и Лилли въ царскіе покои, — навстрѣчу оттуда имъ неслись звонкіе переливы женскаго хора. Когда же онѣ переступили порогъ той комнаты, гдѣ пѣлъ хоръ, пѣніе было властно прервано не женски-густымъ голосомъ:

— Будеть, дѣвки! Пошли вонъ!

Пѣвицы-фрейлины, смолкнувъ, послушно удалились въ смежную комнату. Властный голосъ принадлежалъ сидѣвшей у открытаго въ садъ окна, пожилой дамѣ. Если бы Лилли даже и не видѣла ее мелькомъ наканунѣ проѣзжающею въ экипажѣ, то уже потому, что изъ всѣхъ присутствующихъ она одна только сидѣла, у нея не оставалось бы сомнѣнія, что то сама императрица.

Въ 1724 году голштинскій камеръ-юнкеръ

Берхгольцъ, будучи въ Митавѣ у двора Анны Іоанновны (тогда еще герцогини курляндской), описывалъ ее такъ:

"Герцогиня — женщина живая и пріятная, хорошо сложена, недурна собой и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе".

За пятнадцать лѣтъ, однако, внѣшность ея сильно измѣнилась. Необычайная дородность, особенно поражавшая въ утреннемъ свѣтлолоубомъ капотѣ, при отсутствіи корсета; головной уборъ — красный платокъ, рѣзко выдѣлявшій смуглость лица, и всего болѣе долговременная болѣзненность дѣлали ее на видъ значительно старше ея 46-ти лѣтъ... Брови она еще красила, но румяниться и бѣлиться уже перестала, и, вмѣсто воды и мыла, употребляла для очищенія кожи только топленое масло, отъ чего цвѣтъ ея кожи казался еще смуглѣе. Выпуклые, широко-разставленные глаза будто опухли и были окаймлены темными кругами; углы рта были страдальчески опущены.

При появленіи любимой племянницы, впрочемъ, хмурья черты императрицы нѣсколько прояснились. Еще болѣе обрадова-

лась лежавшая у ея ногъ левретка: съ веселымъ лаемъ она вскочила съ своей вышитой подушки и, виляя хвостомъ, подбѣжала къ принцессѣ. (Въ скобкахъ замѣтимъ, одному изъ титулованныхъ шутовъ, бывшему камергеру, было поручено кормить эту собачку и приносить ей каждый день отъ «кухеншрейбера» кринку сливокъ).

— Здравствуй, Цытринька, здравствуй! — поздоровалась Анна Леопольдовна съ собачкой; затѣмъ, подойдя къ своей царственной теткѣ, пожелала ей добраго утра, поцѣловала руку и тутъ же представила ей Лилли:

— Вотъ, ваше величество, моя маленькая фаворитка.

Государыня взоромъ знатока оглядѣла снизу вверхъ стройную, гибкую фигуру дѣвочки.

— Молодая березка! А я вѣдь и то думала, что ты еще коротышка. Недотрога какая! По щекѣ даже не смѣй потрепать. А щечки-то какія алыя! На алый цвѣтокъ летитъ и мотылекъ.

"Ну, ужъ мотылекъ!" вспомнила Лилли про Бирона, но на словахъ этого, конечно, не выразила, а только пуще зардѣлась.

— Ну, Богъ проститъ, — милостиво продолжала императрица. — Ты вѣдь хоть и нѣмка, а говоришь тоже по-нашему?

Сама Анна Іоанновна, не смотря на то, что цѣлыхъ двадцать лѣтъ провела въ Курляндіи, все еще не освоилась хорошенько съ нѣмецкою рѣчью, а потому попрежнему предпочитала русскій языкъ.

— Говорю, ваше величество, отвѣчала, — ободрившись, Лилли. — Я родилась въ Тамбовской губерніи...

— О! да у тебя и выговоръ-то совсѣмъ русскій, чище еще, чѣмъ у покойной сестрицы. Можетъ, ты и русскія пѣсни пѣть умѣешь?

Лилли замаялась. Мало-ли распѣвала она въ дѣтствѣ разныхъ пѣсенъ съ своими сверстницами, дворовыми дѣвчонками! Но государыня, чего добраго, прикажетъ ей еще пѣть сейчасъ при всѣхъ...

— Ну, что же молчишь? Отвѣчай! — шепнула ей сзади по-нѣмецки Юліана.

— Простите, ваше величество, — пролепетала Лилли: — у меня хриплый голосъ...

— Ну, тогда тебѣ цѣна грошъ.

Юліана, имѣвшая уже случай слышать, какъ звонко Лилли заливается въ своей комнаткѣ, не хотѣла обличить ее въ явной лжи, но сочла все таки полезнымъ пристыдить ее немножко и доложила государынѣ, что дѣвочка зато мастерица ѣздить верхомъ, даже безъ сѣдла, какъ деревенскія дѣти.

— Скажите, пожалуйста! — улыбнулась Анна Іоанновна. — Ну, когда-нибудь посмотримъ у насъ въ манежѣ, непременно посмотримъ.

Въ это время въ саду закаркала громко ворона.

— Проклятое вороньѣ! — проворчала государыня и выглянула въ окно. — Такъ и есть: опять надъ моимъ окномъ! Точно имъ и другого мѣста нѣтъ. Подайте-ка мнѣ ружье!

— О, mein Gott! — послышался сдавленный вздохъ изъ устъ стоявшей около царскаго кресла придворной дамы.

Не смѣя до сихъ поръ отвести глазъ отъ императрицы, Лилли только теперь взглянула на эту барыню, въ которой тотчасъ узнала вчерашнюю спутницу государыни, герцогиню Биронъ. Небольшого роста, но съ пышны-

мъ бюстомъ, 36-ти лѣтняя герцогиня была бы и лицомъ, пожалуй, даже недурна, не будь ея кожа испорчена оспой, не напускай она на себя чрезмѣрной важности и не имѣй она, кромѣ того, непохвальной привычки то-идѣло приподнимать брови, — что придавало ея самимъ по себѣ правильнымъ чертамъ выраженіе пугливаго высокомѣрія.

— Какъ это ты, Бенигна, не привыкаешь на конецъ къ выстрѣламъ? — замѣтила ей Анна Іоанновна. — Ну, да Господь съ тобой! Дайте мнѣ лукъ и стрѣлы.

— *Escolo, madre mia!* Вотъ тебѣ мой самострѣль, — подскочилъ къ ней вертлявый, черномазый субъектъ, въ которомъ, и безъ шутовскаго наряда, не трудно было узнать любимца царицы Педрилло по его звучному итальянскому говору и, казалось, намѣренному даже искаженію русской рѣчи (что мы, однако, не беремся воспроизвести). — Но, чуръ, не промахнись.

— Кто? я промахнусь? Ни въ жизнь!

— А вотъ побьемся объ закладъ: какъ промахнешься, такъ подаришь мнѣ за то золотой. Хорошо?

— Хорошо.

Натянувъ самострѣль, государыня, почти не цѣлясь, спустила стрѣлу. Въ тотъ же мигъ ворона, пронзенная стрѣлой, слетѣла кувыркомъ внизъ, цѣпляясь крыльями за древесныя вѣтви, и шлепнулась замертво на земь.

— Per Dio! — изумился Педрилло и съ заискивающей беззастѣнчивостью неаполитанскаго лаццарони протянулъ ладонь:

— *Ebbene, made, una piccola moneta.*

— Это за что, дуракъ?

— Да мнѣ ночью приснилось, что ты все же подарила мнѣ золотой, и я положилъ его уже себѣ въ карманъ.

— Такъ можешь оставить его у себя въ карманѣ.

Неаполитанецъ почесалъ себѣ ногою за ухомъ, а товарищи его разразились злораднымъ хохотомъ.

Тутъ вошедшій камеръ-юнкеръ доложилъ, что кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волынскій усерднѣйше просить ея величество удостоить воззрѣніемъ нѣкій спѣшный докладъ.

Анна Іоанновна досадливо насупилась.

— Скажи, что мнѣ недосужно. Вѣчно вѣдь не впопадъ!

— А то, матушка-государыня, велѣла бы ты спросить его: гдѣ бѣлая галка? — предложилъ одинъ изъ шутовъ.

— Какая бѣлая галка?

— Да какъ же: еще на запрошлой масляницѣ, помнишь, повелѣла ты доставить въ твою менажерію бѣлую галку, что проявилась въ Твери. Ну, такъ доколѣ онъ ее не представить, дотолѣ ты и не допускай его предъ свои пресвѣтлыя очи.

Государыня усмѣхнулась.

— А что жъ, пожалуй, такъ ему и скажи.

Камеръ-юнкеръ вышелъ, но минуту спустя опять возвратился съ отвѣтомъ, что, по распоряженію его высокопревосходительства Артемія Петровича, тогда-же было писано тверскому воеводѣ Кирѣевскому, дабы для поминки той бѣлой галки съ присланными изъ Москвы помытчиками было безъ промедленія отправлено потребное число солдатъ, сотскихъ, пятидесятскихъ; что во всеобщее свѣдѣніе о всемѣрномъ содѣйствіи было равномѣрно въ пристойныхъ мѣстахъ

неоднократно опубликовано и во всё города Тверской провинці указы посланы; но что съ тѣхъ поръ той бѣлой галки никто такъ уже и не видѣлъ.

— Пускай пошлетъ сейчасъ, кому слѣдуетъ, подтвердительные указы, — произнесла Анна Іоанновна съ рѣзкою рѣшительностью.

Не отходявшая отъ ея кресла герцогиня Биронъ, наклонясь къ ней, шепнула ей что-то на ухо.

— Нм, ја, — согласилась государыня и добавила къ сказанному: — буде-же у Артемія Петровича есть и въ самомъ дѣлѣ нѣчто очень важное, то можетъ передать его свѣтлости господину герцогу для личнаго мнѣ доклада.

Камеръ-юнкеръ откланялся и вновь уже не возвращался.

Между тѣмъ къ императрицѣ подошла камерфрау Анна Федоровна Юшкова и налила изъ склянки въ столовую ложку какой-то бурой жидкости.

— Да ты, Федоровна, своей бурдой въ конецъ уморить меня хочешь? — сказала Анна

Юанновна, впередь уже морщась.

— Помилуй, голубушка государыня! — отвѣчала Юшкова. — Самъ вѣдь лейбъ-медикъ твой Фишеръ прописаль: черезъ два часа, моль, по столовой ложкѣ. Выкушай ложечку, сдѣлай ужъ такую милость!

— Да вотъ португалець-то, докторъ Санхецъ, прописаль совсѣмъ другое.

— А ты его, вертопраха, не слушай. Степенный нѣмецъ, матушка, куда вѣрнѣе. Ты не смотри, что на видъ будто невкусно; вѣдь это лакрица, а лакрица, что медъ, сладка.

— Сласти, Федоровна, для дѣвокъ да подростковъ, а въ наши годы-то что тѣлу полезительнѣй.

— Да чего ужъ полезительнѣй лакрицы? Пей, родная, на здоровье!

— Дай-ка я за матушку нашу выпью, — вызвалась тутъ Буженинова, карлица-калмычка, и, разинувъ ротъ до ушей, потянулась къ подносимой царицѣ ложкѣ.

Но подкравшійся къ ней шутъ д'Акоста подтолкнулъ ложку снизу, и все ея содержимое брызнуло въ лицо карлицѣ.

Новый взрывъ хохота царицыныхъ

потѣшниковъ. Не смѣялся одинъ лишь Балакиревъ.

— Ты что это, Емельянычъ, надулся, чтомышь на крупу? — отнеслась къ нему государыня.

— Раздумываю, матушка, о негожествѣ потѣхъ человѣческихъ, — былъ отвѣтъ.

— Умень ужъ больно! вскинулся д'Акоста. — Смѣяться ему, вишь, на дураковъ не пристало. Словно и думать не умѣютъ!

— Умный начинаетъ думать тамъ, гдѣ дуракъ кончаетъ.

— Oibo! возмутился за д'Акосту Педрилло. — Скажи лучше, что завидно на насъ съ нимъ: не имѣешь еще нашего ордена Бенедетто.

— Куда ужъ намъ, русакамъ! Спасибо блаженной памяти царю Петру Алексѣевичу, что начальникомъ меня хоть надъ мухами поставилъ.

— Надъ мухами? — переспросила Анна Иоанновна. — Расскажи-ка, Емельянычъ, какъ то-было.

— Расскажу тебѣ, матушка, изволь. Случалось мнѣ нѣкоего вельможу (имени его не

стану наименовать) не однажды отъ гнѣва царскаго спасать. Ну, другой меня, за то уважилъ бы, какъ подобаеть знатной персонѣ; а онъ, вишь, по скаредности, и рубля пожалѣлъ. Видить тутъ государь, что я приунылъ, и вопрошаетъ точно такъ-же, какъ вотъ ты, сейчасъ, матушка:

"— Отчего ты, Емельянычъ, молъ, не весель, головушку повѣсилъ?"

"— Да какъ мнѣ, - говорю, — веселымъ быть, Алексѣичъ: не взирая на весь твой фаворъ, нѣтъ мнѣ отъ людей уваженія, а нѣтъ уваженія оттого, что всѣхъ, кто тебѣ служитъ вѣрой и правдой, ты жалуешь своей царской милостью: кого крестомъ, кого чиномъ, кого мѣстомъ, а меня вотъ за всю мою службу хотъ бы разъ чѣмъ наградилъ.

"— Чего-жъ ты самъ желаешь?" спрашиваетъ государь.

"Взялъ я тутъ смѣлость, говорю:

"— Такъ и такъ, молъ, батюшка: поставь ты меня начальникомъ надъ мухами.

"Разсмѣялся государь:

"— Ишь, что надумалъ! Въ какомъ разумѣ сіе понимать должно?"

"— А въ такомъ, говорю, — и понимать, что по указу твоему дается мнѣ полная мочь бить мухъ гдѣ только самъ вздумаю, и никто меня за то не смѣль-бы призвать къ отвѣту.

"— Будь по сему, говоритъ, — дамъ я тебѣ такой указъ.

"И своеручно написалъ мнѣ указъ.

"Долго-ли, коротко-ли, задалъ тотъ самый вельможа его царскому величеству пиръ звонистый, по-нонѣшнему — банкетъ. Пошла гульба да бражничанье; употчивались гости — лучше не надо. Я же, оставшись въ прежнемъ градусѣ, хватъ изъ кармана добрую плетку и давай бить на столѣ покалы, стаканы да рюмки, а посуда-то вся дорогая, хрустала богемскаго. Ну, хозяинъ, знамо, ошалѣлъ, осатанѣлъ, съ немалымъ крикомъ велѣлъ своимъ холопьямъ взять меня, раба божья, и вытолкать вонъ. Приступили они ко мнѣ — рать цѣлая, дванадесять тысячъ. А я учливымъ образомъ кажу имъ пергаментный листъ за собственнымъ царскимъ подписомъ:

"— Вотъ, моль, царевъ указъ, коимъ я надъ мухами начальникомъ поставленъ; а исполнять царскую службу я за долгъ святой пола-

гаю.

"Отступились тѣ отъ меня, гости кругомъ хохоцуть-заливаются, а я съ плеткой моей добираюсь уже до самаго хозяина. Пришелъ онъ тутъ въ конфузiю, затянулъ Лазаря:

"— Ахъ, Иванъ Емельянычъ! такой ты, моль, да сякой, есть за мной тебѣ еще малый должокъ...

"— Денегъ твоихъ, батюшка, теперь мнѣ уже не надо, — говорю: — дорого яичко къ Христову дню".

— Умно и красно, похвалила Анна Иоанновна рассказчика. — Могъ-бы ты, Емельянычъ, и мнѣ тоже иной разъ умнымъ словомъ промолвиться.

— Молвилъ-бы я, матушка, словечко, да волкъ недалеко, отвѣчалъ Балакиревъ, косясь исподлобья на супругу временщика.

Сама герцогиня Бенигна, плохо понимавшая по-русски, видимо, не поняла намека. Царица же сдвинула брови и пробормотала:

— Экая жарница... Квасу!

— Эй, Квасникъ! не слышишь, что-ли? — крикнуло нѣсколько голосовъ старичку въ дурацкомъ колпакѣ, сидѣвшему въ отдален-

номъ углу въ корзи́нь.

Въ отвѣтъ тотъ закудахталъ по-куриному.

Быль то отпрыскъ стариннаго княжескаго рода, разжалованный въ шуты (какъ уже раньше упомянуто) за ренегатство. Главная его обязанность состояла въ томъ, чтобы подавать царицѣ квасъ, за что ему и было присвоено прозвище «Квасникъ». Въ остальное время онъ долженъ былъ сидѣть "насѣдкой" въ своемъ "лукошкѣ" и высиживать подложенный подъ него десятокъ куриныхъ яицъ.

Не успѣлъ, однако, князь-Квасникъ vybrаться изъ своего лукошка, какъ Педрилло, подскочивъ, опрокинулъ лукошко и покати-лъ его, вмѣстѣ съ "насѣдкой", по полу. Тутъ подоспѣли и другіе потѣшники, стали, смѣясь, валить другъ дружку въ одну кучу, а еще другіе взялись за музыкальные инструменты: трубу, тромбонъ, бубень, — и комната огласилась такимъ человѣческимъ гамомъ и музыкальной какофоніей, что хоть святыхъ вонъ выноси. Мало того: царицына левретка Цытринька не хотѣла, видно, также отстать отъ другихъ и разлаялась во все свое собачье горло.

И вдругъ все кругомъ разомъ смолкло, застыла въ воздухѣ передъ громовымъ, какъ-бы магическимъ возгласомъ:

— Herrgottssapperment!

На порогѣ стоялъ грознымъ истуканомъ герцогъ Биронъ, одинъ лишь изъ всѣхъ царедворцевъ пользовавшійся привилегіей входить къ императрицѣ безъ предварительнаго доклада.

— Здравствуйте, любезный герцогъ, — привѣтствовала его Анна Іоанновна. — Вы ко мнѣ, я вижу, по дѣлу?

Она указала глазами на какую-то бумагу въ его рукѣ.

Биронъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ суровымъ взглядомъ и произнесъ, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности:

— Чернилъ и перо!

Мигомъ появилось и то, и другое.

— Господинъ Волынскій просилъ меня подать это къ аппробаціи вашего величества, продолжалъ по-нѣмецки герцогъ и началъ было излагать обстоятельства дѣла.

Но императрица перебила его на полфразѣ:

— Да вы сами-то прочитали бумагу?

— Прочиталъ, и признаю предлагаемую мѣру дѣйствительно полезною.

— Да? больше мнѣ ничего не нужно.

И на положенной герцогомъ на подоконникъ бумага послѣдовала требуемая Высочайшая "аппробація".

— Не позволите-ли намъ, государыня, теперь удалиться? — заявила тутъ Анна Леопольдовна.

— Я васъ, милыя мои, не задерживаю; съ Богомъ!

— А какую вашему величеству угодно опредѣлить диспозицію на счетъ моей бѣдной сиротки: чѣмъ быть ей при мнѣ?

Царица взглянула на Лилли; но при этомъ глаза ея уловили устремленный также на дѣвочку непріязненный взоръ временщика, и она признала нужнымъ спросить:

— А ваше мнѣніе, господинъ герцогъ?

— Да чтожъ, — отозвался тотъ, — дѣвица эта какъ-никакъ изъ баронессъ; нижней прислугой быть ей не подобаешь. Ваше высочество ею довольны?

Онъ вопросительно взглянулъ на принцес-

су.

— И весьма даже довольна, — подтвердила Анна Леопольдовна.

— Въ такомъ случаѣ она могла бы быть опредѣлена на первое время... младшей камеръ-юнгферой. Я вообще противъ того, чтобы обходить на службѣ старшихъ.

— Такъ пускай, значить, и будетъ, — рѣшила государыня и кивнула племянницѣ и ея фрейлинѣ на прощанье головой.

Новая камеръ-юнгфера принцессы не удостоилась кивка, тѣмъ менѣе «безъ-мена», т.-е. цѣлованія рукъ.

IX. Принцесса обручается

Бракосочетаніе принцессы мекленбургской съ принцемъ брауншвейгскимъ, долженствовавшее обезпечить престолонаслѣдіе въ Россійской имперіи, было окончательно назначено на вторникъ, 3-е іюля. Такъ какъ со дня ихъ негласнаго стовора оставалось впереди не болѣе трехъ недѣль, то приготовленія къ свадьбѣ происходили, что называется, на почтовыхъ. Сама невѣста, не смотря на свою флегму и отвращеніе къ этому браку, была какъ-то невольнo охвачена общимъ оживленіемъ, особенно когда ей приходилось примѣрять новые наряды. Но никогда Лилли не видѣла принцессу въ такомъ радостномъ возбужденіи, какъ однимъ утромъ, когда императрица взяла ее съ собой во флигель дворца, гдѣ придворный ювелиръ Граверо съ своимъ молодымъ помощникомъ Позье рѣзали и шлифовали разные драгоценные каменья, полученные недавно съ азіатскимъ караваномъ. Сама государыня заглядывала туда раза по два, по три въ день. Теперь она предоставила своей возлюбленной племянницѣ пол-

ную свободу выбирать какіе угодно каменья для новыхъ ожерельевъ, браслетовъ, брошекъ и колець и заказывать для нихъ, по собственному вкусу, оправы. Будучи весь день въ наилучшемъ расположеніи духа, Анна Леопольдовна одарила всѣхъ своихъ приближенныхъ, въ томъ числѣ и Лилли, изящными издѣліями того же Граверо. Только съ приближеніемъ рокового дня свадьбы, она замѣтно пала опять духомъ.

Еще до брачнаго обряда слѣдовало официально оформить сватовство брауншвейгскаго принца. Заочнымъ сватомъ согласился быть родной дядя жениха, императоръ "римскій" (какъ величали тогда императора австрійскаго) Карль VI; замѣстителемъ же его выступилъ чрезвычайный посланникъ австрійскій при нашемъ Дворѣ, маркизь Ботта-де-Адорно.

Торжественный вѣздъ маркиза Ботта въ Петербургъ состоялся изъ Александро-Невской лавры за два дня до свадьбы, — въ воскресенье, 1-го іюля. Въ понедѣльникъ, 2-го іюля, происходилъ въ стѣнахъ Зимняго дворца самый церемоніаль сватовства. Хотя Лил-

ли и не принадлежала еще къ свитѣ августѣйшей невѣсты, но, благодаря своему дворянскому происхожденію, получила все-таки разрѣшеніе съ нѣкоторыми другими дамами смотрѣть изъ боковыхъ дверей на весь церемоніаль въ большомъ тронномъ залѣ.

Въ самой глубинѣ обитомъ краснымъ сукномъ возвышеніи въ двѣнадцать ступеней, передъ золотымъ трономъ, осѣненнымъ балдахиномъ, стояла сама императрица. И безъ того очень высокаго роста, она, въ своемъ царскомъ вѣнцѣ и порфирѣ съ длиннѣйшимъ шлейфомъ, казалась еще выше. Видъ у нея былъ на этотъ разъ поистинѣ царственно-величавый; не опирайся она одной рукой на стоявшій рядомъ столъ, нельзя было бы и подозрѣвать ея тѣлесныхъ недуговъ, не позволявшихъ ей долго ни стоять, ни ходить.

По ступенямъ возвышенія съ обѣихъ сторонъ были разставлены высшіе сановники и камергеры въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, въ орденахъ и звѣздахъ, а внизу — камеръ-юнкеры. Вдоль всего огромнаго зала размѣстились въ три ряда: съ правой стороны-представители иноземныхъ державъ и

россійскаго дворянства, а слѣва — дамы, имѣющія прїѣздъ ко Двору.

Отъ этого невиданнаго еще ею дотолѣ, ослѣпительно-блестящаго собранія у Лилли въ глазахъ зарябило. Такъ она не была даже въ состоянїи, да не имѣла бы и времени, хорошенько разглядѣть цесаревну Елисавету Петровну, стоявшую въ первомъ ряду дамъ, близости отъ трона. Но одно ее все таки поразило: въ числѣ присутствующихъ не было ни самого герцога Бирона, ни его супруги, первой статсъ-дамы царицыной, и ей невольно подумалось:

"Не хотятъ ли они такимъ образомъ выразить протестъ, что сыну ихъ принцесса предпочла иностраннаго принца?"

— Маркизь Ботта! — заговорили тутъ около нея дамы, и она увидѣла малорослаго, плотнаго мужчину въ иностранной формѣ, мѣрными шагами и съ гордо-вскинутой головой направляющагося черезъ весь залъ къ императрицѣ.

Поднявшись вверхъ на пять, на шесть ступеней къ трону, посланникъ отвѣсилъ монархинѣ установленный поклонъ, накрылся,

по обычаю своей страны, раззолоченной шляпой съ плюмажемъ и произнесъ небольшую привѣтственную рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ; послѣ чего, снявъ опять шляпу, подалъ государынѣ письмо отъ вѣнценоснаго заочнаго свата.

Отвѣчала ему точно такъ же не сама императрица: заговорилъ отъ ея имени по-русски стоявшій на верхней ступенькѣ высокій и осанистый сановникъ, окидывая изъ-подъ своихъ пушистыхъ бровей стоявшаго нѣсколькими ступенями ниже приземистаго австрійца еще болѣе гордымъ взглядомъ.

"Первый министръ, Артемій Петровичъ Волынскій! — догадалась Лилли. — Точно такъ свысока долженъ смотрѣть и орель на коршуна, взлетѣвшаго къ его высямъ."

Волынскаго смѣнилъ графъ Кейзерлингъ, посланникъ брауншвейгъ-вольфенбюттельскій, чтобы сказать также нѣсколько словъ и подать письмо отъ своего государя, герцога вольфенбюттельскаго. Несмотря на сотни присутствующихъ, кругомъ царила такая мертвая тишина, что каждое слово говорившихъ долетало до противополо-

ложнаго конца зала.

По окончаніи рѣчей, Анна Іоанновна, опираясь на руку Волынскаго, спустилась съ троннаго возвышенія (два камерпажа поспѣшили подхватить волочившійся за нею тяжелый шлейфъ) и прослѣдовала въ большую, празднично-разукрашенную галерею, гдѣ придворные чины и дамы размѣстились въ томъ же порядкѣ.

— А вотъ и нареченный женихъ, — замѣтила вполголоса одна изъ сосѣдокъ Лилли. — Но какъ онъ жалокъ, Боже милосердный!

— Какъ есть агнецъ передъ закланьемъ, — отозвалась другая.

И точно: въ своемъ бѣломъ шелковомъ, расшитомъ золотомъ кафтанѣ, съ женоподобнымъ лицомъ и распущенными а l'enfant до плечъ, завитыми свѣтло-бѣлокурыми волосами, бѣдный принцъ брауншвейгскій шель между двумя рядами придворныхъ къ стоявшей подъ балдахиномъ въ концѣ галереи царицѣ шаткой поступью и съ миной осужденнаго. Невнятно пробормотавъ что-то, — должно-быть, личную просьбу не отказать

ему въ рукѣ царицыной племянницы, — онъ, по знаку Анны Іоанновны, сталъ рядомъ съ нею съ правой стороны, а его свать, маркизь Ботта, съ лѣвой.

Тутъ два высшихъ придворныхъ чина: кабинетъ-министры Волынскій и князь Черкасскій, ввели въ галерею и подвели къ императрицѣ племянницу-невѣсту. Видъ у Анны Леопольдовны былъ не менѣе убитый, какъ у Антона-Ульриха; а когда тетушка-царица объявила ей, что вотъ принцъ брауншвейгскій просить ея руки, — самообладаніе окончательно оставило бѣдняжку; она кинулась на шею къ государынѣ и разрыдалась.

Такая чисто-семейная сцена, не предусмотрѣнная церемоніаломъ, до того всѣхъ озадачила, что все кругомъ замерло, не смѣя шелохнуться. Сама Анна Іоанновна, строго сохранявшая до сихъ поръ свою царственную осанку, не смогла также подавить свое волненье: изъ-подъ рѣсницъ ея на голову припавшей къ ней племянницы закапали слезы.

Не потерялся только маркизь Ботта. Обра-

тясь къ императрицѣ съ новой рѣчью, онъ раскрылъ сафьяновый футляръ, въ которомъ оказался свадебный подарокъ «римскаго» императора — великолѣпная золотая цѣпь — «эсклаважъ», вся усыпанная драгоценными камнями и крупными жемчужинами. Дрожащими еще руками Анна Іоанновна приняла цѣпь и надѣла ее на шею невѣсты; послѣ чего сняла съ пальцевъ принца и принцессы обручальныя кольца и вручила жениху кольцо невѣсты, а невѣстѣ — кольцо жениха.

— Будьте счастливы, мои дѣти! Благослови васъ Господь Богъ и Пресвятая Матерь Божія! — проговорила она растроганнымъ голосомъ и обняла обоихъ.

Первою поздравить вновь обрученныхъ подошла цесаревна Елисавета. Обнимая принцессу, она тихонько стала утѣшать ее.

— Оставь! ты ее еще больше разстроишь! — властно замѣтила ей императрица, и цесаревна отошла, чтобы дать мѣсто другимъ поздравителямъ.

Стоя объ руку съ женихомъ, Анна Леопольдовна принимала поздравленія съ натянутой улыбкой сквозь слезы и, казалось, едва дер-

жалась на ногахъ, такъ что Антонъ-Ульрихъ долженъ былъ ее поддерживать, хотя у него самого видъ былъ не менѣе жалкій.

Всѣмъ присутствующимъ стало не по себѣ: всѣ украдкой переглядывались, перешопты-вались. Лилли услышала опять около себя пересуды, причитанья придворныхъ кумушекъ:

— Не къ добру это, охъ, не къ добру!

— Не обрученіе это, а словно похороны!

— Смотрите-ка, смотрите: уже уходятъ!

Невмоготу, знать, пришлось.

Толпившіяся въ дверяхъ торопливо посторонились, чтобы пропустить обрученныхъ.

Слѣдовавшая за принцессой баронесса Юліана кивнула по пути Лилли, чтобы та не отставала. Когда, рядомъ комнатъ, достигли наконецъ собственныхъ покоевъ Анны Леопольдовны, послѣдняя высвободила свою руку изъ-подъ руки жениха и, коротко поблагодаривъ: "Danke!", въ сопровожденіи Юліаны и Лилли вошла въ открытую камерпажемъ дверь, которая тотчасъ опять захлопнулась передъ озадаченнымъ принцемъ.

Х. Эсклаважъ и новая дружба

— **А**хъ, я бѣдная, бѣдная! — воскликнула Анна Леопольдовна, ломая руки, и повалилась ничкомъ на свое «канапе».

— Что вы дѣлаете, принцесса! — испугалась Юліана: — вы совсѣмъ вѣдь изомнете вашу чудную робу и ломаете, пожалуй, фижмы...

— Я задыхаюсь... Разстегни меня...

— Да вы хоть бы присѣли, — сказала Юліана и, наперерывъ съ Лилли, принялись разстегивать ей платье и распускать шнуровку.

Въ это время дверь снова растворилась, и вошла цесаревна Елисавета вмѣстѣ съ молодой гофрейлиной.

— А я хотѣла тебя, дорогая Анюта, еще отдѣльно поздравить, — заговорила цесаревна, подсаживаясь къ принцессѣ, и крѣпко чмокнула ее нѣсколько разъ. — Поздравляю отъ всей души!

— Есть съ чѣмъ!.. — отвѣчала Анна Леопольдовна, какъ избалованный ребенокъ, ка-

призно надувая губки. — Мужъ не башмакъ — съ ноги не сбросишь!

— Да зачѣмъ его сбрасывать? Если не тебѣ самой, то твоему будущему сыну суждено носить царскую корону.

— Сыну отъ постылаго мужа! Не нужно мнѣ ни сына, ни короны! Сколько разъ вѣдь говорила я тетущкѣ, что съ радостью уступлю тебѣ всѣ мои права...

— Вздоръ несешь, душенька. Ты государынѣ родная племянница, а я ей только кузина...

— Но зато въ десять разъ меня умнѣе! Не понимаю, право, почему ты, тетя Лиза, всегда еще такъ мила со мной...

— Ея высочество цесаревна со всѣми обворожительно мила, — вмѣшалась дипломатка Юліана.

— А главное, гораздо разсудительнѣе васъ, принцесса: если ужъ государынѣ благоугодно было назначить васъ своей наслѣдницей, такъ вы обязаны непрекословно повиноваться.

— Я и повинуюсь, выхожу замужъ за этого... Не знаю, какъ и назвать его!

Она залилась опять слезами, и Елисаветѣ

Петровнѣ стоило не малаго краснорѣчія, чтобы нѣсколько ее успокоить.

— Любоваться имѣ тебѣ не нужно; но другимъ-то своей нелюбви къ нему ты не должна слишкомъ явно показывать. Царствующія особы должны стоять на такой высотѣ надъ толпой, чтобы казались ей всегда высшими существами, неподверженными человѣческимъ слабостямъ.

— Да ты сама-то, тетя Лиза, развѣ держишь себя такъ?

— Я, милочка моя, никогда не буду царствовать... А какой прелестный у тебя "эсклаважъ!" — перемѣнила она тему и стала разглядывать драгоцѣнный подарокъ «римскаго» императора на шеѣ принцессы.

— Подлинно esclavage! — вскричала Анна Леопольдовна, срывая съ себя цѣпь и бросая ее на полъ. — Для того только мнѣ ее и навѣсили, что бы я никогда, никогда не забывала, что стала отнынѣ невольницей!

Лилли подняла цѣпь съ полу и, по молчаливому знаку Юліаны, отнесла на столъ. Во время предшествовавшаго разговора она имѣла полный досугъ разсмотрѣть цесаревну.

Юліана не даромъ назвала послѣднюю «обво-
рожительной». Хотя черты лица ея и не при-
надлежали къ числу такъ-называемыхъ
«классическихъ», но овалъ ихъ былъ очень
мягокъ и изященъ, а кожа отъ природы такой
нѣжности и бѣлизны, что не нуждалась ни въ
какой искусственной косметикѣ. Привлека-
тельный обликъ обрамлялся спускавши-
мися на пышныя плечи локонами русыхъ, съ
золотистымъ отливомъ, волосъ, съ искряще-
юся надъ челомъ брилліантовой діадемой. Но
ярче всякихъ брилліантовъ искрились подъ
соболиною бровью жгучіе глаза, дарившіе
всѣхъ и каждого, "какъ рублемъ", такую
плѣнительною улыбкой, что обаянію ея под-
падали одинаково и сильный, и прекрасный
поль.

"Неужели ей уже тридцатый годъ? — дума-
ла Лилли, не отрывая восхищеннаго взора
отъ царственной красавицы. — Она, право
же, свѣжѣе каждой изъ насъ"...

И взоръ дѣвочки, сравнивая, скользнулъ
въ сторону юной спутницы цесаревны, на
которую до того она почти не обращала
вниманія, но на которую теперь неволью

также заглядѣлась.

— Что вы такъ смотрите на меня? — съ улыбкой спросила та, подходя къ ней, и взяла ее подъ руку. — Отойдемте-ка подальше.

— Простите, что я такъ смотрѣла... — извинилась Лилли. — Но у васъ такое удивительное, точно фамильное сходство...

— Съ кѣмъ? съ моей кузиной?

— Съ кузиной?

— Ну да, съ цесаревной: вѣдь я же — Аннетъ Скавронская. Отецъ мой, графъ Карлъ Скавронскій, былъ родной братъ императрицы Екатерины Алексѣевны. А вы вѣдь баронесса Лилли Врангель?

— Да... Но отъ кого вы, графиня, могли слышать про меня?

— Какъ не слышать про такую прелесть! Слухомъ земля полнится, — улыбнулась опять въ отвѣтъ Скавронская. — Нѣтъ, милая Лилли, вы не конфузьтесь; я говорю чистую правду. Мнѣ давно хотѣлось познакомиться съ вами; у меня нѣтъ вѣдь никого для конфиденціи; а васъ всѣ такъ хвалятъ... Хотите, подружимтесь?

— Помилуйте, графиня... Я же только млад-

шая камеръ-юнгфера принцессы...

— Да и я тоже годъ тому назадъ была въ родѣ какъ бы камеръ-юнгферы у моей кухни. Вамъ сколько теперь лѣтъ? Пятнадцать?

— Да, съ половиной.

— Ну, а мнѣ... съ тремя половинками! разсмѣялась Скавронская. — Вы вѣдь атташированы уже къ принцессѣ. Черезъ годъ васъ точно такъ же сдѣлаютъ фрейлиной, да еще чьей? наслѣдницы престола! Ну, что же, хотите имѣть меня подругой?

— Я была бы счастлива, графиня...

— «Графиня»! А мнѣ называть васъ, не правда ли, «баронессой»? Нѣтъ, давайте говорить сейчасъ другъ другу «ты». Хорошо?

— Хорошо. Но по имени какъ мнѣ называть васъ?

— Опять «васъ»! Называй меня просто «Аннетъ», а я тебя буду называть «Лилли». Какое хорошенькое имя! Совсѣмъ по тебѣ: вѣдь ты настоящая полевая лилія, — не то, что твоя гувернерка.

— Какая гувернерка?

— Да Менгденша. Это ужъ не полевой цвѣтокъ, а оранжерейный, махровый, безъ

всякаго полевого аромата.

Лилли съ опаской оглянулась на Юліану; но та не желала пропустить ничего изъ бесѣды принцессы съ цесаревной, и ей было не до новыхъ двухъ подругъ.

— Да, всѣ говорятъ, что мы съ кузиной похожи другъ на друга, — продолжала болтать Скавронская. — Но куда ужъ мнѣ противъ нея! Даже когда она серіозна, глаза ея свѣтятся... А если бъ ты видѣла, какъ она танцуетъ! Это — сама Терпсихора. Да вотъ на придворныхъ балахъ ты скоро ужо увидишь.

— Да я еще не придворная дама! — вздохнула Лилли. — Даже на свадьбѣ принцессы мнѣ нельзя быть.

— Это-то правда... Но подъ самый конецъ, въ воскресенье, будетъ большой публичный маскарадъ съ танцами. Въ маскѣ туда тебя, пожалуй, пустятъ; я попрошу за тебя. Это будетъ такое великолѣпіе, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать, прямая мажесте. Для меня этотъ маскарадъ имѣетъ еще особое значеніе... Вотъ идея-то!

— Какая идея?

Не отвѣчая, Скавронская подвела Лилли къ

простѣночному зеркалу.

— Смотри-ка: мы съ тобой вѣдь почти одного роста.

— Да что ты задумала, Аннетъ?

— А вотъ что, слушай. Только, милая, ради Бога, ни слова своей Менгденшѣ!

— О, я — могила. Но, можетъ быть, это что-нибудь нехорошее?

— Напротивъ, очень даже хорошее... Мнѣ надо въ танцахъ непременно поговорить съ однимъ человѣкомъ. Но долго съ однимъ и тѣмъ же кавалеромъ танцовать нельзя; поэтому мы съ тобой обмѣняемся потомъ костюмами...

— Ахъ ты, Господи! — вырвалось у Лилли, да такъ громко, что цесаревна оглянулась и спросила, что у нихъ тамъ такое.

— Да вотъ Лилли хотѣлось бы ужасно быть на большомъ маскарадѣ послѣ свадьбы принцессы, — отвѣчала Скавронская и подвела подругу за руку къ Аннѣ Леопольдовнѣ: — Ваше высочество, великодушнѣйшая изъ принцессъ! слезно умоляемъ васъ взять ее также съ собой на тотъ маскарадъ!

Принцесса обернулась къ своей фрейлинѣ:

— Какъ ты полагаешь, Юліана?

— Невозможно, ваше высочество, — отвѣчала та, — Лилли — младшая камеръ-юнгфера...

— А старшихъ нельзя тоже допустить туда вмѣстѣ съ нею?

— Это было бы противъ регламента: если допускать на придворныя празднества, какъ равноправныхъ гостей, лицъ изъ низшаго персонала, то что же станется съ самыми празднествами, на которыя приглашены всѣ иностранные посланники? Вы знаете, какъ строго ея величество относится въ этихъ случаяхъ къ этикету. Притомъ для вашихъ камеръ-юнгферъ нельзя было бы дѣлать исключенія: камеръ-юнгферамъ самой государыни пришлось бы тоже дозволить быть на маскарадѣ; на всѣхъ пришлось бы шить маскарадныя платья...

— Правда, правда, — согласилась Анна Леопольдовна: — на всѣхъ это вышло бы слишкомъ дорого, а расходовъ теперь и безъ того такая масса...

— Простите, принцесса, — еще убѣдительно заговорила Скавронская. — Но

о всѣхъ камеръ-юнгферахъ у насъ не было и рѣчи. Мы говоримъ только объ одной Лилли; она у насъ вѣдь не простая камеръ-юнгфера, а ближайшая кандидатка во фрейлины.

— Въ самомъ дѣлѣ, моя дорогая, — поддержала ее тутъ и цесаревна: — отчего бы намъ не доставить дѣвочкамъ невиннаго удовольствія попрыгать тамъ вмѣстѣ? Вѣдь маскарадный костюмъ какой-нибудь швейцарки, напимѣръ, обойдется не Богъ-вѣсть въ какую сумму.

Анна Леопольдовна переглянулась опять съ своей фавориткой. Та, однако, все еще не совсѣмъ поддавалась и отвѣтила за нее:

— Во всякомъ случаѣ, надо получить сперва согласіе оберъ-гофмаршала, который уже испроситъ разрѣшеніе государыни императрицы.

— Ну, все это пустая формальность, и я вполне увѣрена, милая баронесса, что вы, если захотите, сумѣете уговорить Лъвенвольде, — сказала Елисавета Петровна, приподнимаясь съ канапъ, и стала прощаться съ принцессой.

Скавронская воспользовалась этимъ мо-

ментомъ, чтобы шепнуть Лилли:

— Ты будешь, значить, швейцаркой? Другого костюма, смотри, не бери! Да пришьишь себѣ еще на грудь бѣлую лилію; тогда я тебя сразу узнаю. Сама я буду турчанкой; костюмъ мой уже шьется. Итакъ — до маскарада!

XI. Свадьба и банкетъ

Церковный обрядъ столь рокового для будущей «правительницы» брака ея съ не менѣе злосчастнымъ принцемъ брауншвейгскимъ былъ совершенъ въ назначенный день, 3-го іюля 1739 г., въ Казанскомъ соборѣ, безъ всякихъ отступленій отъ опредѣленнаго церемоніала. Сколько въ это утро принцессой было пролито слезъ, — объ этомъ знали только приближенныя ей лица женскаго пола, обряжавшія ее къ вѣнцу. Когда она наконецъ появилась изъ своихъ покоевъ въ брачной фатѣ и діадемѣ со вплетенной въ волоса миртовой вѣткой, опухшіе глаза ея были тусклы, но сухи, выраженіе лица было мертвенно-безжизненно, движенія — машинальны; бѣдняжка, видимо, примирилась съ своей горькой участью.

Въ запискахъ современниковъ сохранилось обстоятельное описаніе всего свадебнаго поѣзда, отличавшагося необычайною пышностью. Чтобы не утомлять читателей, упомянемъ только, что императрица ъхала въ одной каретѣ съ невѣстой; непосредственно передъ ними — герцогъ курляндскій; а ему предшествовали его два сына-подростка съ своими слугами, скороходами и гайдуками, 24 собственныхъ его скороходовъ, 4 гайдука, 4 пажа, шталмейстеръ, маршалъ и два камергера съ ливрейными его слугами, — всѣ одѣтые въ цвѣта родной своей Курляндіи: оранжевый и голубой; за каретою же государыни слѣдовала цесаревна Елисавета со свитой, а за цесаревной — герцогиня курляндская съ дочерью и также со свитой.

Вънчалъ обрученныхъ архіепископъ новгородскій; а по совершеніи таинства епископъ вологодскій Амвросій, извѣстный своимъ краснорѣчіемъ, произнесъ витіеватую проповѣдь, въ которой, по поводу древности и знатности рода бракосочетающихся говорилось, что родъ принца Антона-Ульриха славою, "первѣйшимъ богатырямъ не уступаю-

цею", почти всю Европу наполнилъ, ибо происходитъ отъ Витекинда Великаго, въ XIII-мъ вѣкѣ владѣвшаго Саксонією, многократно воевавшего съ самимъ римскимъ императоромъ... Такое же благословеніе Божіе видно и въ крови и фамиліи принцессы Анны: родъ ея происходитъ отъ королевъ Оботрицкихъ или Вандальскихъ, отъ коихъ происходилъ Прибыславъ II, послѣдній король вандальскій, "но первый принцъ вѣрою Христовою просіявшій"... Кто же была мать принцессы, "о томъ и говорить не надобно, понежѣ всѣмъ довольно извѣстно есть: родиться отъ толь преславной крови есть особенное, дивныхъ судебъ Божіихъ исполненное благословеніе"...

Объ эмблемахъ въ гербѣ принца брауншвейгскаго велерѣчивый панегиристъ отозвался такъ: "Вижу въ твоёмъ гербѣ, свѣтлѣйшій принцъ, три льва, два золотые, одинъ съ короною, а третій лазоревый въ золотомъ полѣ, кровавыми сердцами исполненномъ; львы изображаютъ твою крѣпость, мужество и великодушіе, а сердца горячую любовь къ Богу, отечеству, особенно къ невѣстѣ,

данной тебѣ нынѣ отъ десницы Вышняго".

При этихъ словахъ преосвященнаго Анна Леопольдовна, какъ многими было замѣчено, глянула искоса съ недоумѣніемъ на стоявшаго рядомъ съ нею молодого супруга, точно и не чаяла въ немъ такихъ «львиныхъ» качествъ. Когда проповѣдникъ затѣмъ перешелъ къ восхваленію ея самой, а также ея царственной тетки, принцесса впала опять въ прежнюю апатію.

По окончаніи молебствія императрица взяла въ свою собственную карету уже обоихъ новобрачныхъ, и поѣздъ двинулся, при пушечныхъ и ружейныхъ салютахъ, обратно къ Зимнему дворцу. Здѣсь приносились общія поздравленія. Вся церемонія длилась съ 9-ти часовъ утра до 8-ми вечера, послѣ чего всѣ поздравители разъѣхались по домамъ, такъ какъ не только были до-нельзя измучены, но и страшно проголодались. Только теперь и государыня съ молодыми сѣла за столъ, къ которому была приглашена одна лишь цесаревна Елисавета. Тотчасъ же послѣ стола имъ пришлось опять переодѣваться къ вечернему балу.

"Было уже около трехъ часовъ утра, когда я вернулась къ себѣ, полумертвая отъ усталости писала супруга резидента англійскаго Двора, леди Рондо, въ Лондонъ. — Невозможно составить себѣ понятія о великолѣпнн наряда каждой изъ дамъ, которыя всѣ были въ робахъ, несмотря на то, что свадьба происходила въ іюль мѣсяцъ, когда тяжелыя платья очень неудобны".

За свадьбой послѣдовалъ цѣлый рядъ празднествъ. На другой день, въ среду, всѣ присутствовавшіе наканунѣ на свадьбѣ «банкетовали» въ Лѣтнемъ дворцѣ подъ звуки итальянскихъ каватинъ и пасторалей.

Лилли, не допущенная на свадьбу, не была, приглашена, конечно, и на банкетъ, но совершенно неожиданно для ней самой выступила на банкетъ дѣйствующимъ лицомъ. Произошло это такъ:

Несмотря на согласіе принцессы, «Менгденша» (какъ теперь и сама Лилли называла уже про себя "гувернерку") все еще не удосужилась переговорить съ оберъ-гофмаршаломъ о дозволеніи дѣвочкѣ быть на заключительномъ воскресномъ маскарадѣ. Лилли

позволила себѣ ей о томъ напомнить; но фрейлина коротко ее обрѣзала:

— Ты думаешь, что у меня только и есть теперь заботъ, что о тебѣ? При удобномъ случаѣ скажу какъ-нибудь Лѣвенвольде.

Но такого случая ей, должно-быть, не представилось. Такъ наступило банкетное утро. Лилли повѣдала свое горе мадамъ Варлендъ, единственной, принимавшей въ ней болѣе сердечное участіе.

— Что же дѣлать, дитя мое? — сказала та. — Чтобы поразсѣяться, пойди-ка, посмотри, какъ мадамъ Балкъ убираетъ банкетные столы.

Г-жа Софія Балкъ, придворная кастелянша, съ подчиненными ей прислужницами и прачками, нѣсколько дней уже занималась убранствомъ банкетныхъ столовъ въ особой "овошенной палатѣ", куда придворный кухен-шрейбергъ Иванъ Василевскій поставлялъ ей изъ своего запаса требуемое количество искусственныхъ цвѣтовъ, а садовый мастеръ Микель-Анджело Массе изъ оранжерей Лѣтняго сада — живые цвѣты. Скатерти на столахъ подшиливались булавками и пере-

вязывались алыми и зелеными лентами; сверху устанавливались пирамиды цвѣтовъ, а на главномъ столѣ, за которымъ должны были помѣститься сама императрица, молодые, цесаревна Елисавета да герцогъ Биронъ съ своимъ семействомъ, ставилась еще банкетная горка, украшенная короной, скипетромъ и золочеными мечами.

Лилли нашла работу кастелянши почти законченною; столы были перенесены уже изъ "овошенной палаты" въ «Большой» залъ, гдѣ мадамъ Балкъ отдавала послѣднія приказанія. Увидѣвъ входящую Лилли, она ее привѣтствовала съ радушной простотой:

— А! это вы, баронесса? Полюбуйтесь нашей работой, полюбуйтесь.

Очень довольная, казалось, что есть передъ кѣмъ похвалиться, она, подбоченясь обѣими руками, принялась обстоятельно объяснять дѣвочкѣ разницу между банкетами и обыкновенными «куртагами»: куртаги при Дворѣ бывають вѣдь каждую недѣлю по два раза: по четвергамъ да воскресеньямъ; хотя на нихъ и съѣзжаются особы четырехъ первыхъ классовъ да гвардейское офицерство, но

забавляются тамъ только карточной игрой да ушами хлопають на «камерную» музыку итальянцевъ. «Банкеты» — "совсѣмъ иное дѣло: они даются только въ царскіе и другіе торжественные дни.

— Да что же вы молчите, баронесса? — прервала сама себя словоохотливая кастелянша, какъ будто обиженная тѣмъ, что не слышитъ похвалъ. — О чемъ вы задумались?

— Я вспоминаю свадебные столы у насъ въ Лифляндіи... — отвѣчала Лилли.

— Да что они тамъ развѣ еще наряднѣе?

— Не наряднѣе, нѣтъ; но...

— Но что?

— Вмѣсто этихъ искусственныхъ цвѣтовъ и лентъ, тамъ все живые цвѣты; кресла молодыхъ увиты гирляндами, а куверты — вѣнками изъ розъ и миртовъ.

— Но вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, должно быть премоило! Какая жалость, право, что я раньше-то этого отъ васъ не слышала...

— А развѣ вы не поспѣете еще это сдѣлать?

— Да о всякомъ отступленіи отъ регламента надо доложить оберъ-гофмаршалу.

— А я бы ему и не докладывала! Понравит-

ся государынѣ и молодымъ, такъ гофмаршалъ и рта не разинетъ.

— Какая вы храбрая! Развѣ ужъ сдѣлать маленькую пробу надъ креслами и кувертами молодыхъ?

— Ну, конечно, мадамъ Балкъ. Вы сами увидите, какъ это красиво.

— Ахъ, баронесса, баронесса! Посадили вы мнѣ блошку въ ухо... Попробуемъ ужъ на вашъ и на мой страхъ.

И энергичная барыня послала тотчасъ къ садовнику за зеленью и цвѣтами. Черезъ полчаса времени кресла обоихъ молодыхъ были уже въ пышныхъ гирляндахъ, а приборы ихъ — въ розахъ и миртахъ.

Тутъ влетѣлъ камерпажъ и махнулъ рукой капельмейстеру на хорахъ. Оттуда грянулъ торжественный маршъ. Всѣ кругомъ заметались.

— Ея величество вышла изъ своихъ покоевъ!

Лилли успѣла только юркнуть въ боковую дверь, но, обернувшись на бѣгу, замѣтила еще оберъ-гофмаршала и маршала, чинно и важно съ своими маршалскими жезлами откры-

вавшихъ шествіе передъ императрицей и молодыми съ ихъ свитой.

Добѣжавъ къ себѣ, дѣвочка остановилась посреди комнатки и глубоко перевела духъ.

"А что, если мадамъ Балкъ вдругъ назоветъ имъ меня? На всякій случай перевязать косичку хорошенькой бархаткой"...

Едва она справилась съ этимъ дѣломъ, какъ. влетѣлъ пажъ.

— Вы здѣсь, баронесса? Пожалуйста къ государынѣ.

Сердечко въ груди у нея такъ и екнуло, душа въ пятки ушла.

— Мадамъ Балкъ тоже тамъ?

— Тамъ. Она же и говорила про васъ.

— Такъ и есть! Но государыня не гнѣвается?

— Ай, нѣтъ, напротивъ, она въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

Это нѣсколько подбодрило Лилли. Когда она входила въ «Большой» залъ, сотни глазъ направились на нее. Сама же она видѣла только государыню за главнымъ столомъ, да стоявшую за ея кресломъ, рядомъ съ прислуживавшимъ камергеромъ, г-жу Балкъ.

— Такъ вотъ она, наша искусница, — промолвила Анна Іоанновна своимъ густымъ, почти мужскимъ баритономъ, окидывая Лилли ласковымъ взглядомъ. — Ты оказала намъ въ сей великій день преизрядную радость. Чѣмъ бы и намъ тебя порадовать?

"Проси же, проси!" подбивала сама себя Лилли, и сокровенное желаніе было у нея уже на губахъ. Но губы ея не размыкались, а застѣнчивый взоръ умоляюще скользнулъ на новобрачныхъ.

Поддержки ждать отъ нихъ ей было, однако же, бесполезно. Оба сидѣли какъ въ воду опущенные, а у принцессы глаза были еще заплаканы, и блѣдность щекъ не скрашивалась даже наложенными на нихъ румянами.

Лилли взглянула тутъ на цесаревну, и что же? Та тотчасъ пришла къ ней на помощь:

— Ваше величество! дѣвочка обробѣла. Не дозволите ли мнѣ дать за нее отвѣтъ?

— Говори.

— У нея одна мечта — попасть въ это воскресенье на публичный маскарадъ.

— Охъ, дѣтство, дѣтство! И танцовать, вѣрно, до страсти любишь?

— Люблю, ваше величество... — смущенно пролепетала Лилли.

— Но прыгаешь еще, можетъ, трясогузкой? Такъ балетмейстеръ нашъ Флере маленько тебя подучить.

Милостивый прощальный кивокъ, — и оторопѣвшей, но счастливой дѣвочкѣ оставалось только сдѣлать возможно граціозный благодарственный реверансъ.

Конецъ I части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

* * *

I. Контрабандой

Къ срединѣ свадебной недѣли весь Дворѣ до того изморился, что въ четвергъ была сдѣлана общая передышка.

Въ пятницу же съ самага полудня въ Зимнемъ дворцѣ состоялся парадный балъ-маскарадъ, къ которому были допущены только особы высокопоставленныя или «аташированыя» къ Царской фамиліи. Для тѣхъ же избранныхъ особъ былъ въ субботу на придворной сценѣ оперный спектакль-gala.

Зато къ назначенному на воскресенье, 8-е іюля, заключительному «публичному» маскараду (какъ значилось въ разосланныхъ печатныхъ приглашеніяхъ) "имѣли пріѣздъ всѣ придворныя и знатныя персоны и чужестранныя, а также дворянство съ фамиліями, кромѣ малолѣтнихъ, въ приличныхъ маскахъ, съ тѣмъ, чтобъ платья пилигримскаго и арлекинскаго не было, тако жъ не отважива-

лись бы вздѣвать какихъ непристойныхъ деревенскихъ платьевъ, подѣ опасеніемъ штрафа".

Братья Шуваловы, уже по званію камеръ-юнкеровъ цесаревны, присутствовали при всѣхъ перечисленныхъ празднествахъ, но и ихъ, подобно Лилли Врангель, всего болѣе интересовалъ воскресный маскарадъ, для котораго оба заблаговременно заказали себѣ «пристойныя» платья: старшій братъ, Александръ, — плащъ бедуина, а младшій, Петръ, — доспѣхи средневѣковаго рыцаря.

Петру Ивановичу, однако, такъ и не пришлось пощеголять въ своихъ доспѣхахъ. Въ самый день маскарада онъ дежурилъ днемъ во дворцѣ цесаревны.

Когда онъ тутъ съ дежурства собрался во свояси и взбѣгалъ къ себѣ наверхъ въ третій этажъ, по обыкновенію, черезъ двѣ ступени на третью, то второпяхъ оступился; нога у него подвернулась, и невыносимая боль едва-едва дала ему возможность доплестись до дивана въ кабинетѣ. Самсоновъ слеталъ тотчасъ же за лейбъ-хирургомъ Елисаветы Петровны, Лестокомъ. Тотъ, ощупавъ больное

мѣсто, нашель, что опасности никакой нѣтъ, но что вытянута жила и что паціенту обязательно должно пролежать день-другой съ арниковой примочкой на сильно-опухшей ногѣ. Такъ старшій Шуваловъ, завернувшій передъ маскарадомъ домой, чтобы облечься въ свой бѣлый бедуинскій плащъ, засталъ младшаго брата въ самомъ дурномъ настроеніи распростертымъ на диванѣ съ компрессомъ на ногѣ и съ книжкой въ рукахъ.

— Значить, богиня твоя Діана на маскарадѣ тебя такъ и не дождется? — замѣтилъ онъ. — Если она про тебя спросить, то что сказать ей? что прикованъ къ своему дивану?

— Ну да, какъ Прометей къ скалѣ! — проворчалъ въ сердцахъ Петръ Ивановичъ.

"Подлинно Прометей! иронизироваль онъ самъ надъ собой по уходѣ брата. — Точно мальчишка поскользнулся и самъ себя наказаль! Тамъ всѣ уже съѣзжаются на общее веселье, а ты вотъ лежи пластомъ и утѣшайся какой-то книженкой. Какъ это глупо, ахъ, какъ глупо!"

Въ это время изъ передней донесся нетерпѣливый звонокъ, а затѣмъ стукъ отво-

ряемой двери и возгласъ Самсонова:

— Вы ли это, Михайло Ларивонычъ?

— Собственной, братъ, персоной, — отвѣчалъ веселый голосъ, и въ комнату ворвался красивый молодой офицеръ.

— Воронцовъ! — вскричалъ Шуваловъ и, полуприподнявшись на диванъ, протянулъ ему обѣ руки. — Какъ ты вырвался сюда, дружище?

Пріятели крѣпко обнялись и расцѣловались.

— Да что у тебя, Пьеръ, съ ногой-то? — спросилъ Воронцовъ.

Петръ Ивановичъ сталъ объяснять. Тутъ въ дверяхъ показался старшій камердинеръ, Ермолаичъ.

— Съ пріѣздомъ, батюшка, Михайло Ларивонычъ! Нежданный другъ лучше жданныхъ двухъ; аль только на побывку?

— На побывку, старина, и контрабандой.

Старикъ всплеснулъ руками.

— Самовольно, значить, безъ вѣдома герцога?

— Похоже на то.

— Эка гисторія! Да вѣдь тебя, батюшка, онъ

самъ же и спровадилъ отсель къ чорту на кулички въ линейные полки? Какъ провъдаетъ про твое самовольство, такъ жди отъ него всякихъ пакостей: разжалуетъ въ рядовые, а не то и въ арестантскія...

— Богъ не выдастъ — свинья не съестъ! — былъ легкомысленный отвѣтъ. — Ну, а теперь, старина, можешь опять благородно отретироваться въ собственные апартаменты. У насъ съ Петромъ Иванычемъ свои приватныя дѣла.

— Приватныя дѣла! Ну, подумайте! — ворчалъ себѣ подъ носъ старикъ, "благородно ретируюсь". — И покалякать-то толкомъ не дадутъ...

— Такъ развѣ и полковой командиръ не знаетъ о твоей отлучкѣ? — продолжалъ, между тѣмъ, допрашивать Шуваловъ.

— Командиръ-то знаетъ; но отлучился я подъ претекстомъ якобы къ роднымъ въ деревню. Были у насъ, видишь ли, на дняхъ большіе маневры. Я съ моей ротой пробрался ночью окольными путями въ тылъ непріятелю, напалъ врасплохъ на ихъ главную квартиру и захватилъ самого командира

со всѣмъ его штабомъ въ постели.

Шуваловъ расхохотался.

— Однако! Воображаю, какъ они тебя благодарили. Ну, и ты увелъ ихъ въ свой лагерь?

— Взялъ съ нихъ только слово считать себя военноплѣнными. Это рѣшило исходъ маневровъ. Мой командиръ хотѣлъ было представить меня за то внѣ очереди къ слѣдующему рангу...

— А ты неужели отказался?

— Отказался, и по двумъ причинамъ: во-первыхъ, было бы не по-товарищески на чужой оплошкѣ выгадывать себѣ служебный фортель... Во-вторыхъ...

— Ну, что же во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ, я могъ выпросить себѣ, замѣсто того, негласный отпускъ, который былъ мнѣ до зарѣзу нуженъ, чтобы... чтобы оглядѣться здѣсь опять въ придворныхъ сферахъ.

— Ты, Мишель, и лгать-то безъ запинки не умѣешь. Скажи прямо, что не въ-терпежъ стало въ долгой разлукѣ съ своей душой-дѣвицей.

— Да ты, Пьеръ, это про кого?

— Про кого, какъ не про ту, изъ-за которой собственно ты и вылетѣлъ тогда изъ Петербурга.

— Отъ тебя, братъ, я вижу, ничего не скроешь. Но ты еще не знаешь, что у насъ съ нею были уже декларасіоны, что мы тайнымъ образомъ помолвлены.

— Нѣчто подобное я уже подозрѣвалъ. Вѣдь вы съ графиней Анной Карловной замѣтили другъ друга еще тогда, когда ты былъ кадетомъ въ шляхетскомъ корпусѣ.

— Да, цесаревна прїѣзжала къ намъ въ корпусъ зачастую съ своей кузиной на все-нощныя, отстаивала всю службу. Уже тогда мы поняли съ Аннетъ, что созданы другъ для друга. Когда же я вышелъ въ офицеры, мы обмѣнялись кольцами. Ни тебѣ, никому другому я объ этомъ пока не сказывалъ, чтобы не было, знаешь, медизансовъ. Но Биронъ чрезъ своихъ ищеекъ все-таки, видно, кое-что пронюхалъ...

— И разлучилъ васъ, потому что ты, какъ мужъ кузины цесаревны и притомъ офицеръ гвардіи, могъ быть для нѣмецкой партіи весьма опасенъ.

— Ну, вотъ. А на дняхъ я получилъ цидулочку отъ Аннетъ, что нынче-де на публично-мъ маскарадѣ въ Лѣтнемъ дворцѣ мы могли бы встрѣтиться безъ всякой опаски. Раздобыть бы только приличный костюмъ...

— И входный билетъ, безъ котораго тебя не впустятъ, — добавилъ Шуваловъ. — На твое счастье я, какъ видишь, не въ состояніи воспользоваться ни своимъ костюмомъ, ни своимъ билетомъ, и могу отдать ихъ въ полное твое распоряженіе. Самсоновъ!

— Иди, иди! — донесся изъ лакейской ворчливый голосъ Ермолаича. — Начудесиль, ну, и кайся.

— Да что у васъ тамъ? — теряя уже терпѣніе, крикнулъ Шуваловъ.

— Не одѣтъ я, сударь... — отозвался наконецъ Самсоновъ.

— Вреть, вреть! одѣтъ! — обличилъ его старикъ. — Чего сталъ, шлопутъ. Иди, иди на расправу. Ишь ты! ровно быкъ передъ убоемъ упирается.

И съ напряженіемъ всѣхъ своихъ старческихъ силъ, Ермолаичъ втолкнулъ въ комнату къ господамъ средневѣковаго рыцаря.

Въ первый моментъ Петръ Ивановичъ готовъ былъ, кажется, не на шутку разсердиться, но юный «шелопуть» въ своихъ, на видъ тяжелыхъ стальныхъ, на самомъ же дѣлѣ картонныхъ доспѣхахъ, оклеенныхъ только сверху серебряной бумагой, остановился посреди комнаты въ такой безупречно-рыцарской позѣ, что господинъ его, зараженный смѣхомъ пріятеля, самъ также добродушно разсмѣялся.

— Ахъ, ты, шутъ и пьеро! Вѣдь пустить его этакъ на придворный маскарадъ, такъ никто, пожалуй, не призналъ бы въ немъ лакея.

— Ну, а теперь, Самсоновъ, разобалакивайся-ка опять, — сказалъ Воронцовъ: — на маскарадъ отправляюсь сейчасъ я вмѣсто твоего барина.

— Ваше благородіе, Михайло Ларивонычъ! взмолился тутъ Самсоновъ. — Явите боже-скую милость: возьмите меня тоже съ собой!

— Эко слово молвилъ! Тебя все равно вѣдь не пропустятъ.

— Меня-то съ вами пропустятъ: многіе служители придворные меня въ лицо знаютъ; а для послугъ, неравень часъ, я могу вамъ еще

пригодиться.

— Нестерпимо, вишь, любопытенъ посмотрѣть тоже на этакій маскарадъ, — поддержалъ его Ермолаичъ. — Возьми-ка его ужъ, сударь, чтобы тебѣ одному, грѣшнымъ дѣломъ, какого дурна тамъ не учинилось. Малый онъ шустрый.

— А чтожъ, и въ самомъ дѣлѣ, - обратился къ Воронцову Шуваловъ. — Пускай ужъ идетъ съ тобой; все вѣрнѣе. Про рыцарскій костюмъ мой слышала отъ меня до сихъ поръ одна только особа. По походкѣ, по голосу она, чего добраго, догадается, что это не я, а кто другой.

— Ну, походку и голосъ можно всегда измѣнить. А кто та особа?

— Юліана Менгденъ. Сама она, имѣй въ виду, будетъ маскирована Діаной.

— O! la belle Julie? Но мнѣ она, ты знаешь, не опасна. Ну, что же, Самсоновъ, скоро ли?

II. Венеціанская ночь

"Публичнымъ" маскарадомъ въ Лѣтнемъ дворцѣ завершался, какъ сказано, циклъ всѣхъ придворныхъ празднествъ по случаю вступленія въ бракъ наслѣдницы престола; уже поэтому онъ долженъ былъ быть еще пышнѣе и разнообразнѣе бывшаго за два дня передъ тѣмъ «параднаго» маскарада въ Зимнемъ дворцѣ. Тамъ танцовали четыре кадрили, по 12-ти паръ въ каждой, и каждая кадрили въ одноцвѣтныхъ домино; а ужину, приготовленному въ галлерей, былъ приданъ видъ сельскаго праздника: столы и скамейки были всѣ въ зелени и цвѣтахъ. «Публичный» же маскарадъ долженъ былъ происходить, въ началъ вечера, среди настоящей природы, подъ открытымъ небомъ — въ Лѣтнемъ саду и на прилегающей къ нему рѣкѣ Фонтанкѣ въ видѣ "венеціанской" ночи, а танцы и ужинъ потомъ — въ стѣнахъ дворца. Неудивительно, что большинство приглашенныхъ на этотъ совершенно исключительный праздникъ ожидало его съ большимъ нетерпѣніемъ.

Едва ли, однакожъ, не болѣе всѣхъ вол-

новалась Лилли Врангель. Всякій день вплоть до воскресенья являлся къ ней, согласно выраженной императрицею волѣ, французъ балетмейстеръ придворнаго театра, мосъе Флере, толстенькій старичокъ съ пухлыми розовыми щечками, въ голубомъ фракѣ съ остроконечными фалдами, со скрипичей въ одной рукѣ и съ хлыстомъ въ другой. Наставляя дѣвочку въ па и пируэтахъ, онъ безцеремонно выгибалъ ея станъ, вывертывалъ ей носки и локти. Каждое движеніе онъ иллюстрировалъ ей сперва самъ, и, приподнимая кончиками пальцевъ свой ласточкинъ хвостъ, подпрыгивалъ съ легкостью мячика. Когда же ученица, подъ пискъ его скрипичи, принималась выдѣлывать то же самое, онъ съ отечески-нѣжной улыбкой похлестывалъ ее по ногамъ:

— Plus haut, chère demoiselle, un peu plus haut! (Выше, милая барышня, еще немножко выше!)

На такое обращеніе Лилли пожаловалась было баронессѣ Юліанѣ, но получила въ отвѣтъ:

— Всѣ мы, моя милая, прошли ту же шко-

лу. Какъ видишь, это не то, что скакать верхомъ безъ сѣдла!

"А какъ охотно я поскакала бы опять!" — вздохнула про себя дѣвочка, не подозрѣвая, что вскорѣ ей дѣйствительно суждено скакать такъ, да еще публично.

Хотя она за эти дни изрядно подучилась у мосье Флере въ придворныхъ танцахъ, хотя сшитый для нея скромный, но живописный костюмъ швейцарки бернскаго кантона и обрисовывалъ очень мило ея стройную талью, а подъ маской ее врядъ ли кто и узналъ бы, — но по наслышкѣ ей было извѣстно, что маски, межъ собой даже не знакомыя, свободно разговариваютъ межъ собой и говорятъ другъ другу «ты». Ну, что, если и съ нею тоже кто-нибудь этакъ заговорить?

Нарядилась Лилли въ свой костюмъ еще за цѣлый часъ до начала маскарада, чтобы, въ качествѣ камеръ-юнгферы, помогать при одѣваніи принцессы; причемъ не забыла, конечно, какъ просила ее Аннетъ Скавронская, приколоть къ груди бѣлую лилію.

Въ XVIII вѣкѣ и у насъ, по примѣру Западной Европы, знаніе миѳологіи древнихъ гре-

ковъ и римлянъ считалось однимъ изъ краеугольныхъ камней образованія людей высшаго круга. Пробѣлы въ другихъ научныхъ познаніяхъ такъ удобно вѣдь прикрывались въ свѣтской болтовнѣ аллегоріями изъ жизни миѳическихъ небожителей и героевъ. А при маскарадахъ обойтись безъ миѳологіи положительно не было уже возможности. Анна Леопольдовна, посвященная еще съ дѣтства своей гувернанткой, мадамъ Адеркасъ, въ таинства этой «науки», выбрала себѣ сперва было для маскарада роль Ніобеи.

— Кто, бишь, была Ніобея? — спросила ее царственная тетка, не столь свѣдущая въ тонкостяхъ миѳологіи.

Принцесса объяснила, что Ніобея, дочь Тантала, лишившись всѣхъ своихъ дѣтей, была обращена Зевсомъ въ камень, источавшій неизсякающія слезы. Императрица справедливо возмутилась и повелѣла изготовить для племянницы одѣяніе богини плодородія и матери земли, Цереры. Одѣяніе вышло необычайно, пожалуй черезчуръ даже богато, потому что было все заткано золотыми колосьями, сплетенными межъ собой гирляндами

изъ голубыхъ васильковъ и пунцовыхъ маковъ.

— Я въ этомъ не выйду, ни за что не выйду! — запротестовала Анна Леопольдовна, когда увидѣла себя въ трюмо въ образѣ Цереры.

Юліана принялась ее уговаривать: что костюмъ ей очень къ лицу, что сама государыня въдь его выбрала, что другого и нѣтъ...

— Ну, тогда я вовсе не выйду! — рѣшила принцесса. — Еще подумаютъ, что я на радостяхъ такъ разрядилась...

— И пускай думаютъ: на васъ и на вашихъ будущихъ дѣтяхъ — вся надежда русскаго народа.

— Не говори мнѣ объ этихъ дѣтяхъ! Никогда ихъ у меня не будетъ...

— Такъ для чего же вы тогда вышли замужъ? А вонъ въ саду и военная музыка заиграла...

Лилли подбѣжала къ окошку.

— И масокъ уже сколько!

Тутъ вошелъ камерпажъ императрицы съ докладомъ, что ея величество чувствуетъ себя еще слишкомъ усталой и выйдетъ только позже прямо въ танцевальный залъ, а пото-

му просить принцессу вмѣстѣ съ принцемъ спуститься въ садъ безъ нея.

— Вотъ видите ли, ваше высочество, — сказала Юліана: — вы должны замѣнить государыню; выбора вамъ уже нѣтъ.

— Ахъ, Боже, Боже! Пускай еще больше смеркнется...

— Да вѣдь теперь у насъ въ Петербургѣ бѣлыя ночи.

— Ну, все же будетъ хоть немножко темнѣе.

— А принцъ, вѣрно, ждетъ васъ.

— Подождетъ!

Послѣдній отблескъ вечерней зари погасъ уже на верхушкахъ Лѣтняго сада, и въ темной листвѣ его загорались разноцвѣтные фонарики. Въ пестрой толпѣ замаскированныхъ, кружившейся около главнаго крыльца дворца въ ожиданіи выхода Высочайшихъ особъ, замѣчались уже признаки нетерпѣнія, когда на крыльцѣ показалась Церера объ руку съ Нептуномъ. Хотя оба были также въ черныхъ маскахъ, но ни для кого кругомъ не было сомнѣнія, что то принцесса съ своимъ молодымъ супругомъ, — и всѣ почтительно пе-

редь ними разступились.

Лилли, шедшая во свить рядомъ съ Юліаной, старалась и въ осанкѣ, и въ походкѣ копировать гордую гофfreyлину; подъ маской, придававшей ей небывалую смѣлость, она выступала такъ непринужденно, что никому бы и въ голову не пришло, что это — подростокъ-камеръ-юнгфера, а не такая же придворная дама.

Сама Лилли съ жаднымъ любопытствомъ озиралась на мелькавшихъ мимо нихъ маскированныхъ. Въ памяти ея были еще живы святочные вечера въ тамбовской усадьбѣ Шуваловыхъ. Тамъ ряженые шумной гурьбой вваливались въ барскія хоромы съ замазанными сажей лицами, въ вывороченныхъ овчинныхъ тулупахъ, въ самодѣльныхъ личинахъ: медвѣдя съ поводаремъ, бабы-яги, журавля, индѣйскаго пѣтуха и т. п.

Здѣсь чинно и важно расхаживали, въ сверкающихъ золотомъ и алмазами, шелковыхъ и бархатныхъ одѣянiяхъ, древніе боги и богини, представители всевозможныхъ народностей всѣхъ пяти частей свѣта, причемъ то, что израсходовано было каждымъ на себя

для одного этого вечера, могло бы осчастливить на весь вѣкъ цѣлое семейство деревенскихъ ряженныхъ.

Когда Лилли тихонько замѣтила объ этомъ Юліанѣ, та сдѣлала ей серьезный репримандъ: какъ это она можетъ еще вспоминать о простомъ народѣ, когда вокругъ нея сливки общества, да еще въ такихъ дивныхъ нарядахъ! Вотъ хоть бы эта Уранія...

Она указала на величавую женщину въ полупрозрачномъ голубомъ одѣяніи, усыпанномъ алмазными звѣздами, въ алмазномъ ожерельѣ и въ алмазной же діадемѣ.

— Уранія, кажется, одна изъ девяти музъ? — замѣтила Лилли.

— Ну да: богиня астрономіи.

— А кто жъ она на самомъ-то дѣлѣ?

— На самомъ дѣлѣ это — первоклассная комета на нашемъ придворномъ небосклонѣ, залетѣвшая къ намъ изъ Венеціи, графиня Рагузинская.

— Но фамилія у нея какъ-будто не итальянская?

— Рагузинская она по покойному мужу, который родомъ былъ изъ Иллиріи. Впрочемъ,

и самъ онъ назывался прежде какъ-то иначе; переселившись еще при царѣ Петрѣ въ Россію, онъ переименовался въ Рагузинскаго, такъ какъ родился въ Рагузѣ. Женился онъ, когда ему было уже чуть ли не подь семьдесятъ.

— Но сама она, кажется, еще молода?

— Да, ей и теперь не больше, какъ лѣтъ двадцать пять.

— Но какъ она рѣшилась выйти за такого Маѳусаила!

— Богатство, моя милая, несмѣтное богатство! Началь онъ торговать, говорятъ, въ Архангельскѣ; расторговавшись, сдѣлался агентомъ многихъ иностранныхъ торговыхъ домовъ; посылался русскимъ правительствомъ съ разными порученіями за границу, а потомъ и чрезвычайнымъ посланникомъ въ Пекинъ, чтобы заключить торговый договоръ съ китайцами. За это его сдѣлали тайнымъ совѣтникомъ.

— А послѣ и графомъ?

— Нѣтъ, графскій титулъ онъ купилъ себѣ самъ на старости лѣтъ въ Венеціи, какъ купилъ тамъ и жену. Богаче ея невѣсты нѣтъ у на-

съ теперь во всемъ Петербургѣ. И вотъ, точно для нея, венеціанки, устраивается теперь эта венеціанская ночь... Но смотри-ка, смотри: вѣдь Пьеръ Шуваловъ все-таки здѣсь; а даль еще знать черезъ брата, что у него случилось что-то съ ногой.

— Гдѣ же онъ?

— Да вонъ рыцарь. Дѣлаетъ, что меня не замѣчаетъ!

— Но знаетъ ли онъ, что вы — Діана?

Фрейлина не дала уже отвѣта. Принцесса и принцъ подошли къ спуску къ рѣкѣ, гдѣ стояла цѣлая флотилія шлюпокъ съ зонтиками, увѣшанными также цвѣтными фонариками.

— Какъ есть Венеція! — говорили другъ другу маскированные, размѣщаясь по шлюпкамъ.

"Венеція!" повторяла про себя и Лилли, подсаживаясь къ Юліанѣ, занявшей мѣсто рядомъ съ принцессой.

Тогдашняя Фонтанка, берега которой еще не были обложены гранитомъ, въ дѣйствительности, очень мало походила на венеціанскіе каналы, омывающіе мраморныя ступени гордыхъ палаццо. Но въ шлюпкѣ,

среди богато-наряженныхъ масокъ, въ волшебномъ полусумракѣ отъ разноцвѣтныхъ фонариковъ, неизбалованной зрѣлищами Лилли невольно сдавалось, что она въ настоящей Венеціи. Когда же тутъ съ задней шлюпки, предоставленной итальянскимъ опернымъ пѣвцамъ, раздалась еще звучная баркарола, и подъ ея переливы вся флотилія выплыла изъ Фонтанки на Неву, какъ бы изъ лагунъ на морской просторъ, — иллюзія стала еще обманчивѣе. Дѣвочка безотчетно начала сама подпѣвать, такъ что Юліана должна была сдѣлать ей внушеніе.

Когда флотилія, повернувъ обратно въ Фонтанку, приближалась опять къ пристани у Лѣтаяго сада, со стоявшей у противоположнаго берега барки грянулъ сигнальный выстрѣлъ и къ сумеречному небу начали взлетать, шипя и лопаясь, ракета за ракетой: швермеры, жаворонки, римскія свѣчи; затѣмъ по обоимъ концамъ барки, съ шумомъ водопада, завертѣлись огненные колеса, а по серединѣ загорѣлся огромный транспарантъ, представлявшій какую-то аллегорическую картину. Смысла ея Лилли, однако, такъ

и не успѣла разгадать: весь Лѣтній садъ вдругъ освѣтился бенгальскими огнями, и всѣ сидѣвшіе въ шлюпкахъ поспѣшили, вслѣдъ за принцессой, сойти на берегъ.

— А вонъ и Гриша! — обрадовалась Лилли, увидѣвъ Самсонова, который въ своей ливреѣ и безъ маски стоялъ въ сторонѣ, прислонившись къ дереву.

— Какой Гриша? — спросила Юліана.

— Да мой молочный братъ, что служитъ у Шуваловыхъ.

— Можетъ быть, онъ здѣсь только со старшимъ своимъ господиномъ... Вотъ что, Лилли, пойдика, спроси его: дѣйствительно ли Пьеръ Шуваловъ остался дома?

— Такъ подойдемте къ нему вмѣстѣ.

— Да развѣ я могу оставить принцессу! Ты вѣдь въ маскѣ и преспокойно войдешь потомъ одна во дворецъ. Смотри только, не заболтайся съ нимъ.

— Нѣтъ, нѣтъ.

Очень довольная представившимся ей случаемъ обмѣняться опять хоть парюю словъ съ товарищемъ дѣтства, съ которымъ не видѣлась съ первой встрѣчи въ Петербургѣ,

Лилли подошла къ Самсонову.

— Здравствуй, Гриша!

Онъ сразу узналъ ее по голосу.

— Это вы, Лизавета Романовна? А я-то все гляжу гляжу, всѣ глаза себѣ проглядѣлъ; подѣ маской и не узнать: которая вы? Мнѣ надо еще поблагодарить васъ...

— За что?

— Да за то, что не велѣли безъ пути болтаться. Я теперь вѣдь и книжки уже читаю, и съ прописей списываю, и задачи рѣшаю.

— Вотъ какъ! А кто же тебя всему этому учить?

— Учить меня мужъ ученый, Василій Кириллычъ Тредіаковскій.

И въ короткихъ словахъ онъ разсказалъ, какъ сдѣлался ученикомъ академическаго секретаря.

— А для чтенія онъ, вѣрно, даетъ тебѣ все больше свои собственныя сочиненія? — спросила съ улыбкой Лилли, которая какъ-то слышала также про непомѣрное самомнѣніе стихотворца-философа.

— Вѣстимо, не безъ того; но занятнѣе всего для меня все же двѣ рукописныя книжки: од-

на — лѣтописца московскаго съ царства Іоанна Васильевича Грознаго по царство тишайшаго царя Алексѣя Михайловича; другая — боярина Матвѣева въ бытность его въ Голландіи. Все мое досужное время такъ на это и уходитъ. Очнуться не успѣешь, какъ и день прошель.

— Вотъ видишь ли, Гриша. Я такъ уже за тебя рада! Пожалуй, Тредіаковскій возьметъ тебя потомъ еще писцомъ въ свою канцелярію.

— Тамъ, Лизавета Романовна, тоже не рай земной. Да и господинъ мой, Петръ Иванычъ, меня отъ себя не отпуститъ.

— Ахъ, да, кстати, Гриша; хорошо, что про него напомнилъ. Гдѣ онъ теперь: здѣсь тоже или дома?

— Дома: лежитъ въ растяжку на диванъ съ перевязанной ногой.

— Ей-Богу?

Самсоновъ перекрестился.

— Вотъ вамъ крестъ. А что?

— Да намъ попался тутъ между маскированными тоже какой-то рыцарь...

Самсоновъ усмѣхнулся.

— Ты чего ухмыляешься, Гриша? Вѣрно знаешь, кто онъ такой?

— Можетъ, и знаю.

— Скажи! ну, скажи!

— А вы никому не перескажете?

— Никому, кромѣ баронессы Менгденъ.

— Въ такомъ разѣ, простите, не смѣю сказать.

Любопытство дѣвочки было сильно возбуждено.

— И мнѣ одной не скажешь?

— Вамъ одной?.. Побожитесь тоже.

— А безъ того ты мнѣ не вѣришь?

— Вѣрю, вѣрю. Это, изволите видѣть, одинъ давнишній другъ и пріятель господъ Шуваловыхъ, Воронцовъ Михайло Ларивонычъ. Герцогъ за что-то выслалъ его изъ Питера, а онъ тайкомъ, вишь, сюда пожаловалъ, чтобы побывать тоже на этомъ маскарадѣ. Петръ Иванычъ и одолжилъ ему свое собственное рыцарское платье.

"Значить, ему же Аннетъ и назначила здѣсь свиданіе!" — сообразила Лилли.

— Теперь-то мнѣ все ясно! сказала она вслухъ. — Но мнѣ пора уже итти. Прощай,

Гриша!

III. Лилли танцуетъ

Танцевальный залъ сіялъ сотнями зажженныхъ восковыхъ свѣчей на люстрахъ и канделябрахъ; воздухъ кругомъ былъ напоенъ благовонными куреньями. Въ ожиданіи Высочайшаго выхода, маскированные становились рядами по двумъ продольнымъ сторонамъ зала.

Лилли очутилась, сама не зная какъ, въ заднемъ ряду, прижатою въ уголъ. Тщетно поднималась она на цыпочки, чтобы высмотрѣть Юліану или Аннетъ. Ни той, ни другой въ залъ не было, какъ не было никого изъ Царской фамиліи и семейства Бирона. Всѣ они, очевидно, должны были участвовать въ церемоніаль Высочайшаго выхода.

И вотъ, предшествуемая оберъ-гофмаршаломъ графомъ Лёвенвольде, котораго, не смотря на его черную маску, не трудно было узнать въ этомъ крылоногомъ вѣстникѣ боговъ съ золотымъ жезломъ, обвитымъ двумя змѣями, — въ дверяхъ изъ внутреннихъ палатъ показалась императрица. Сама она, въ

отличіе отъ всѣхъ своихъ гостей, не была замаскирована и была одѣта въ бѣло-атласную робу съ богатыми по подолу узорами, съ тяжелымъ пятиаршиннымъ шлейфомъ, поддерживаемымъ двумя пажами. Полный бюстъ ея былъ сжатъ въ корсетъ съ острымъ мыскомъ, точно въ стальномъ панцырѣ; а на открытыя плечи спускались локоны высоко-взбитой прически, украшенной жемчужною, съ брилліантами, діадемой. И всѣ эти самозванные небожители раболѣпно преклонялись передъ земною, но настоящею царицей.

Появленіе ея было привѣтствовано съ хоровъ шумнымъ маршемъ. По болѣзненному состоянію въ послѣднее время сама не участвуя ни въ какихъ танцахъ, государыня сдѣлала знакъ слѣдовавшимъ за нею начать "англійскій променады". Въ первой парѣ выступила принцесса Анна Леопольдовна съ англійскимъ резидентомъ Рондо въ образѣ султана Гаруна-аль-Рашида, во второй — съ принцемъ Антономъ Ульрихомъ цесаревна Елисавета въ видѣ русской боярыни, въ третьей — Юнона съ Марсомъ, въ которыхъ, по ихъ надменной осанкѣ, Лилли съ перваго

взгляда признала супруговъ Бироновъ.

Пара слѣдовала за парой. Вотъ и средневѣковый рыцарь объ руку съ турчанкой. Такъ, значить, и есть! Вѣдь Аннетъ выбрала себѣ костюмъ турчанки.

Тутъ окружающіе ряженые справа и слѣва стали парами примыкать также къ общему ряду «променирующихъ».

— Позвольте, барышня, итти съ вами? — услышала Лилли около себя звучный голосъ съ мягкимъ малороссійскимъ говоромъ.

Передъ нею стоялъ стройный, статный бояринъ. Видя ея нерѣшительность, онъ прибавилъ:

— Я Разумовскій. Меня послала къ вамъ сама цесаревна.

Лилли, уже не колеблясь, подала ему руку. Но, идя съ нимъ въ "променады", она старалась припомнить, что слышала про Разумовскаго:

"Да! Вѣдь это тотъ самый малороссъ, который у себя на Украинѣ былъ простымъ пастухомъ, но за свой чудный голосъ былъ взятъ пѣвчимъ въ приходскую церковь и у дьячка научился церковному пѣнію и грамотѣ; а по-

томъ, когда набирали въ Малороссіи пѣвчихъ для придворнаго хора, попалъ и въ Петербургъ, сдѣлался здѣсь пѣвцомъ-солистомъ цесаревны и, наконецъ, управляющимъ ея имѣніями"...

Размышляя такъ о своемъ кавалерѣ, Лилли двигалась обѣ руку съ нимъ подѣ звуки марша, въ нескончаемой вереницѣ маскированныхъ, по всей анфиладѣ парадныхъ апартаментовъ дворца, чтобы затѣмъ возвратиться снова въ танцевальный залъ.

Тутъ на смѣну «променада» оркестръ заигралъ ригурнель къ контрдансу. Разумовскій, не выпуская руки Лилли, сталъ съ нею въ рядъ танцующихъ.

"Чудакъ! думала про себя Лилли. — Послали его ко мнѣ, такъ онъ считаетъ священнымъ долгомъ не отходить отъ меня уже цѣлый вечеръ. И хотъ бы ротъ раскрылъ! А то молчитъ, какъ рыба. Ободрить его развѣ?"

— Вы вѣдь, кажется, въ особенномъ фаворѣ у цесаревны? — начала она разговоръ.

— Благодарительница она моя... — пробормоталъ онъ. — Разумомъ острая, сердцемъ добрая, жалостливая...

И опять застѣнчиво умолкъ.

Начался контрдансъ. Тогда танцовали его совсѣмъ не такъ, какъ въ наше время: и кавалеры, и дамы самымъ старательнымъ манеромъ выдѣлывали отдѣльныя па. Впервые въ жизни танцуя на большомъ придворномъ балу, Лилли прилагала съ своей стороны все усвоенное ею отъ придворнаго балетмейстера умѣнье, чтобы не ударить въ грязь лицомъ. Тѣмъ не менѣе она невольно поглядывала все въ одну сторону, любуясь на молодую боярыню, каждое движеніе которой было полно неподражаемой граціи.

— Вѣдь это цесаревна? — спросила она своего кавалера. — Она, въ самомъ дѣлѣ, не танцуетъ, а порхаетъ...

— Якъ ластивочка, якъ витерьъ у поли! — отозвался Разумовскій съ непритворнымъ обожаніемъ.

Только-что контрдансъ пришелъ къ концу, какъ къ нимъ подлетѣла Скавронская и, подхвативъ Лилли подъ руку, увлекла вонъ изъ зала.

— Ну, милочка, теперь пойдѣмъ переодѣваться.

— Но ты танцевала вѣдь уже съ своимъ рыцаремъ и променадъ, и контрдансъ.

— Да, но твоя Менгденша обратила уже вниманіе; она принимаетъ его вѣдь за своего Шувалова.

— Такъ ты съ нимъ еще не наговорилась?

— Куда! Вѣдь мы съ Мишелемъ не видѣлись больше года. Онъ прибылъ сюда изъ своего полка безъ всякаго разрѣшенія...

— Какъ! И Биронъ, значить, тоже ничего не знаетъ?

— Ничего, и не дай Богъ, чтобы узналъ: вѣдь онъ же и выслалъ Мишеля изъ Петербурга. Я все это тебѣ какъ-нибудь расскажу. Но сейчасъ будетъ менуэтъ. Чтобы танцевать опять съ нимъ, я должна быть въ другомъ видѣ; мы съ тобой опять обмѣняемся костюмами.

Въ Юліанѣ, дѣйствительно, заговорила уже какъ-будто ревность: пользуясь паузой въ танцахъ, она подошла къ своему воображаемому рыцарю. Хотя Воронцовъ и слышалъ давеча отъ Петра Шувалова, что гофfreyлина принцессы будетъ замаскирована Діаной, но положительно забылъ уже про ея

существованіе. Когда она вдругъ предстала теперь передъ нимъ въ образѣ дѣвственной богини охоты съ полумѣсяцемъ во лбу, съ колчаномъ; полнымъ стрѣлъ, черезъ плечо и съ золотымъ лукомъ въ рукѣ, — онъ невольно вздрогнулъ.

— Что, трепещете, г-нъ рыцарь? — обратилась къ нему по-французски Юліана. — Вы нарочно будто убѣгаете отъ меня.

— Трепещу, божественная, и убѣгаю безъ оглядки: отъ вашихъ стрѣлъ нѣтъ никому вѣдь пощады, — отвѣчалъ Воронцовъ, стараясь измѣнить свой голосъ. — Горы и дебри кругомъ оглашаются стонами раненыхъ вами звѣрей...

— А вы какой же звѣрь: олень, кабанъ или заяцъ?

Въ такомъ шутливомъ духѣ продолжалась ихъ болтовня нѣсколько минутъ, когда Юліана завидѣла возвращающихся въ залъ швейцарку и турчанку.

— Вотъ и ваша турчанка, — сказала она. — Но она, боюсь я, обратитъ васъ въ свою магометанскую вѣру; а многоженство у насъ строго запрещено! Поэтому позвольте дать вамъ

въ спутницы добрую христіанку.

И, подойдя съ нимъ къ швейцаркѣ, которую принимала за Лилли, она объявила ей, что вотъ г-нъ рыцарь желалъ бы протанцовать съ нею менуэтъ. Швейцарка робко протянула ему руку, но когда отошла съ нимъ вонъ, то прыснула со смѣху:

— Она хотѣла наказать насъ обоихъ, но мы ей великодушно простимъ!

Къ турчанкѣ въ то же время приблизился Разумовскій, считавшій ее Аннетъ Скавронской, и почтительно просилъ «графиню» не отказать ему въ менуэтѣ. Волей-неволей Лилли пришлось войти въ роль подруги и занять съ нимъ въ третій разъ мѣсто въ ряду танцующихъ.

Подъ медленный ритмъ менуэта, этого поистинѣ аристократическаго танца, задвигались по залъ безчисленныя маски, съ изысканной граціей обмѣниваясь съ сосѣдями направо и налево почтительно-важными поклонами.

Есть секта «скакуновъ», доходящая въ своихъ фанатическихъ "радѣніяхъ" до такого экстаза, что заражаетъ наконецъ и посторонни-

хъ зрителей.

Нѣчто подобное случилось въ настоящемъ случаѣ и съ Лилли, которая, впрочемъ, и раньше ужъ была большой поклонницей мемуэта. Увлеченная примѣромъ всѣхъ окружающихъ, она всѣмъ существомъ своимъ отдалась прелести изящныхъ тѣлодвиженій, согласованныхъ съ музыкальнымъ ритмомъ. Ей было теперь уже не до пустыхъ разговоровъ съ своимъ кавалеромъ, которые нарушили бы только гармонію танца.

Но на этотъ разъ молчальникъ счелъ себя, видно, обязаннымъ занять мнимую кухню цесаревны:

— А слышали, графиня, послѣднюю новость?

— Какую?

— Ось казусное діло: до ужина изъ дворца ни души уже не выпустятъ.

— Это почему?

— А потому, что сюда, слышно, пробрался въ маскѣ непрошенный гость. Передъ ужиномъ всѣ должны будутъ снять маски; тутъ его, сирому, и сцапають. Нехай Богъ его милуетъ!

Лилли ахнула.

— Но кто это распорядился? — спросила она. — Вѣрно самъ герцогъ?

— Врагъ его знае. Видѣлъ я только, что Липшманъ вертѣлся все вокругъ него да около; а гдѣ этотъ Искаріотъ, тамъ вѣрно ужъ какая ни есть каверза и пакость.

Куда дѣвались беззаботность и упоеніе Лилли! Ей было теперь уже не до менуэта; она то и дѣло поглядывала на Воронцова, какъ ни въ чемъ не бывало танцовавшаго со Скавронской. Съ послѣднимъ же звукомъ оркестра она подлетѣла къ Воронцову со словами:

— Спасайтесь: васъ узнали и хотятъ арестовать!

IV. Съ чернаго крыльца

Послѣ своего разговора съ Лилли, Самсоновъ нѣкоторое время еще поклонялся по иллюминированному саду. Когда же всѣ маскированные вошли во дворецъ, и изъ-за освѣщенныхъ оконъ танцевальнаго зала донесли звуки торжественнаго марша, онъ рѣшился попытать счастья: не удастся ли ему также пробраться во дворецъ.

Въ дверяхъ параднаго крыльца торчалъ саженный швейцаръ съ золотой булавой, а за нимъ въ вестибюль толпились всевозможныя лакейскія ливреи.

"Этихъ дальше не пустили; значить, и мнѣ тутъ нѣтъ ходу, разсуждалъ самъ съ собою Самсоновъ. — Обойдемъ кругомъ.»

Со стороны Фонтанки, дѣйствительно, оказалось заднее крыльцо, оберегаемое единственнымъ сторожемъ-инвалидомъ; но тотъ сперва также остановилъ его:

— Куда прешь? Пошелъ, пошелъ!

Самсоновъ сталъ объяснять, что ему бы только однимъ глазкомъ взглянуть, какъ господа тамъ танцуютъ... Инвалидъ перебилъ

его:

— Сказано тебѣ, что дѣло нестаточное. Отойди до грѣха!

— Ну, пусти, дяденька, радѣлецъ, отецъ родной! Тебя отъ того вѣдь не убудеть. Пусти!

— Сказано разъ: "не пущу", ну, и не пущу!

Такъ Самсоновъ, по всему вѣроятно, и отѣхалъ бы ни съ чѣмъ, не найди онъ поддержки въ дворцовой служительницѣ, возвращавшейся въ это время съ иллюминаціи тѣмъ же чернымъ ходомъ и узнавшей въ немъ шуваловскаго человѣка.

— Да ублажилъ бы ты старика: сунуль бы грошъ въ зубы, — вполголоса посовѣтовала она Самсонову.

Онъ пошарилъ у себя по карманамъ: вмѣсто гроша, нашелся тамъ цѣлый алтынъ.

— На-ка-сь вотъ, дяденька, на добрую чарку.

Устоять противъ такого соблазна было уже выше силъ ворчуна. Пробурчавъ что-то поднось онъ пропустилъ обоихъ.

Хорошо знакомыми ей, видно, закоулками дворца дѣвушка провела Самсонова къ винтовой лѣстницѣ.

— По этой лѣстницѣ, - сказала она, — ты, прямо выйдешь на хоры.

— Ну, спасибо, родная.

На хорахъ, кромѣ придворнаго оркестра Самсоновъ засталъ уже десятка два такихъ же любопытныхъ, скучившихся въ сторонкѣ на двухъ скамейкахъ передъ ажурными перилами.

— Не найдется ли, матушка, и для меня мѣстечка? — обратился онъ къ сидѣвшей съ краю на задней скамѣ старушкѣ, повидимому изъ придворныхъ приживалокъ.

Та воззрилась на него и тотчасъ съ готовностью отодвинулась къ сосѣдкѣ.

— Какъ не найтись для тебя, касатикъ, — найдется.

Отсюда, между головъ сидѣвшихъ на передней скамѣ, сквозь прорѣзы въ перилахъ, было видно, какъ на ладони, все, что происходило внизу, въ танцевальномъ залѣ. Отъ пестроты и роскоши мелькавшихъ тамъ маскарадныхъ костюмовъ у Самсонова вначалѣ въ глазахъ рябило. Понемногу онъ, однакожъ, приглядѣлся; а комментаріи, которыми обмѣнивались сидѣвшія около него двѣ ку-

мушки, облегчали ему еще опознаться въ этомъ одушевленномъ калейдоскопѣ. Но, любясь блестящимъ зрѣлищемъ маскараднаго бала, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упускалъ изъ виду ни швейцарки, ни рыцаря, хотя тѣ ни променада, ни контрданса не танцовали другъ съ другомъ.

Послѣ контрданса швейцарка на нѣсколько минутъ исчезла съ турчанкой, и когда возвратилась, то на менуэтъ приняла приглашеніе рыцаря. Не подозрѣвая, что швейцаркой одѣта теперь уже не его "молочная сестра", а Скавронская, Самсоновъ не могъ надивиться несвойственной Лилли развязности въ обращеніи съ своимъ кавалеромъ.

Тутъ къ нимъ подлетаетъ опять турчанка. Что она говоритъ рыцарю? Наскоро приложившись къ ручкѣ своей дамы, онъ удираетъ изъ зала. Знать, не проста!

Самсоновъ такъ стремительно поднялся съ своего мѣста, что привелъ въ сотрясеніе всю скамейку; обѣ кумушки сердито на него оглянулись. Но его и слѣдъ простылъ.

Дверь, за которою исчезъ Воронцовъ, была въ сторону параднаго крыльца. Самсоновъ

поспѣшилъ туда же. Благодаря своей ливреѣ, онъ не обращалъ ни чьего вниманія. Въ проходной комнаткѣ около вестибюля онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ Воронцовымъ.

— А я къ вамъ, Михайло Ларивонычъ. Васъ, вѣрно, хватились?

— Да, хотятъ, слышно, арестовать. Ожидаютъ только, должно быть, конца бала, чтобы не дѣлать переполоха.

— Такъ вамъ бы крадучись уйти.

— Пытался; но у параднаго хода стоятъ два жандарма; а швейцаръ мнѣ объявилъ, что раньше ужина никого изъ гостей не приказано выпускать.

— Изъ гостей? Такъ намъ, слугамъ, значитъ, выходить не возбранено? Переодѣться бы вамъ въ мою ливрею и утечь съ задняго крыльца.

— А ты самъ-то, братецъ, что же?

— Самъ я надѣну ваши рыцарскіе доспѣхи и останусь тутъ за васъ, чтобы вамъ было время убраться изъ Питера по добру по здорову.

— Ты, видно, о двухъ головахъ! Къ ужину всѣ вѣдь должны будутъ снять маски, и тебѣ

придется также показать свое лицо.

— И покажу.

— Но съ тобой чиниться уже не стануть...

— Богъ милостивъ. Скажу, что нарядился, моль, въ доспѣхи своего господина сдуру безъ его вѣдома, чтобы побывать тоже разъ на этакомъ придворномъ маскарадѣ. Ну, знамое дѣло, по головкѣ не поглядятъ, накажутъ, а все же не такъ, какъ вашу бы милость: вамъ, офицеру, всю жизнь бы испортили.

— Это-то вѣрно... Ну, Самсоновъ, золотой ты человекъ! Этой услуги я тебѣ во вѣкъ не забуду. Но гдѣ намъ переодѣться?

— А за переборкой въ мужской уборной. Войдемъ вмѣстѣ и выйдемъ вмѣстѣ: никому и не въ домекъ.

Сказано — сдѣлано. Когда, немного погодя, оба вышли опять изъ уборной, никому изъ попадавшихъ имъ навстрѣчу и въ голову не приходило, что шествующій впереди благородный рыцарь — въ дѣйствительности слуга, а скромно плетущійся за нимъ слуга — благородный рыцарь.

Самсоновъ отъ природы былъ очень примѣтливъ и безъ затрудненія нашель вы-

ходъ изъ дворцоваго лабиринта къ черному крыльцу. Здѣсь, кромѣ дежурнаго сторожа, стояли теперь также два полицейскихъ аргуса съ саблями на-голо. Но ливрейнаго слугу они выпустили въ садъ безъ всякихъ разспросовъ, а настоящій слуга въ образѣ рыцаря возвратился опять, скрѣпя сердце, на парадную половину дворца.

V. Рыцарь и браминъ

Изъ танцевальнаго зала на Самсонова пахнуло тропическою жарой и неулегшею еще послѣ танцевъ пылью, смѣшанною съ запахомъ человѣческаго пота и парфюмерныхъ благовоній. Разгоряченныя танцами маски обоюго пола расхаживали взадъ и впередъ одиночно или по-парно, прохлаждаясь холодными напитками и мороженымъ, которые разносились кругомъ придворными лакеями.

Вдругъ къ нему подпорхнули двѣ женскія маски: швейцарка и турчанка.

— Ты все еще здѣсь, Мишель? — замѣтила ему вполголоса швейцарка. — Какое безумство!

— Вы ошибаетесь, Лизавета Романовна,

отвѣчалъ Самсоновъ. — Я не Михайло Ларивонычъ...

— Это — Гриша! — вмѣшалась турчанка. — Они вѣрно тоже, какъ мы, обмѣнялись платьемъ. Правда, Гриша?

Теперь и Самсоновъ узналъ ее по голосу.

— Правда, Лизавета Романовна, отвѣчалъ онъ. — Михайла Ларивоныча въ моей ливреѣ никто не задержалъ, и теперь его, вѣрно, уже не нагоняютъ.

— Слава тебѣ, Господи! — облегченно вздохнула Скавронская. — Но какой ты самъ безстрашный! Вѣдь тебѣ это такъ не сойдетъ. Знаешь что, Лилли: мнѣ уже изъ реконесанса надо его тоже выручить; я поговорю съ цесаревной...

— А я съ принцессой! — подхватила Лилли. — Раньше намъ съ тобой надо, однакожъ, опять переодѣться. А ты, Гриша, тѣмъ временемъ уберись здѣсь куда-нибудь подальше.

"Ахъ вы, милыя, хорошія! — подумалъ Самсоновъ, когда двѣ подруги упорхнули снова вонъ. — Но куда мнѣ здѣсь убраться? Развѣ что въ буфетъ".

И онъ спросилъ у проходившаго мимо ла-

кея: гдѣ буфетъ?

— А пожалуйста, сударь, за мною, — предложилъ тотъ и провелъ его въ длинную стеклянную галерею, въ концѣ которой былъ устроенъ роскошный буфетъ, а подъ высокими окнами были разставлены небольшіе мраморные столики.

Идя за лакеемъ, Самсоновъ разслышалъ за собою чьи-то семенящіе шаги, слѣдовавшіе за нимъ въ стеклянную галерею.

Едва онъ тутъ присѣлъ за одинъ изъ свободныхъ столиковъ, какъ за сосѣднимъ столикомъ расположился маленькій толстенькій человѣчекъ, наряженный индѣйскимъ браминомъ, и потребовалъ себѣ бутылку шампанскаго.

"А что жъ, не угостится ли мнѣ тоже всласть, пока еще не посадили на хлѣбъ и на воду?" сказалъ себѣ Самсоновъ и приказалъ подать себѣ чего-нибудь посытнѣе. Минуту спустя столикъ его былъ уставленъ всевозможною «сытною» снѣдью: былъ тутъ и страсбургскій пирогъ, и балыкъ, и ростбифъ...

— Въ буфетѣ у насъ, простите, сударь, одна холодная закуска, — извинился прислужни-

къ: — горячая будетъ къ ужину. А изъ винъ что прикажете: легкаго какого, али стараго бургонскаго?

— Нѣтъ ли у васъ простаго квасу? — Спросилъ съ полнымъ ртомъ Самсоновъ, уписывая страсбургскій пирогъ за обѣ щеки.

— Простаго ква-су? — протянулъ слуга и отрицательно покрутилъ головой. — Нѣтъ-съ, простыхъ русскихъ питій у насъ не полагается. Изъ дамскихъ прохладительныхъ есть оршадъ, лимонадъ: оршадъ первый сортъ — изъ миндаля и апельсиновъ на «гуляфной» водѣ, а лимонадъ — на лучшемъ «ренскомъ».

— Такъ дай мнѣ хоть лимонаду, что ли.

— И что вамъ за охота, г-нъ рыцарь, пить всякую дрянъ, коли есть нектаръ, питье боговъ? — заговорилъ тутъ браминъ и, поднявшись изъ-за стола съ длинногорлой бутылкой въ рукѣ, подошелъ къ Самсонову. — Человѣкъ! еще одинъ покалъ.

Характерное картавое произношеніе съ придыханіемъ уже само по себѣ выдавало въ немъ семита; а когда онъ въ добавокъ, задыхаясь, должно быть, подъ маской, отвязалъ ее и обнаружилъ такимъ образомъ одутловатое

лицо съ хищнически-загнутымъ носомъ и выпуклыми, воспаленными глазами, — Самсоновъ тотчасъ узналъ въ немъ придворнаго банкира и бироновскаго совѣтчика, въ конторѣ котораго получалъ уже какъ-то деньги для своего господина.

— Вы слишкомъ любезны, г-нъ Липманъ... — пробормоталъ онъ, не рѣшаясь прямо отказаться. А тотъ безцеремонно подсѣлъ уже къ нему и, наливая ему полный «покаль», продолжалъ съ тою же развязностью:

— И вамъ бы, г-нъ рыцарь, снять свой шлемъ; развѣ вамъ не жарко?

При этомъ глаза его зорко вглядывались въ глазныя отверстія шлема рыцаря и въ нижнюю часть его лица, видимую изъ-подъ слегка приподнятаго для ѣды забрала.

"Гляди, гляди, — меня-то не узнаешь!" думалъ про себя Самсоновъ, а на вопросъ отвѣчалъ, что "нѣтъ, не жарко".

— А чокнуться все же можно и осушить покаль.

Дѣлать нечего, — пришлось чокнуться и осушить. Игристый напитокъ Шампаньи раз-

лился у юноши огнемъ по жиламъ, ударилъ ему съ непривычки въ голову. Онъ не то, чтобы опьянѣлъ, а исполнился беззавѣтной отваги.

"Погибать, такъ погибать! По крайней мѣрѣ натѣшусь еще надъ этимъ мерзавцемъ".

Онъ самъ уже налилъ себѣ второй бокалъ и съ задорной усмѣшкой спросилъ банкира, правда-ль, что тотъ прибылъ въ Питеръ лѣтъ двадцать назадъ съ грошомъ въ карманѣ.

— Побольше: съ полтиной, — отвѣчалъ Липпманъ, ни чуть какъ будто не обидясь, а напротивъ, самодовольно улыбаясь. — Во всякомъ гешефтѣ, г-нъ рыцарь, только начало трудно. Въ первый годъ изъ полтины у меня стало пятьдесятъ рублей, во второй — триста, а въ третій — десять тысячъ.

— Изъ трехъ сотъ рублей въ одинъ годъ десять тысячъ! Это какимъ же чудомъ?

— Не чудомъ, а казенной поставкой. Подрядился я поставить для арміи десять тысячъ епанчей...

— Десять тысячъ епанчей на триста рублей? Значить, одну епанчу за три копейки? Кто вамъ это повѣритъ!

— Хе-хе-хе-хе! Триста рублей моихъ пошли только на первую смазку, чтобы получить поставку. (Онъ наглядно показаль пальцами, какъ смазываютъ.) Другіе брались поставить кто по восемь рублей, кто по семь, а я по шесть рублей за штуку. Ну, поставка и осталась за мною.

— Да по сколько же вамъ самимъ обошлась каждая штука?

— По сколько? (Онъ лукаво подмигнуль однимъ глазомъ.) По шесть съ полтиной.

— Такъ, стало-быть, въ прямой себѣ убытокъ?

— Мнѣ епанчи, что поставилъ, по полтинѣ убытку.

— А то еще за какія жь?

— За тѣ, что не поставилъ.

— Простите, г-нѣ Липшманъ, но я васъ не понимаю.

— Не понимаете? Ха! А дѣло, кажется, ясное: по квитанціи я сдалъ будто бы всѣ десять тысячъ штукъ, а взаправду приняли отъ меня шесть тысячъ.

— Такъ что за непоставленные четыре тысячи вы положили себѣ въ карманъ ни за что,

ни про что, двадцать четыре тысячи рублей?

— "Ни за что, ни про что" — пхе! За труды-съ. Да и то не двадцать четыре, а только половину — двѣнадцать тысячъ.

— А остальные двѣнадцать тысячъ пошли въ чужіе, что ли, карманы?

— А то какъ же? Извѣстно, за комиссію, подѣлились совсѣмъ по-братски. Никому не обидно.

— Окромѣ казны-матушки да бѣдныхъ солдатиковъ.

— Казна-матушка не плачетъ, а солдаты тоже не остались безъ епанчей.

— Да вѣдь на четырехъ тысячъ человекъ ихъ не хватило?

— Новыхъ епанчей не хватило, но старыхъ — сколько угодно. Хе-хе-хе-хе!

И, чрезвычайно довольный эффектомъ, произведеннымъ на наивнаго собесѣдника ловкой аферой, Липпманъ наполнилъ оба бокала въ третій разъ.

— За казну-матушку!

— Не лучше ли за ея грабителей?

Это было уже не въ бровь, а въ глазъ. Банкиръ не выдержалъ, быстро всталъ со стула и

прошипѣлъ:

— Это вамъ, сударь мой, такъ не сойdetь!

"Наконецъ-то отвязался!" — сказалъ самъ себѣ Самсоновъ и принялся опять за ѣду.

Но наѣстья всласть ему все-таки не пришлось. Отъ входныхъ дверей раздался знакомый ему голосъ:

— Ба, ба, ба! онъ и въ самомъ дѣлѣ тутъ. А я за него отдувайся!

Передъ нимъ очутился бедуинъ, въ сообществѣ двухъ другихъ маскированныхъ. Рыцарь нашъ едва успѣлъ отереть себѣ салфеткой ротъ и опустить забрало.

— Чего же ты, Петя, притворялся инвалидомъ? — продолжалъ Александръ Шуваловъ. — А Юліана Менгденъ мнѣ проходу не даетъ: "Каинъ! гдѣ братъ твой Авель?" — "Дома, говорю, — прикованъ, какъ Прометей, къ скалѣ-дивану". — "Неправда, говоритъ, — я сама съ нимъ говорила. Отыщите мнѣ его". А ты, глядь, и вправду тутъ. Ступай-ка, ступай, пока не совсѣмъ еще впалъ въ немилость.

Разувѣрять теперь въ своей личности не приходилось. Промычавъ что-то себѣ поднось вмѣсто отвѣта, Самсоновъ бросилъ на

столь салфетку и, слегка прихрамывая, точно нога у него еще не совсѣмъ въ порядкѣ, не спѣша двинулся вонъ изъ галлерей.

VI. Маски снимаются

Въ танцевальномъ залѣ только-что кончилась опять пауза, и съ хоръ полились заунывно-тягучіе звуки «русской», безъ которой въ тѣ времена не обходился ни одинъ балъ. Простонародный танецъ давно уже, однако, не находилъ въ высшемъ обществѣ прежняго сочувствія; пары собирались вяло; никому какъ-будто не хотѣлось начинать.

Тутъ въ дверяхъ появились рука объ руку молодой бояринъ съ молодой боярыней и показали примѣръ другимъ. Что боярыня эта — цесаревна Елисавета, знали, надо думать, всѣ присутствующіе; что кавалеръ ея — Разумовскій, догадывались, вѣроятно, очень многіе. Общее вниманіе тотчасъ сосредоточилось на этой парѣ, и всѣ на нее за любовались, даже тѣ, что собрались было уже танцевать. Да и какъ, право, было не залюбоваться!

Съ какою воздушною легкостью и граціей боярыня плыла мимо своего боярина, пома-

живая шелковымъ платочкомъ передъ его закрытымъ маскою лицомъ! Какъ бойко онъ, въ свою очередь, выбиваль дробь ногами, какъ залихватски забрасываль пятки!

Никто изъ зрителей, однако, не рѣшался первымъ хлопнуть, пока стоявшая въ дверяхъ императрица не подасть знака. У нея одной, какъ уже сказано, лицо не было прикрыто маской. На устахъ ея заиграла также усталогрустная улыбка. И вотъ она подняла сложенные на тальѣ руки и ударила въ ладоши. Въ тотъ же мигъ весь залъ кругомъ зазвучаль оглушительными рукоплесканіями.

Въ цѣлой имперіи не нашлось бы, пожалуй, ни души, кромѣ одного единственного человѣка, кто рѣшился бы теперь открыто заявить свое несогласіе съ выраженнымъ государыней одобреніемъ. Этотъ единственный человѣкъ, Марсъ-Биронъ, поманилъ къ себѣ перстомъ Меркурія-Лёвенвольде и отдалъ ему какое-то приказаніе. Оберъ-гофмаршалъ покорно наклонилъ голову и, выступивъ впередъ, громогласно крикнулъ капельмейстеру на хорахъ:

— Grossvater!

Всѣмъ было ясно, что слишкомъ благопріятное впечатлѣніе отъ русской пляски ненавистникъ русскаго народа, герцогъ курляндскій, счелъ нужнымъ ослабить нѣмецкимъ свадебнымъ танцемъ, которымъ тогда и въ нашихъ придворныхъ сферахъ, какъ у бароновъ въ остзейскомъ краѣ, заканчивались, обыкновенно, свадебные балы. Въ "гросфатеръ" обязательно принимали участіе какъ вся молодежь, такъ и маститые сановники съ ихъ пожилыми супругами; поэтому вдоль всего огромнаго зала мигомъ образовалась змѣевидная лента "дѣдушекъ" и «бабушекъ» всѣхъ возрастовъ и званій, начиная съ самого Бирона и кончая Лилли. И вся вереница, въ тактъ медленному темпу музыки, заковыляла старческой походкой, хоромъ подпѣвая нелѣпѣйшую пѣсню:

— "Als der Grossvater die Grossmutter nahm,
Da war der Grossvater ein Brautigam,
La-ri, la-ri, la ra!

("Когда дѣдушка посватался къ бабушкѣ,
дѣдушка сталъ женихомъ, ла-ри, ла-ри, ла-

ра!")

Вдругъ ковыляющій темпъ разомъ переходитъ въ бѣшенный плясовой. Каждый кавалеръ хватаетъ свою даму за обѣ кисти рукъ и дѣлаетъ съ нею бочкомъ козлиный скачекъ назадъ и затѣмъ впередъ, чтобы перемѣниться мѣстомъ съ сосѣдней парой, во все горло припѣвая:

— "La-ri, la-ri, la-ralla-la!
La-ri, la-ri, la-ra!"

Лилли не разъ уже танцевала въ Лифляндіи этотъ патриархальный свадебный танецъ, — танцевала съ дѣтскимъ увлеченіемъ. Теперь онъ показался ей донельзя пошлымъ, и она готова была убѣжать вонъ. Но кавалеръ не выпускалъ ея рукъ, и ей поневолѣ приходилось также подпрыгивать и подтягивать:

— "La-ri, la-ri, la-ralla-la!"
La-ri, la-ri, la-ra!"

"Гдѣ-то теперь Гриша? Да вонъ онъ,

бѣдняга, въ своихъ рыцарскихъ доспѣхахъ стоитъ у выступа стѣны, опершись на свой мечъ, не шевельнется, словно окаменѣлъ на мѣстѣ. Что-то сейчасъ его ожидаетъ, Боже милосердый!"

Наконецъ-то и заключительный куплетъ. Барабанъ и литавры гремятъ въ послѣдній разъ. Кавалеръ жметъ ей руки и откланивается.

— Милостивые государи и государыни! — возглашаетъ оберъ-гофмаршалъ. — Танцы кончены: прошу снять маски.

Вотъ и роковой мигъ. "О, Гриша!"

Дрожащими отъ волненья пальцами Лилли отвязываетъ свою маску и оглядывается. Какъ эти разгоряченныя, глянцовитыя отъ пота, истомленныя лица не подходятъ къ свѣжимъ и пышнымъ нарядамъ! Ужели и она сама такая же красная?

Но всѣхъ краснѣе и противнѣе упитанная бычачья рожа Бирона. И какимъ вѣдь жестокимъ инквизиторскимъ взглядомъ озираетъ онъ всѣхъ окружающихъ, видимо, отыскивая между ними того, о которомъ ему донесли его шпіоны! Но искомага на лицо не оказывается:

брови герцога сдвигаются еще мрачнѣе.

Тутъ вынырнувшій позади его браминъ — банкиръ, приподнявшись на цыпочки, шепчетъ ему что-то на ухо. Взоръ Бирона устремляется на прикованную все тамъ же къ выступу стѣны, неподвижную фигуру средневѣковаго рыцаря.

— Господинъ рыцарь! — раздается на весь залъ повелительный голосъ съ рѣзкимъ нѣмецкимъ акцентомъ. — Прошу къ намъ.

Рыцарь отдѣляется отъ стѣны, подходитъ; но забрало его все еще опущено.

— Откройте ваше лицо!

Малодушествовать уже не приходится. Рыцарь поднимаетъ забрало, и сотни глазъ съ недоумѣніемъ видятъ совсѣмъ незнакомыя имъ, благообразныя черты юноши съ легкимъ пушкомъ надъ верхнею губой. Всѣхъ болѣе, конечно, разочарованъ самъ инквизиторъ; но за это долженъ по платиться разочаровавшій.

— Государь милостивый! Кто вы есть такой?

Въ голосъ временщика прорывалась такая злоба, что сердце у Самсонова въ первомъ

замѣшательствѣ все же захолонуло, языкѣ прилипѣ къ небу. За него отвѣчалѣ бедуинѣ:

— Ваша свѣтлость! Смѣю доложить, что это — слуга моего брата, Петра Ивановича Шувалова. У брата было уже заготовлено это рыцарское платье для сегодняшняго вечера; но внезапно онѣ заболѣлъ...

— И послалѣ сюда замѣсто себя лакея? — досказалѣ взбѣшенный герцогѣ.

— Нѣтъ, ваша свѣтлость, — заговорилѣ тутѣ, оправясь, самѣ Самсоновѣ: — господинѣ мой тутѣ не при чемѣ. Учинилѣ я это безѣ спроса...

— За что и будешь примѣрно наказанѣ, дабы впредѣ чинить тому подобное никому повадно не было! — подхватилѣ съ негодованіемѣ старшій Шуваловѣ, очень довольный, казалось, что можетѣ такимѣ образомѣ отвести ударѣ отѣ себя и брата.

— ...Никому повадно не было, — повторилѣ послѣднія слова его Биронѣ и обернулся къ стоящему тутѣ же старцу-капуцину съ отвислыми щеками и съ бездушно-суровымѣ взоромѣ подѣ нависшими бровями:

— Ваше превосходительство, Андрей Ива-

нычъ! извольте взять сего челоуѣка...

— И допросить? — добавилъ капуцинъ, который, въ дѣйствительности, былъ не кто иной, какъ начальникъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, генераль Ушаковъ, безжалостность котораго при "пристрастныхъ допросахъ" была общеизвѣстна.

— И допросить, какъ законы повелѣвають, — подтвердилъ герцогъ.

— Будетъ исполнено, ваша свѣтлость.

"Прощай, бѣлый свѣтъ!" подумалъ про себя Самсоновъ, бросая прощальный взглядъ на Лилли.

Та, умоляюще сложивъ руки, тихонько аппелировала только что къ своей принцессѣ. Но Анна Леопольдовна, пугливо поглядывая на императрицу, отрицательно покачала головой: лицо государыни, съ стекловиднымъ взоромъ, съ плотно-сжатыми губами, какъ бы окаменѣло. Давно изучивъ малѣйшія движенія въ чертахъ своей августѣйшей тетки, принцесса сознавала, должно-быть, свое собственное безсиліе склонить ее къ отмѣнѣ распоряженія герцога.

Но нашлось другое, болѣе сильное духомъ

существо — цесаревна Елисавета Петровна. Неожиданно для всѣхъ она обратилась къ императрицѣ убѣжденно и убѣдительно:

— Ваше величество! Сегодня — послѣдній день празднованія замужества принцессы Анны, наслѣдницы россійскаго престола. Не дайте же омрачить этотъ свѣтлый день наказаніемъ челоуѣка, вся вина коего состоитъ лишь въ томъ, что ему, какъ доброму вѣрноподданному, хотѣлось тоже насмотрѣться на этотъ праздникъ изъ праздниковъ. Отдайте ему его вину!

Слабовольная, но мягкосердая Анна Леопольдовна, слыша изъ чужихъ устъ то самое, что сама она не имѣла духу сказать въ защиту этого несчастнаго, обреченнаго уже не вѣсть къ какимъ пыткамъ въ подвалахъ тайной канцеляріи, присоединила теперь и свою просьбу къ просьбѣ цесаревны; — Простите его, государыня, ради меня простите!

— И ради меня тоже, — рѣшился подать голосъ и новобрачный. Анна Іоанновна перевела взоръ свой съ цесаревны на принцессу, съ принцессы на принца, — и пасмурное чело ея начало проясняться.

— Совсѣмъ простить, словно безвиннаго, — не много ль будетъ? — промолвилась она густымъ своимъ голосомъ и вопросительно глянула на герцога.

— Чего ждать потомъ отъ самихъ господъ, если прощать такія вольности ихъ рабамъ? — замѣтилъ по-нѣмецки герцогъ.

— Правильно. Онъ будетъ наказанъ, но — не нами. У него есть свой господинъ; тотъ пускай съ нимъ и расправляется по-своему. А что же, графъ, ужинъ? — обратилась государыня къ оберъ-гофмаршалу Лёвенвольде.

— Ужинъ готовъ, ваше величество, — отвѣчалъ тотъ съ поклономъ.

— Такъ прошу дорогихъ гостей откушать, чѣмъ Богъ послалъ.

Чиннымъ порядкомъ всѣ двинулись слѣдомъ за царственной хозяйкой. Только въ дверяхъ столовой произошло небольшое замѣшательство; слышалась хлесткая оплеуха и звонъ разбитой посуды.

— Это что же такое? — спрашивали другъ друга озадаченные гости.

Разсыпанные на самомъ порогѣ пирожки и черепки служили имъ нѣкоторымъ уже

отвѣтомъ; а затѣмъ выяснилось, что подѣ тяжелой руку Бирона подвернулся по пути его слѣдованія лакей съ пирожками къ бульону; ну, его свѣтлости надо же было хоть на немъ сорвать свое сердце!

До Самсонова никому уже не было дѣла. Онъ вышелъ изъ танцевальнаго зала въ противоположныя двери къ парадному крыльцу, гдѣ его никто уже не останавливалъ. Въ горлѣ у него и безъ ужина стояли еще страсбургскій пирогъ и... герцогъ курляндскій. Съ какимъ наслажденіемъ втянулъ онъ теперь въ себя полную грудь прохладный ночной воздухъ!

Господина своего онъ засталъ уже въ постели, но не спящимъ.

— Такъ мнѣ тебя, стало-быть, по заслугамъ наказать? — усмѣхнулся Петръ Ивановичъ, выслушавъ его докладъ. — Вотъ твое наказаніе.

Онъ указалъ на столбецъ червонцевъ на ночномъ столикѣ.

— Чего смотришь! Бери, бери! — это тебѣ оставилъ Михайло Илларионычъ. Теперь ты и самъ можешь расплатиться за уроки съ своимъ прецепторомъ Тредіаковскимъ.

VII. Безъ сѣдла

Цѣлую недѣлю при Дворѣ шли еще толки и пересуды о неслыханной продерзости шуваловскаго камердинера, — продерзости, за которую должны были, вмѣсто него, жестоко поплатиться главный швейцаръ Лѣтняго дворца и нѣсколько служителей: по «нещадномъ» наказаніи «кошками» на герцогской конюшнѣ, всѣ они безслѣдно и навсегда исчезли съ дворцоваго горизонта.

На слѣдующей недѣлѣ эту устарѣвшую уже тему вытѣснила новая, животрепещущая — замѣтное охлажденіе императрицы къ новобрачной четѣ. Догадокъ и сплетенъ по этому поводу, какъ всегда нельзя было обобратиться. Наиболѣе же обоснованными представлялись двѣ:

При своемъ обрученіи Анна Леопольдовна получила въ презентъ отъ августѣйшей тетки драгоцѣнный перстень, сдѣланный придворнымъ ювелиромъ Граверо по личнымъ указаніямъ императрицы. Между тѣмъ, среди многочисленныхъ колецъ на пальцахъ принцессы не оказалось вдругъ этого самаго перст-

ня. На вопросъ государыни: что это значить? — племянница, не умѣвшая притворяться, виновато призналась, что оправка перстня была слишкомъ старомодна, и что молодой помощникъ Граверо, Позье, передѣлалъ эту оправку по ея собственному вкусу. Императрица, понятно, была оскорблена и огорчена; а Биронъ не преминулъ съ своей стороны подлить еще масла въ огонь.

— Принцесса сама не знаетъ, чего хочетъ! — будто бы сказалъ онъ. — Даже подарки ея величества не по ней, и вѣдь только потому, что государыня не признаетъ новѣйшихъ французскихъ модъ и не читаетъ французскихъ романовъ.

Вторую, болѣе серіозною причиною для неудовольствія императрицы была та настойчивость, съ которою принцесса и принцъ-супругъ ея требовали отпуска имъ изъ казны обѣщанной имъ уже прибавки на содержаніе своего собственнаго придворнаго штата, въ суммѣ 80-ти тысячъ рублей въ годъ. Несмотря на протестъ Бирона, государыня въ концѣ концовъ подтвердила свое обѣщаніе. Зато молодому принцу пришлось испытать на себѣ

всю грубость, на какую былъ способенъ зазнавшійся временщикъ и которую тотъ не осмѣливался вымѣстить непосредственно на принцессѣ, наслѣдницѣ престола. Когда Антонъ-Ульрихъ явился въ пріемный часъ всеильнаго герцога принести ему отъ имени своего и принцессы "душевную признательность за милостивѣйше назначенную субсидію", Биронъ не постѣснялся въ присутствіи постороннихъ отчитать его:

— Ваша свѣтлость благодарите меня за такую милость, о которой потомъ будете горько плакать. До сихъ поръ васъ и жену вашу содержали какъ родныхъ, но вы сами пожелали сдѣлаться чужими...

— Да я-то-то-то тутъ приче-че-чемъ? — заикаясь еще болѣе обыкновеннаго, пробормоталъ растерявшійся принцъ.

— Вы — мужъ вашей жены и отвѣчаете за нее по пословицѣ: Mitgefangen — mitgehungen (вмѣстѣ пойманы — вмѣстѣ и повѣшены)! — продолжалъ герцогъ въ томъ же рѣзкомъ тонѣ. — У васъ самихъ, принцъ, я готовъ вѣрить, доброе сердце; вы искренно любите принцессу и потому дѣлаете все по

ней; но увѣрены ли вы, что и она васъ любить?

— Увѣренъ! — отвѣчалъ Антонъ-Ульрихъ. — Что за странный вопросъ!

— Вопросъ не столь странный, какъ вамъ, быть-можетъ, кажется. Я, по крайней мѣрѣ, слышалъ отъ самой принцессы, когда вы въ первый разъ сватались къ ней, что женщина можетъ простить мужчинѣ всякій недостатокъ, кромѣ одного: что онъ не мужчина.

— Да какъ вы, герцогъ, можете говорить мнѣ въ лицо такія вещи...

— Я повторяю только слышанное къ вашему свѣдѣнію. Лично противъ васъ, принцъ, я ничего не имѣю и могу дать вамъ только одинъ совѣтъ: вмѣсто того, чтобы слушаться во всемъ принцессы, удалите отъ нея всѣхъ тѣхъ, кто внушаетъ ей подобную ересь.

— Вы говорите о баронессѣ Юліанѣ? Но противъ нея я безсиленъ...

— Извольте видѣть. Такъ какъ же, согласитесь, можно было дать вамъ съ принцессой еще особое придворное положеніе? Если я отговаривалъ отъ этого государыню, то для вашей же пользы.

О самомъ Антонъ-Ульрихъ Биронъ отозвался секретарю австрійскаго посольства Пецольду еще откровеннѣе, когда тотъ, при случайной встрѣчѣ съ герцогомъ въ Лѣтнемъ саду, позволилъ себѣ замолвить слово за принца:

— Всѣ знаютъ, какая геніальная голова — этотъ принцъ. Если его женили на принцессѣ Аннѣ, то, разумѣется, ужъ не изъ-за его великаго ума. Напрасно вашъ Дворъ воображаетъ, что можетъ распорядиться у насъ въ Петербургѣ, какъ у себя въ Вѣнѣ. Если же у васъ способности брауншвейгскаго принца цѣнятся такъ высоко, то я съ удовольствіемъ склоню императрицу разрѣшить ему отъѣздъ въ Вѣну, гдѣ такъ нуждаются въ умныхъ государственныхъ мужахъ.

И всѣ эти рѣзки сходили съ рукъ всемогущему временщику. Въ довершеніе своего униженія, Анна Леопольдовна, по настоянію императрицы, должна была лично отправиться на поклонъ къ Бирону, чтобы заявить о своемъ «добровольномъ» отказѣ отъ отдѣльнаго Двора. Торжествующій герцогъ, милостиво принявъ такое заявленіе, обѣщаль

ей съ своей стороны не давать уже поводу къ неудовольствіямъ. Наружный миръ между враждующими партіями нѣмецкаго лагеря былъ возстановленъ, и государыня возвратила племянницъ прежнее свое благорасположеніе.

Первою страстью Бирона, какъ уже знаютъ читатели, были лошади. Состоя самъ во главѣ конюшеннаго вѣдомства, онъ не жалѣлъ никакихъ средствъ казны для своего вѣдомства, въ которомъ, кромѣ всевозможныхъ штатныхъ должностей, начиная отъ оберъ-шталмейстера и кончая рейтъ-пажами, однихъ мастеровъ и нижнихъ служителей числилось 293 человекъ. Дворецъ умершаго въ 1736 году кабинетъ-министра Ягужинскаго (на Фонтанкѣ, на противъ Лѣтняго сада) былъ отведенъ подъ манежъ для верховой ѣзды; причемъ перестройка его, возложенная на знаменитаго архитектора Растрелли, обошлась немного-немало, въ 100 тысячъ рублей, — для того времени сумма огромная. Къ манежу прилегали обширныя каменные конюшни, обставленныя такими удобствами и съ такою роскошью, что сложилась даже по-

говорка:

"Съ лошадьми герцогъ обходится, какъ съ людьми, а съ людьми, какъ съ лошадьми".

Лошади для этихъ конюшенъ выписывались изъ Голштиніи, изъ Англїи и даже изъ Аравїи, и всякое такое обогащеніе конюшенъ составляло при Дворѣ въ нѣкоторомъ родѣ событіе. Сама вѣдь императрица была большая любительница лошадиного спорта и по часту заѣзжала въ манежъ, гдѣ для нея были устроены еще особые покои, чтобы ей можно было тамъ принимать съ докладами министровъ, а то и иностранныхъ пословъ.

Въ теченіе лѣта 1739 года, особенно знойнаго, Анна Іоанновна, страдая постоянно приливами къ головѣ, значительно рѣже уже заглядывала въ манежъ. Съ сентябрьскими заморозками ей нѣсколько полегчало, и когда тутъ баронъ принесъ ей прїятную вѣсть, что съ Дона пригнана цѣлая партія молодыхъ казачьихъ скакуновъ, государыня не только сама собралась въ манежъ, но пригласила туда, отъ имени герцога, также принцессу и цесаревну. Это былъ, такъ-сказать, мостъ къ окончательному умиротворенію ихъ общаго вра-

га, и объ: Анна Леопольдовна и Елисавета Петровна, рѣшились прибыть въ манежъ съ полною свитой. Такъ-то, въ свитѣ принцессы, попала туда и Лилли, а въ свитѣ цесаревны — младшій Шуваловъ въ сопровожденіи своего юнаго слуги, Самсонова.

Отъ Зимняго дворца (куда Высочайшій Дворъ перебрался уже на зимній сезонъ) тронулся длинный поѣздъ каретъ къ бироновскому манежу. Три дня уже моросилъ, не переставая, осенній дождь, и передъ входомъ въ манежъ образовалась цѣлая лужа. Ъхавшей во главѣ поѣзда царской каретѣ пришлось остановиться посреди этой лужи. Когда тутъ прыгнувшій съ запятокъ гайдукъ распахнулъ дверцы кареты и спустилъ подножку, — Анна Іоанновна, при видѣ лужи, замедлилась опереться на руку подбѣжавшаго изъ-подъ навѣса генераль-полицеймейстера Салтыкова. Тогда Салтыковъ, не задумываясь, сорвалъ съ своихъ плечъ епанчу и накрылъ лужу. Благосклонная улыбка была ему наградой. Налегшись теперь всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ на руку догадливаго начальника полиціи, государыня, по епанчѣ, какъ по ков-

ру, прослѣдовала въ манежъ, у входа въ который была встрѣчена самимъ герцогомъ Биромомъ.

Лилли, сидѣвшая вмѣстѣ съ Юліаной въ одной изъ ближайшихъ каретъ, была свидѣтельницей этой сцены. Но когда и до нихъ дошла очередь выходить изъ своей кареты, генераль-полицеймейстерская епанча была уже убрана. Высаживалъ ту и другую изъ кареты, правда, придворный лакей; но шаги Юліаны стѣснялъ очень некстати пышный шлейфъ, такъ что она поневолѣ должна была ступить носкомъ въ воду. Лилли же, у которой не было шлейфа, перепорхнула подъ навѣсъ, ни чуть не замочивъ ногъ.

— Что значитъ умѣть скакать безъ сѣдла! — не безъ колкости замѣтила ей Юліана.

Манежъ дѣлалъ честь его строителю или, вѣрнѣе, «приспособителю», Растрелли: несмотря на его обширность, въ немъ было много свѣта отъ высокихъ, восьмиугольных оконъ по обѣимъ продольнымъ стѣнамъ; а громадныя печи изъ заграничныхъ цвѣтныхъ кафлей по четыремъ угламъ под-

держивали комнатную температуру даже въ холодное время года. Въ глубинѣ были устроены амфитеатрально сидѣнія для зрителей; а по срединѣ амфитеатра, подъ пунцовымъ балдахиномъ съ золотой бахромой, возвышались тренообразныя кресла.

О намѣреніи императрицы прибыть въ манежъ, очевидно, дошло и до свѣдѣнія всѣхъ трехъ кабинетъ-министровъ: не желая упустить удобнаго случая для доклада неотложныхъ дѣлъ, были налицо съ портфелями подъ мышкой не только Волынскій и князь Черкасскій, но и графъ Остерманъ, который изъ-за застарѣлой мучительной подагры почти никогда не покидалъ дома. На глубокой поклонъ тріумвировъ государыня отвѣтила только мимоходомъ наклоненіемъ головы и затѣмъ не обращала на нихъ уже никакого вниманія.

Все вниманіе свое, точно такъ же, какъ и другіе, прибывшіе вмѣстѣ съ нею и размѣстившіеся на амфитеатръ, она отдала небольшой кавалькадѣ донцовъ, выѣхавшей изъ конюшенъ. Въ знакъ привѣта царицѣ, приподнявъ на головѣ шапки и опустивъ до-

ду острія пикъ, тѣ объѣхали сначала шагомъ, но съ независимо-молодцоватымъ видомъ, весь манежъ; затѣмъ пустили своихъ поджарыхъ, но статныхъ коней рысью, послѣ того галопомъ и, наконецъ, во весь опоръ.

Императрица сидѣла неподвижно въ своихъ креслахъ, и никто изъ окружающихъ не осмѣливался еще проявлять свое одобреніе.

Но вотъ манежные конюхи установили на аренѣ нѣсколько искусственныхъ загражденій изъ древесныхъ вѣтвей вышиною въ два аршина, и лихіе наѣздники съ пиками наперевѣсъ и съ зычнымъ гикомъ принялись одинъ за другимъ брать эти загражденія. Тутъ пробудились наѣздническіе инстинкты и въ самой государынѣ: она ударила ладонь о ладонь, и въ тотъ же мигъ, какъ по командѣ, все кругомъ также захлопало.

Пока убирались барьеры, казаки дали своимъ взмыленнымъ конямъ перевести духъ передъ дальнѣйшимъ ристаньемъ. Вдругъ передній казакъ пронзительно свистнулъ, — и скакунъ его взялъ съ мѣста въ карьеръ, а за нимъ и другіе. Началась джигитовка:

подхватываніе съ земли на-лѣту брошенной шапки, моментальное соскакиванье наземь и вскакиванье опять въ сѣдло, всевозможныя эволюціи въ воздухѣ пикой, и т. д. Нечего говорить, что присутствующіе любители скаковыхъ зрѣлищъ пришли уже въ полный восторгъ, и хлопкамъ, ликованьямъ не было конца. Казаки же, проѣзжая опять шагомъ мимо амфитеатра, съ побѣдоноснымъ видомъ откланивались съ высоты своихъ сѣделъ.

— И все? — отнеслась императрица по-нѣмецки къ герцогу.

— Есть еще одинъ жеребенокъ, — отвѣчалъ тотъ. — Войско донское желало бы имѣть счастье принести его въ даръ вашему величеству...

— Значить, онъ обѣщаетъ сдѣлаться украшеніемъ нашихъ конюшенъ?

— Первымъ алмазомъ, государыня.

— Посмотримъ этотъ алмазь.

По знаку Бирона, старикъ-казакъ вывелъ подъ уздцы жеребенка-двулѣтка караковой масти. Опираясь на руку герцогини Биронъ, Анна Іоанновна спустилась внизъ на арену. За государыней поднялись съ мѣсть и другіе,

въ томъ числѣ также Анна Леопольдовна съ Юліаной и Лилли.

Да, то не былъ обыкновенный жеребенокъ, а прелестнѣйшая, одушевленная картинка! Подъ лоснящеюся, какъ атласъ, темно-гнѣдою шерстью играла, казалось, каждая жилка. Ни секунды не зная покоя, лошадка переминалась все время на всѣхъ четырехъ ножкахъ, точно выточенныхъ геніальнымъ токаремъ, и каждымъ такимъ движеніемъ выказывала гармоничный на диво складъ всего тѣла. Но изящнѣе всего была все-таки головка, на которую была накинута легкая, какъ бы игрушечная уздечка изъ красныхъ ремешковъ, богато выложенныхъ серебромъ. Задорно вскидывая эту чудную головку, жеребенокъ прятъ ушами и поводилъ кругомъ своими большими, умными глазами, словно говоря:

— Любуйтесь, господа, любуйтесь! Такой красоты никто изъ васъ вѣдь еще не видываль, да никогда болѣе и не увидить.

— Хорошъ, милый, безмѣрно хорошъ! — похвалила его государыня. — Уздечка хороша, а самъ того еще краше.

— Уздечка наборная, лошадка задорная, — отозвался съ самодовольствомъ польщенный старикъ-казакъ. — Ни удиль, ни сѣдла она еще не вѣдаетъ.

— Такъ на нее развѣ еще не сажались?

— Пытались наши молодцы, матушка-государыня, пытались, да не дается: всякаго досель сбрасывала.

— Что бы тебѣ, Лилли, попытаться? — насмѣшливо замѣтила по-нѣмецки Юліана.

Слова эти достигли до слуха Анны Іоанновны и напомнили ей первый разговоръ съ Лилли.

— А и вправду не хочешь ли покататься? — сказала она шутя. — Тебѣ вѣдь и сѣдла не нужно.

— Подсадите-ка барышню! — указаль Биронъ стоявшимъ тутъ же рейткнехтамъ на Лилли, выхватывая изъ рукъ одного изъ нихъ плетку. — Ну, что же?

Ослушаться герцога значило подпасть подъ его гнѣвъ и немилость. Не пришла Лилли еще въ себя, какъ была поднята дюжими руками на воздухъ, и усажена на спину жеребенка; а Биронъ со всего маху хлестнулъ его

плеткой. Лошадка отчаяннымъ прыжкомъ рванулась впередъ такъ внезапно, что старикъ-казакъ выпустилъ изъ рукъ поводья. Лилли успѣла только ухватиться за гриву лошади и мчалась уже по манежу. Но, сидя бочкомъ безъ опоры для ногъ, она при крутомъ поворотѣ не могла уже удержаться на спинѣ лошади и чувствовала, какъ соскользаетъ. Еще мигъ — и она повиснетъ на гривѣ.

Жестокая шутка злопамятнаго курляндца грозила окончиться катастрофой. Всѣ присутствующіе съ замираніемъ сердца слѣдили за бѣшеной скачкой; самъ Биронъ уже не улыбался, а кусалъ губы. а съ Анной Леопольдовной сдѣлалось дурно. У нѣсколькихъ придворныхъ дамъ нашлись тотчасъ, конечно склянки съ нашатырнымъ спиртомъ, а нѣсколько придворныхъ кавалеровъ бросилось вонъ со всѣхъ ногъ за стаканомъ воды. Оказать какую-нибудь помощь погибающей наѣздницѣ никто изъ нихъ и не думалъ.

Но помощь все-таки подоспѣла: изъ группы столпившагося у входа служительскаго персонала отдѣлился молоденькій лакей и

подбѣжалъ какъ разъ во-время, чтобы подхватить падающую наѣздницу. Только стоя уже твердо на ногахъ. Лилли взглянула на своего избавителя.

— Это ты, голубчикъ, Гриша? Безъ тебя бы мнѣ конецъ...

— Долгъ платежомъ красенъ, Лизавета Романовна. Проводить васъ до вашего мѣста, или вы дойдете уже однѣ?

— Дойду, дойду...

Пока онъ неотступно глядѣлъ ей вслѣдъ, какъ она перебиралась черезъ манежъ къ амфитеатру, неукротимый Буцефаль, обѣжавъ кругомъ манежа, мчался опять мимо. Къ немалому, должно-быть, удивленію лошадки, на спинѣ у нея очутился тутъ опять кто-то. Но этотъ наѣздникъ сидѣлъ уже не по-дамски, а по-мужски и крѣпко сжималъ бока ея шенкелями, какъ въ тискахъ. Она взвилась на дыбы, забрыкалась передними и задними ногами.

Вдругъ ее ошеломилъ ударъ кулакомъ по лбу, и въ глазахъ у нея потемнѣло: они были накрыты шейнымъ платкомъ наѣздника. Такой небывалый еще способъ укрощенія та-

къ поразилъ лошадку, что она мигомъ присмирѣла и, дрожа всѣми фибрами тѣла, остановилась, какъ вкопанная. Всадникъ, по-прежнему держа ее въ шенкеляхъ, потрепалъ ее ласково по шеѣ, по крупу. Когда она нѣсколько поостыла, онъ снялъ платокъ съ ея глазъ и тронулъ поводья. Послушная, какъ овца, она затрусилась впередъ мелкой рысцой. Доѣхавъ такъ до амфитеатра, Самсоновъ съ сѣдла склонился передъ государыней, а затѣмъ соскочилъ наземъ и передалъ поводья старику-казаку.

Первый къ Самсонову подошелъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, чтобы выразить ему свое удовольствіе. За нимъ подошли и другіе, въ томъ числѣ самъ герцогъ.

— Это вашъ человекъ, г-нъ Шуваловъ? — спросилъ онъ. (Грамматическія неправильности въ его русской рѣчи, какъ и прежде, не считаемъ нужнымъ повторять въ нашемъ разсказѣ.)

На утвердительный отвѣтъ Биронъ справился дальѣ, не тотъ ли самый это негодивецъ, что самовольно явился на придворный маскарадъ въ костюмѣ рыцаря.

— Тотъ самый, ваша свѣтлость; но молодозелено...

Герцогъ погрозилъ Самсонову пальцемъ.

— *Ei di verflucneer Kerl!* Вотъ что, г-нъ Шуваловъ. Онъ мнѣ нуженъ для манежа. Отдайте мнѣ его.

— Простите, герцогъ, но онъ и мнѣ самому нуженъ.

— Какъ камердинеръ? Такъ я пришлю вамъ другого.

— Еще разъ прошу не взыскать: я къ нему такъ привыкъ, что ни на кого его не промѣняю.

— *Schockschwerenot!* Да вѣдь у васъ онъ весь вѣкъ свой не пойдетъ дальше камердинера, а у меня онъ сдѣлаетъ карьеру, дослужится до берейтора...

— Ну, что, Григорій? — обратился Петръ Ивановичъ къ Самсонову. — Что ты самъ на это скажешь?

— Кланяюсь земно его свѣтлости за великую честь, — отвѣчалъ Самсоновъ съ низкимъ поклономъ. — Но отъ добра добра не ищутъ...

— Извольте слышать, ваша свѣтлость, —

подхватилъ Шуваловъ. — Мы съ нимъ, такъ сказать, энсепарабли...

Свѣтлѣйшій, вмѣсто отвѣта, повернулся къ господину и слугѣ спиной. Такъ сдѣлка и не состоялась.

Между тѣмъ императрицу обступили три кабинетъ-министра, умоляя выслушать нѣсколько наиспѣшнѣйшихъ дѣлъ. Анна Иоанновна поморщилась, но уступила.

— Тебя, Андрей Ивановичъ, я третій годъ совсѣмъ уже не вижу, — замѣтила она графу Остерману, тяжело опиравшемуся на свой костыль. — Все еще страдаешь своей подагрой?

— И подагрой, ваше величество, и хирогрой, — отвѣчалъ со вздохомъ Остерманъ, въ подкрѣпленіе своихъ словъ закатывая подъ лобъ глаза и корча плачевную гримасу. — Только необходимость личной аудіенціи заставила меня выѣхать въ этакую погоду.

— Въ такомъ разѣ я приму тебя раньше другихъ. Ужъ не взыщи, Артемій Петровичъ, — извинилась государыня передъ первымъ министромъ Волынскимъ.

— Но послѣ меня, ваше величество, послѣ меня, — безапелляціонно вмѣшался тутъ,

подходя, Биронъ.

— А у васъ что, любезный герцогъ?

— У меня готовый уже указъ о той важной реформѣ, коею вы столь интересовались.

— Коли такъ, то первая аудіенція, конечно, принадлежитъ вамъ.

— Извѣстно вамъ, господа, что это за важная реформа? — спросилъ Волынскій своихъ двухъ со товарищей по кабинету.

Тѣ отозвались невѣдѣніемъ.

На слѣдующій день недоумѣніе ихъ разъяснилось. Высочайшимъ указомъ, распубликованнымъ въ "С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ": у рейтъ-пажей, лейбъ-кучера, лейбъ-форейтора и болѣе мелкихъ служителей конюшеннаго вѣдомства зеленые кафтаны съ красными обшлагами и красныя епанчи замѣнялись кафтанами и епанчами изъ желтаго сукна, а красныя камзолы черными.

VIII. Азартъ

Пока высшія сферы Петербурга проводили время въ разнообразныхъ развлеченіяхъ, русская армія, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Миниха, переносила всякія лишения и проливала потоки крови въ войнѣ съ Турціей. Рѣшительный поворотъ въ этой кампаніи произвело взятіе русскими, 19-го августа 1739 г., турецкой крѣпости Хотина; почему, по полученіи, спустя три недѣли, извѣстія о томъ въ Петербургъ, во всѣхъ столичныхъ церквахъ, 12-го сентября, было благодарственное молебствіе, а вечеромъ въ Зимнемъ дворцѣ — балъ. Къ немалой досадѣ придворныхъ модницъ, однако, танцы на этотъ разъ происходили въ «закрытыхъ» платьяхъ и продолжались всего до 11-ти часовъ вечера, такъ какъ, по случаю кончины герцога голштинскаго, при Дворѣ былъ наложенъ трауръ. Нѣкоторымъ, впрочемъ, утѣшеніемъ служило имъ ожидаемое вскорѣ полное замиреніе турокъ, которое не могло не сопровождаться соотвѣтственными празднествами.

Вслѣдъ за донесеніемъ Миниха пришла въ

Петербургъ изъ Фрейберга и торжественная ода на взятіе Хотина, сочиненная молодымъ студентомъ Михайлой Ломоносовымъ, отправленнымъ нашей Академіей Наукъ за границу для подготовленія къ академической дѣятельности. Ода эта, впрочемъ, была оцѣнена при Дворѣ не столько нѣмецкой партіей, сколько русской, — приверженцами цесаревны Елисаветы. Списокъ съ нея досталъ себѣ и Петръ Ивановичъ Шуваловъ, который прочелъ ее затѣмъ также своему юному камердинеру. Тотъ пришелъ въ неописанный восторгъ и выпросилъ себѣ оду, чтобы списать ее и выучить наизусть.

— Изволь, — сказалъ Шуваловъ. — Только смотри, не заикайся объ ней Тредіаковскому.

— Почему же нѣтъ, сударь? Стихи Василью Кириллычу, навѣрное, тоже очень понравятся.

— Ни, Боже мой! Ему было предложено вѣдь отъ Академіи воспѣть ту же самую преславную викторію. Но покудова онъ очинивалъ свое перо, какой-то, вишь, студентъ изъ-за тридевять земель прислалъ уже готовую

оду; вотъ теперъ онъ и имени Ломоносова слышать не можетъ.

Ломоносовская ода состояла не болѣе, не менѣе, какъ изъ 280-ти стиховъ; но Самсоновъ, благодаря счастливой памяти, черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, зналъ ее всю наизусть.

При Дворѣ тѣмъ временемъ и Ломоносовъ, и самъ герой Хотина были уже забыты. Увеселенія зимняго сезона: балы, банкеты, концерты, спектакли оперные, драматическіе и балетные, смѣнялись одни другими; но самымъ обычнымъ, а для очень многихъ и любимымъ препровожденіемъ времени (какъ мы уже говорили) была карточная игра и притомъ азартная. Однимъ изъ самыхъ ярыхъ игроковъ былъ герцогъ курляндскій; а такъ какъ основная цѣль всякаго азарта — благовиднымъ манеромъ обобратъ своего ближняго, обобратъ же недруга все-таки не такъ зазорно, какъ добраго пріятеля, — то Биронъ ни мало не чуждался партнеровъ враждебнаго лагеря, а, напротивъ, разсылалъ имъ прелюбезныя приглашенія на свои картежные вечера; дамъ же, какъ принимающихъ

всякій проигрышь черезчуръ близко къ сердцу, вообще не приглашалъ.

Такимъ-то образомъ, однимъ ненастнымъ октябрьскимъ вечеромъ, въ числѣ явившихся въ бироновскій дворецъ на маленькій «фараончикъ», оказались также сторонники цесаревны Елисаветы: первый министръ Волынскій, лейбъ-хирургъ цесаревны Лестоукъ и двое ея камеръ-юнкеровъ, братья Шуваловы.

Игра происходила въ двухъ гостиныхъ: въ одной очень просторной — за нѣсколькими столами и въ другой поменьше — за однимъ. Воздуху въ началѣ и тамъ и здѣсь было вполнѣ достаточно. Но отъ свѣчей, лампъ и множества гостей понемногу стало тепло и даже жарко, а отъ табачнаго дыма и душно. Играющіе, впрочемъ, этого какъ-будто не замѣчали. Взоры всѣхъ были прикованы къ рукамъ своего «банкомета», который привычнымъ жестомъ металъ карты направо — для себя, налѣво — для «понтеровъ». Каждый изъ понтеровъ, выбравъ себѣ изъ другой колоды одну или нѣсколько «счастливыхъ» картъ, клалъ ихъ на столъ и накры-

валь своимъ «кушемъ» — ассигнаціей или звонкой монетой, при проигрышѣ увеличивалъ ставку или мѣнялъ карту, а при выигрышѣ загибалъ на «счастливой» одинъ или нѣсколько угловъ разнообразнымъ манеромъ, что имѣло свое, хорошо извѣстное всѣмъ игрокамъ, каббалистическое значеніе. У одной стѣны на особомъ столѣ была приготовлена цѣлая батарея бутылокъ, графинчиковъ, стакановъ и рюмокъ, чтобы играющіе могли временами "укрѣпляться". Лица у всѣхъ были сильно разгорячены — не столько, однако, отъ возвышенной температуры и выпитаго вина, сколько отъ игорной лихорадки, выражавшейся также въ неестественномъ блескѣ глазъ, въ нервныхъ движеніяхъ и въ радостныхъ или бранныхъ восклицаніяхъ,

Братья Шуваловы играли въ большой гостиной, но, по взаимному уговору, за разными столами. Петръ Ивановичъ, игравшій съ переменнымъ счастьемъ, перенялъ наконецъ «талью» и высыпалъ на столъ всю бывшую у него въ карманахъ наличность, какъ «фондъ» для своего банка. Заложилъ онъ банкъ какъ разъ во-время: онъ «билъ» карту за

картой, и вскорѣ передъ нимъ выросла цѣлая груда червонцевъ и ассигнацій.

— Передаю талью, — объявилъ онъ. — Надо отдышаться...

Разсовавъ весь свой выигрышъ по карманамъ, онъ отошелъ къ столу съ винами и опорожнилъ залпомъ полный стаканъ; затѣмъ прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ, обмахиваясь платкомъ. Въ ушахъ у него звучало только «бита», «дана», "pliê", долетавшіе къ нему какъ отъ окружающихъ столовъ, такъ и изъ меньшей гостиной, гдѣ игралъ самъ свѣтлѣйшій хозяинъ съ важнѣйшими сановниками.

"Неужели всѣ мы тутъ поголовно рѣхнулись? — подумалъ Шуваловъ. — Все, кажется, люди неглупые, а бессмысленнѣе занятія, право, не выдумаешь. Можетъ-быть, есть еще здравомыслящіе въ кабинетъ?"

Онъ заглянулъ въ сосѣдній хозяйскій кабинетъ. Здѣсь, дѣйствительно, оказались трое неиграющихъ: австрійскій посланникъ маркизъ Ботта, Волынскій и Лестокъ, мирно бесѣдовавшіе о текущихъ политическихъ и общественныхъ дѣлахъ.

Кстати скажемъ тутъ нѣсколько словъ о Лестокѣ. Происходя изъ семьи французовъ-реформатовъ, съ отмѣной нантскаго эдикта эмигрировавшихъ изъ родной своей Шампани въ Германію, Іоганнъ-Германъ Лестокъ родился въ 1692 г. въ небольшомъ люнебургскомъ городкѣ Целле (въ 35-ти верстахъ отъ Ганновера). Перенявъ первые приемы хирургіи отъ своего отца, не то бородобрея и мозольнаго оператора герцога люнебургскаго, не то его лейбъ-хирурга, онъ собрался окончить свое образованіе въ Парижѣ, но за что-то угодилъ тамъ въ тюрьму, а когда отсидѣлъ свой срокъ, то поступилъ лѣкаремъ во французскую армію. Слухи о карьерѣ, которую дѣлали иностранцы при русскомъ Дворѣ, соблазнили его вскорѣ попытать также счастья въ Россіи. Сумѣвъ понравиться царю Петру, онъ сдѣлался его лейбъ-хирургомъ, а по смерти Петра — лейбъ-хирургомъ же его любимой дочери, цесаревны Елисаветы. Въ данное время у него за плечами было уже 47 лѣтъ; тѣмъ не менѣе, онъ одѣвался по послѣдней парижской модѣ, носилъ парикъ съ самоновѣйшимъ «тупеемъ» — "en aile de

pigeon", и врожденныя французамъ живость и невозмутимая веселость дѣлали его вездѣ желаннымъ гостемъ.

— Ah, m-r Shouwaloff! — обратился онъ къ входящему камеръ-юнкеру цесаревны на родномъ своемъ языкѣ (русской рѣчи онъ за всѣ 25 лѣтъ своего пребыванія въ Россіи не далъ себѣ труда научиться). — Колесо фортуны вамъ, видно, измѣнило?

Петръ Ивановичъ, вмѣсто отвѣта, забряंचалъ звонкой монетой, наполнявшей его карманы.

— О! Кого жъ вы это ограбили?

— Прежде всего, кажется, васъ самихъ, любезный докторъ, Вы что-то очень уже скоро исчезли отъ нашего стола.

— Исчезъ, потому что отдалъ вамъ свою дань: пять золотыхъ.

— Не больше?

— Нѣтъ, у меня ассигнуется всегда одна и та же цифра, ни больше, ни меньше. Проиграю — и забастую; а улыбнется разъ мадамъ Фортуна, такъ я обезпечу себя уже на нѣсколько вечеровъ.

— Да, вы, докторъ, выдерживаете харак-

теръ, какъ настоящій европеецъ, — замѣтилъ маркизъ Ботта. — Русскій человекъ отъ природы уже азартный игрокъ и во-время никогда не остановится. Карманъ азартнаго игрока — рѣшето, бочка Данаидъ: сколько туда не наливай — все утечетъ до капли.

— Вашъ покорный слуга, г-нъ маркизъ, какъ видите, составляетъ блестящее исключеніе, улыбнулся Шуваловъ. — А у васъ въ Вѣнѣ, скажите, развѣ играютъ меньше, чѣмъ у насъ въ Петербургѣ?

— Въ азартныя игры — куда рѣже. Мы предпочитаемъ игры коммерческія, болѣе разумныя и спокойныя.

— Что бостонъ и вистъ болѣе разумны — я не спорю. Но чтобы они были и болѣе спокойны, — простите, маркизъ, я не согласенъ: вѣдь какъ бы хорошо вы сами ни играли, плохой партнеръ безпрестанно портитъ вамъ кровь, особенно, если онъ воображаетъ себя еще хорошимъ игрокомъ. Какъ бы вы ни сыграли, — вы всегда виноваты. А попробуйте-ка оправдываться, что сыграли по правиламъ, "По правиламъ! Точно не бываетъ и исключеній! Лучше бы, право, и за столъ не

садиться, если играешь какъ сапожникъ".

— Да, русскіе вообще очень экспансивны, — тонко усмѣхнулся Лестокъ. — Вы отнюдь не дипломаты.

— Есть между нами и дипломаты, которые ведутъ себя дипломатами и за картами. Но такой дипломатъ, если и не станетъ бранить васъ въ лицо, зато взглянетъ на васъ съ такимъ изумленіемъ, такъ снисходительно пожметъ плечами, испуститъ такой выразительный вздохъ, — что васъ въ жаръ броситъ, вы растеряетесь и невольно уже сдѣлаете явную ошибку, которая зачтется вамъ потомъ, конечно, на весь вечеръ. Нѣтъ, ужъ Господь съ ними, съ этими коммерческими играми! То ли дѣло банкъ, гдѣ бой на жизнь и смерть.

— *La bourse ou la vie?* Грабежъ среди бѣлаго дня, — виноватъ: среди бѣлой ночи.

— Нѣтъ, докторъ, это не простой грабежъ, а благородный бой съ равнымъ противникомъ, въ своемъ родѣ турниръ.

— Такъ что же вы не побьете главнаго борца?

— Кого, герцога? То-то, что онъ не равный борецъ: самъ онъ терпѣть не можетъ проиг-

рывать и какъ бы требуетъ, чтобы всѣ слагали передъ нимъ оружіе.

— А было бы вовсе не вредно хоть разъ пустить ему кровь, — замѣтилъ молчавшій до сихъ поръ Волынскій. — Вы, Петръ Ивановичъ, нынче вѣдь въ изрядномъ, кажется, выигрышѣ? Что бы вамъ сорвать у него банкъ?

— А ваше высокопревосходительство меня благословляете?

— Благословляю отъ всей души. На всякій случай, впрочемъ, докторъ, не возьметесь ли вы быть секундантомъ молодого человѣка. Почему знать? Можетъ-быть, ему понадобится и хирургическая помощь.

— Будемъ надѣяться, что не понадобится, — улыбнулся въ отвѣтъ Лестокъ и своей легкой, эластичной походкой послѣдовалъ за Шуваловымъ во вторую гостиную, гдѣ игралъ герцогъ съ избранными партнерами.

IX. Человѣкъ на картѣ

Сорвать тотчасъ банкъ у Бирона Шувалову не представилось, однако, физической возможности: металъ банкъ не самъ хозяинъ, а одинъ изъ гостей — генераль-полицеймейстеръ Салтыковъ.

— Diable! — выбранился съ досады Петръ Ивановичъ и сталъ перебирать лежавшую на боковомъ столикѣ къ услугамъ понтеровъ колоду.

— А вы развѣ не выждете тальи герцога? — спросилъ его шопотомъ Лестокъ.

— Да скучно, знаете, ждать! Притомъ надо пользоваться счастьемъ, пока везетъ. На какую бы карту вѣрнѣе поставить?

— А у васъ нѣтъ своей вѣрной дамы сердца, червонной дамы?

— Дама-то есть, — отвѣчалъ Шуваловъ, вспомнивъ объ Юліанѣ Менгденъ, — но червонная ли она и вѣрна ли, — еще вопросъ. Сдѣлать развѣ пробу?

Отыскавъ въ колодѣ червонную даму, онъ подошелъ къ играющимъ и попросилъ у банкомета разрѣшенія поставить также карту.

— Сдѣлайте одолженіе, — съ холодною вѣжливостью отвѣчалъ Салтыковъ. — Но наименьшая ставка у насъ — золотой.

Петръ Ивановичъ вспыхнулъ и, положивъ свою карту на столъ, насыпалъ сверху, не считая, цѣлую горсточку золотыхъ.

— Съ мѣста въ карьеръ, молодой человѣкъ, — замѣтилъ Биронъ.

— Да, ваша свѣтлость, курцъ-галопа я не признаю.

Банкометъ началъ метать. Дама легла на право.

— Дама бита! — возгласилъ Салтыковъ и загребъ къ себѣ всю ставку.

— Курцъ-галоппъ-то все же вѣрнѣе, — усмѣхнулся герцогъ.

— Ein mal ist kein mal! — отозвался по-нѣмецки Шуваловъ и, доставъ изъ кармана новую, еще большую горсточку золотыхъ, накрылъ ими ту же карту.

— Дама бита! — повторилъ банкометъ, и вторая ставка точно такъ же перешла въ его владѣніе.

— Zwei mal ist nichts, — подзадорилъ молодого игрока съ своей стороны Биронъ.

— Не горячитесь, — услышалъ Шуваловъ за собою тихій голосъ Лестока. — Не забывайте вашей главной цѣли.

Но того обуяла уже игорная страсть, да къ тому же взоры всѣхъ играющихъ были обращены на него. Онъ выгрузилъ на столъ все, что у него было въ карманахъ и золотомъ, и смятыми ассигнаціями.

— Все это на одну карту? — нашель нужнымъ спросить его Салтыковъ.

— Ваше превосходительство затрудняетесь принять такую крупную ставку?

Очередь покраснѣть была теперь за оберъ-полицеймейстеромъ. Отвѣчать онъ счелъ ниже своего достоинства.

— Дама бита! — раздалось въ третій разъ.

— Prrr! angekommen! доѣхали! — сострилъ герцогъ, и кругомъ послышался сдержанный смѣхъ.

— Не совсѣмъ... — пробормоталъ Шуваловъ сквозь зубы и досталъ свой бумажникъ.

Но бумажникъ оказался пустъ: давеча, закладывая банкъ, Петръ Ивановичъ выложилъ на столъ все, что у него тамъ было, и обратно потомъ ничего уже не клалъ. Биронъ,

наблюдавшій за всѣми его движеніями, хотѣлъ, должно быть, его окончательно пристыдить и иронически предложилъ ему поставить на карту своего камердинера, который вѣдь также такой мастеръ скакать во весь карьеръ.

— И поставлю! — воскликнулъ Шуваловъ, потерявшій уже голову.

Лестокъ дернулъ его сзади за рукавъ; но онъ оттряхнулъ его отъ себя и обратился къ банкомету:

— Вы, генераль, видѣли вѣдь тоже моего человѣка, Самсонова, въ манежѣ?

— Видѣлъ, — отвѣчалъ Салтыковъ. — Лихой наѣздникъ.

— Обошелся онъ мнѣ самому въ полторы тысячи рублей. Не позволите ли вы мнѣ поставить его на карту въ этой суммѣ?

Въ иное время банкометъ, быть можетъ, и сталъ бы возражать противъ столь высокой оцѣнки вовсе ненужнаго ему человѣка; но самолюбіе его было уже слишкомъ больно задѣто, и онъ отвѣчалъ коротко:

— Извольте.

Однако и четвертая дама упала направо.

У Петра Ивановича потемнѣло въ глазахъ; онъ долженъ былъ ухватиться за край стола, чтобы не упасть.

— Вамъ, генераль, — этотъ Самсоновъ вѣдь ни къ чему, обратился тутъ Биронъ къ Салтыкову. — Уступите-ка мнѣ его. Что вы съ меня за него возьмете?

— Простите, господа, — запротестовалъ Шуваловъ, — но это было бы противъ основныхъ правилъ игры: все, что выиграно банкомъ, остается въ кассѣ банка до конца тальи, и не можетъ быть изъято оттуда.

— Но оно можетъ быть выиграно! — вскричалъ Биронъ. — Я ставлю на карту противъ того Самсонова тѣ же полторы тысячи.

— Ваша свѣтлость вѣрно не откажете прежнему владѣльцу раньше васъ отыграть его себѣ? Прошу о томъ со всей аттенціей и респектомъ.

Герцогъ, чванливо фыркая, обвелъ окружающихъ игроковъ враждебно-вопрошающимъ взоромъ. Никто изъ нихъ не рѣшился открыто принять сторону его молодого противника; но выраженіе ихъ лицъ не оставляло сомнѣнія, что общія симпатіи все-таки на

сторонѣ Шувалова.

— По статуту моего дома, г-нѣ Шуваловъ, — произнесъ онѣ сухо-дѣловымъ тономъ, — за симъ столомъ играютъ только на чистыя деньги.

Петръ Ивановичъ весь поблѣднѣлъ и затрясся. Но самообладанія у него все-таки достало еще на столько, чтобы отвѣтить съ должною сдержанностью:

— Деньги я въ одинъ моментъ добуду...

— Schön! Подождемъ еще одинъ моментъ и два, и три момента, — великодушно согласился съ усмѣшкой Биронъ, увѣренный, очевидно, что такой суммы легкомысленному камеръ-юнкеру цесаревны сейчасъ все равно не откуда будетъ взять.

Первыя попытки Петра Ивановича въ этомъ направленіи, дѣйствительно, были безуспѣшны. Когда онѣ, вмѣстѣ съ Лестокомъ, возвратился въ большую гостиную и обратился къ своему спутнику съ просьбой — Бога ради его выручить, — тотъ напомнилъ ему свое неизмѣнное правило — не издерживать на игру въ одинъ вечеръ болѣе пяти червонцевъ.

— Впрочемъ, и безъ того, cher ami, я ни гроша не далъ бы вамъ займы, — добавилъ онъ самымъ дружелюбнымъ тономъ: — не потому, чтобы не хотѣлъ васъ выручить (о, я готовъ для васъ на всякія моральныя жертвы), а потому, что хочу сохранить съ вами прежнія добрыя отношенія; между должникомъ и кредиторомъ, будь они лучшими пріятелями, отношенія тотчасъ портятся; это — аксіома.

— Я забылъ, докторъ, что вы вѣдь не русскій съ душой нараспашку и всякій душевный порывъ взвѣшиваете на вѣсахъ благоразумія! — съ горечью проговорилъ Шуваловъ и подошелъ къ столу, за которымъ игралъ его старшій братъ.

Но и тому не везло: на столѣ передъ нимъ лежало всего нѣсколько серебряныхъ рублей, изъ которыхъ одинъ онъ ставилъ только-что на карту.

— Вашъ братъ тоже сидитъ на мели, — замѣтилъ Лестокъ. — Если вы ужъ непременно хотите отыграть своего человека, то есть здѣсь еще одинъ русскій, который скорѣе другихъ войдетъ въ ваше кри-

тическое положеніе...

— Вы про кого это говорите, докторъ?

— Да про нашего премьера: у него вѣдь тоже натура широкая.

— Вотъ это вѣрно!

И, уже не колеблясь, Петръ Ивановичъ завернулъ въ хозяйскій кабинетъ и подошелъ къ Волинскому, бесѣдовавшему еще тамъ съ австрійскимъ посланникомъ.

— Не возьмите во гнѣвъ, ваше высокопревосходительство, — началъ онъ, — но я въ такомъ безвыходномъ амбара...

Тотъ не далъ ему договорить и поставилъ вопросъ прямо:

— Вы проигрались?

— Въ пухъ и прахъ, и все на той же проклятой дамѣ червей! Да дѣло для меня не въ проигранныхъ деньгахъ; Господь съ ними...

— Такъ въ чемъ же?

— Въ томъ, что проигралъ я и дорогого мнѣ человека...

— М-да, это ужъ совсѣмъ непростительно.

— Сознаю, ваше высокопревосходительство, и каюсь! Главное, что герцогъ имѣеть еще противъ него зубъ и не-вѣсть что съ ни-

мъ сотворить...

— Да это не тотъ ли молодчикъ, котораго онъ хотѣлъ купить у васъ тогда въ манежѣ?

— Тотъ самый. Помогите, Артемій Петровичъ, отецъ родной!

— Это было бы бесполезно: завтра вы его опять поставили бы на карту.

— Клянусь вамъ...

— Не клянитесь: грѣхъ взяли бы на душу. Выигралъ его у васъ, говорите вы, самъ герцогъ?

— Нѣтъ, Салтыковъ; но герцогъ готовъ поставить уже противъ него полторы тысячи.

— Ого!

— Да Самсонову моему цѣны нѣтъ. Я завтра же верну вамъ всю сумму...

— Которую займете у ростовщика за безбожные проценты? Нѣтъ, мы сдѣлаемъ это иначе. Изъ когтей герцога я бѣднягу вырву; но самимъ вамъ придется съ нимъ уже распроститься. — Я сейчасъ вернусь, — предупредилъ Волынскій маркиза Ботта направился черезъ первую гостиную во вторую.

— Въ вашемъ банкѣ, генераль, разыгрывается живой челоуѣкъ по имени Самсоновъ? —

обратился онъ къ банкомету.

— Да, ваше высокопревосходительство, — отвѣчалъ видимо удивленный Салтыковъ. — Но разыгрываю я его не отъ себя.

— Знаю; его вамъ проиграли, и теперь онъ въ вашей кассѣ. Идетъ онъ въ полтора тысячахъ?

— Точно такъ.

— Такой суммы у меня случайно съ собой не имѣется; но надѣюсь, что я пользуюсь у васъ кредитомъ?

— Еще бы! На всякую сумму.

— Благодарю васъ. Такъ я ставлю за него на даму полторы тысячи.

Свѣтлѣйшій хозяинъ молчалъ до сихъ поръ съ видомъ затаенной злобы. Сослаться на «статутъ» своего дома передъ первымъ кабинетъ-министромъ ему было уже неудобно, тѣмъ болѣе, что и нѣкоторые изъ его сановныхъ партнеровъ играли уже на мѣлокъ.

— А я ставлю столько же и одинъ рубль, — объявилъ онъ, высококомѣрно пріосанясь.

— Двѣ тысячи, — по-прежнему не возвышая голоса, сказалъ Волынскій.

— И рубль! — выкрикнулъ не своимъ голо-

сомъ Биронъ.

— Три тысячи.

— И рубль!

— Четыре тысячи.

Хмуро-багровое лицо курляндца исказилось безсильною ненавистью.

— Infamer Mensch! — пробурчалъ онъ, скрежеща зубами.

— Повторите, герцогъ, что вы изволили сказать? — спросилъ Волынскій съ тѣмъ же наружнымъ спокойствіемъ, но вспыхнувшій въ глазахъ его зловѣщій огонекъ выдавалъ поднявшуюся въ душѣ его бурю. — Я не совсѣмъ разслышалъ.

— Это было не про васъ... — уклонился герцогъ, задыхаясь. — Ну, и проигрывайте на здоровье!

— Ваша свѣтлость, значитъ, отступаетесь? — переспросилъ его Салтыковъ.

— Nun ja, zum Kuckuck!

Банкометъ сталъ снова метать. На этотъ разъ дама наконецъ ему измѣнила и вскрылась налѣво.

— Дама!

— Самсоновъ, стало быть, отъ сего часа

уже мой? — произнесъ все такъ же невозмутимо Волынскій.

— Вашъ! — отвѣчалъ Салтыковъ. — Но теперь вы имѣете дѣло уже не со мной, а вотъ съ г-номъ Шуваловымъ.

— Завтра же поутру, ваше высокопревосходительство, онъ будетъ въ вашемъ домѣ, — подхватилъ стоявшій тутъ же Шуваловъ. — Ужъ какъ я вамъ обязанъ — словъ у меня нѣтъ!

Въ душѣ онъ, однако, еще такъ досадовалъ, негодовалъ на самого себя, что, не дождавшись ужина, убрался во-свояси. Когда тутъ дверь ему открылъ Самсоновъ, — при видѣ безмятежнаго и заспаннаго лица юноши, у Петра Ивановича не достало духу признаться, что онъ съ нимъ сдѣлалъ.

"Узнаетъ все равно поутру", — успокоилъ онъ себя. Но настало утро, Самсоновъ подаль кофе, молчать долѣе уже не приходится; а сказать всю правду попрежнему такъ совѣстно...

— Вотъ что, Григорій...

— Что прикажете?

— Вчера, ты знаешь, былъ картежъ у гер-

цога Бирона... Онъ завель опять рѣчь о тебѣ, просиль продать тебя ему...

— Боже упаси! Но вы, сударь, ему отказали?

— Прямо отказать, ты поймешь, было очень трудно. По счастью былъ тамъ и Волынскій Артемій Петровичъ...

— И вступился за меня?

— Да... т.-е. перебилъ тебя у герцога... Тебѣ, голубчикъ, будетъ у него куда лучше еще, чѣмъ у меня: ты знаешь вѣдь, какая онъ сила при Дворѣ..

Самсоновъ вдругъ все понялъ.

— Скажите ужъ напрямикъ, ваше благородіе, что проиграли меня въ карты!

— Ну да, да... Dieu me damne! И вратъ-то, какъ слѣдуетъ, не умѣю...

Отъ горькой обиды у Самсонова навернулись на глазахъ слезы.

— Не думаль я, сударь, что я для васъ гроша не стою!

— Напротивъ, голубчикъ, ты пошелъ въ цѣлыхъ четырехъ тысячахъ рубляхъ; только мнѣ-то отъ нихъ ничего не перепало; по губамъ только по мазали. Ну, не сердись, прости!

И бывший господинъ крѣпко обнялъ своего бывшего слугу.

— Богъ вамъ судья... — прошепталъ Самсоновъ. — А когда жъ мнѣ явиться къ г-ну Во-лынскому?

— Я обѣщаль ему прислать тебя еще нынче съ утра. Ты не слишкомъ вѣдь сердить на меня, а?

Самсоновъ махнулъ только рукой, какъ бы говоря:

"Что пользы сердиться на такого шело-пая?"

Х. Читатель знакомится ближе съ главою русской партіи

Не безъ сердечнаго трепета предсталъ Самсоновъ передъ Артеміемъ Петровичемъ Во-лынскимъ, первымъ, послѣ Бирона, вершителемъ судебъ русскаго народа.

— Смотришь ты всякому въ глаза прямо и смѣло: это мнѣ любо, — промолвилъ Во-лынскій, оглядѣвъ благообразнаго и статнаго юношу строгимъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и благосклоннымъ взглядомъ. — Только смѣлости, юной прыти этой у тебя не въ мѣру,

кажись, много. Самъ я видѣлъ, какія штуки ты выдѣлывалъ въ манежѣ. Муштровать лошадей ты — мастеръ. Но и самому тебѣ нужна еще муштровка. Ну, кубанецъ, — обернулся Артемій Петровичъ къ стоявшему тутъ же дворецкому, — возьми-ка его въ свои руки, да доложи мнѣ потомъ, на что онъ всего больше годенъ. Можете оба итти.

Дворецкій, Василій Кубанецъ, продувной выкрестъ изъ татаръ, былъ вывезенъ Волынскимъ еще изъ Астрахани (гдѣ Артемій Петровичъ былъ прежде губернаторомъ) и сумѣлъ вкратся въ его полное довѣріе. Неудивительно, что въ званіи дворецкаго у перваго министра онъ сильно зазнался. Отъ зоркаго глаза его, однако, не ускользнуло, что Самсоновъ понравился его господину; а потому и самъ онъ отнесся къ нему довольно снисходительно.

— Наслышанъ я о тебѣ, прыгунъ, наслышанъ, — сказалъ онъ. — Куда я тебя теперь суну? Настоящее мѣсто было бы тебѣ на конюшнѣ...

— У господъ Шуваловыхъ я былъ по камердинерской части, — заявилъ Самсоновъ. —

Кабы твоя милость опредѣлила меня къ особѣ Артемія Петровича.

— Ишь, куда хватилъ! И впрямь прыти этой у тебя не въ мѣру много. Вѣдаетъ тою частью у насъ старый камердинъ Маркель Африканычъ; съ нимъ тебѣ и поговорить-то за честь, а не то, чтобы... Да, можетъ, ты еще и изъ брыкливыхъ...

— Стану брыкаться, такъ отослать на конюшню всегда поспѣешь. А Маркелу Африканычу я былъ бы за сподручнаго. Старику все же было бы легче.

— Нѣтъ, любезный, передокладывать сейчасъ о тебѣ Артемію Петровичу я не стану. Поработаешь у меня перво-на-перво и въ буфетной.

Вначалѣ вся остальная прислуга въ домѣ относилась къ новому молодому товарищу съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, и самому Самсонову въ этомъ чужомъ кругу было не совсѣмъ по себѣ. Но его собственная обходительность и веселый нравъ, его расторопность и ловкость заслужили ему вскорѣ общее расположеніе. А тутъ старикъ-камердинеръ крѣпко занедужилъ и слегъ.

— Ну, Григорій, — объявилъ Кубанецъ Самсонову, — докладывалъ я сейчасъ о тебѣ: что малый ты, молъ, умѣлый и со смекалкой. Доколь Африканычъ нашъ не встанетъ опять на ноги, ты заступишь его, якобы его сподручный. Смотри площадай!

И «малый» не «плошаль», живо принорочился къ привычкамъ и требованіямъ своего новаго господина, такъ что когда недѣлю спустя Африканычъ, совсѣмъ уже расклеившись, сталъ слезно проситься на поправку въ деревню къ старухѣ-женѣ и дѣтямъ, — просимый отпускъ былъ ему тотчасъ разрѣшенъ, а Самсоновъ вступилъ, хотя и временно, но въ безконтрольное уже исполненіе обязанностей перваго и единственнаго камердинера.

Въ кабинетѣ Артемія Петровича, надъ письменнымъ столомъ висѣло подъ стекломъ въ золотой рамкѣ его "родословное древо"
[2]

Въ отсутствіе хозяина, убирая его кабинетъ, Самсоновъ имѣлъ полный досугъ разсмотрѣть эту родословную. Родоначальникомъ Волынскихъ, какъ оказалось, былъ князь Димитрій Боброкъ-Волынецъ, совре-

менникъ великаго князя Димитрія Донского, женатый на его родной сестрѣ, княжнѣ Аннѣ.

Когда Самсоновъ упомянулъ объ этомъ дворецкому Кубанцу, тотъ указалъ ему еще, среди развѣшаннаго на другой стѣнѣ разнаго оружія, на старинную, поржавѣлую саблю, которую, по семейному преданію Волынскихъ, прародитель Артемія Петровича сражался въ рядахъ Димитрія Донского въ Мамаевомъ побоищѣ на Куликовомъ полѣ.

Отъ того же Кубанца, а также и отъ другихъ домочадцевъ, Самсоновъ постепенно узналъ про своего новаго господина всю вообще «подноготную».

Отца своего, который былъ воеводой въ Казани, Волынскій лишился еще въ раннемъ дѣтствѣ. Не желая оставить мальчика на рукахъ мачехи, одинъ изъ родственниковъ, бояринъ Салтыковъ, взялъ его къ себѣ въ домъ. Подъ благотворнымъ вліяніемъ своего пріемнаго отца, человѣка для своего вѣка очень просвѣщеннаго, даровитый юноша настолько выдавался среди своихъ сверстниковъ, что обратилъ на себя вниманіе царя Петра. Двадцати шести лѣтъ отъ роду онъ былъ

уже царскимъ посланникомъ въ Персіи, а три года спустя — губернаторомъ во вновь учрежденной Астраханской губерніи. При Екатеринѣ I онъ былъ переведенъ изъ Астрахани губернаторомъ же въ Казань. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны онъ былъ назначенъ воинскимъ инспекторомъ въ Петербургъ, затѣмъ оберъ-егермейстеромъ и, наконецъ, въ апрѣль 1738 г., первымъ кабинетъ-министромъ.

Что касается семейной жизни, то Волынскій былъ женатъ дважды: сперва на двоюродной сестрѣ Петра I, Нарышкиной, потомъ на не менѣе родовой Еропкиной. Овдовѣвъ вторично, онъ воспитаніе своихъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей отъ второго брака: двухъ дѣвочекъ и мальчика, предоставилъ нянямъ, чтобы всецѣло отдаться своей государственной дѣятельности. Ходили, правда, слухи, что онъ, ради своихъ малолѣтокъ, собирался жениться еще въ третій разъ, и намѣтилъ уже будто бы себѣ невѣсту въ дочери графа Михаила Гавриловича Головкина, но, за дѣлами, такъ и не привелъ своего намѣренія въ исполненіе.

Пока Биронъ способствовалъ его возвышенію Волынскій для виду дружилъ съ нимъ; достигнувъ же поста перваго министра, онъ сбросилъ маску открыто выступилъ главою русской партіи и нажилъ себѣ такимъ образомъ во временщикѣ, главѣ нѣмцевъ, непримиримаго врага. Такъ какъ сотоварищи его по кабинету; Остерманъ и Черкасскій, склонялись оба скорѣе въ сторону Бирона, то Артемій Петровичъ озаботился окружить себя единомышленниками изъ образованныхъ «фамильныхъ» русскихъ людей. Ближе всѣхъ къ нему были: гофъ-интендантъ Петръ Михайловичъ Еропкинъ, оберстеръ-кригскоммисаръ Ѳедоръ Ивановичъ Соймоновъ, президентъ коммерцъ-коллегіи графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, совѣтникъ бергъ-коллегіи Андрей Ѳедоровичъ Хрущовъ и инженеръ (впослѣдствіи извѣстный историкъ) Василій Никитичъ Татищевъ. Въ этотъ же патріотическій кружокъ имѣли доступъ еще нѣкоторые сочувствовавшіе его цѣлямъ сановники, два архіерея, два врача (въ томъ числѣ Лестокъ), нѣсколько офицеровъ и, наконецъ, извѣстный поэтъ-сатирикъ князь

Антіохъ Кантемиръ, русскій посоль сперва въ Лондонъ, а потомъ въ Парижъ.

Въ качествѣ камердинера Артемія Петровича, Самсоновъ зналъ въ лицо всѣхъ участниковъ патріотическаго кружка, чаще же другихъ видѣлъ, конечно, пятерыхъ выше названныхъ «конфидентовъ» хозяина и трехъ его секретарей: Яковлева, Эйхлера и де-ла-Су-да.

Весь день у Волинскаго былъ распредѣленъ по часамъ: начинался онъ съ приѣма просителей и съ докладовъ подчиненныхъ; затѣмъ слѣдовали совѣщанія съ сотоварищами по кабинету, засѣданія въ сенатъ и разныхъ комиссіяхъ. Доклады у императрицы происходили внѣ очереди, такъ какъ Анна Іоанновна, какъ уже знаютъ читатели, принимала такіе доклады крайне неохотно и только въ самыхъ неизбѣжныхъ случаяхъ. Вечера же, свободные отъ обязательныхъ выѣздовъ во дворецъ и къ другимъ сановникамъ, Артемій Петровичъ проводилъ до глубокой ночи у себя въ кабинетъ за чтеніемъ и подписываніемъ служебныхъ бумагъ или же въ откровенныхъ бесѣдахъ со своими «кон-

фидентами».

Прислуживая бесѣдующимъ, Самсоновъ невольно и вольно перехватывалъ на-лету обрывки этихъ бесѣдъ, и все болѣе знакомился такимъ образомъ съ личными воззрѣніями и характеромъ своего господина.

XI. Макиавелли и Іуда-предатель

— Дивлюсь я тебѣ, Артемій, — замѣтилъ — Однажды Еропкинь, который, какъ братъ второй жены Волынскаго, былъ съ нимъ на «ты»: — какъ это ты, скажи, досель еще не перегрызся съ Бирономъ и Остерманомъ и словно даже ладишь съ ними...

Артемій Петровичъ пожалъ плечами.

— Либо съ волками выть, либо съѣдену быть, сказалъ онъ. — Что станется съ нашей матушкой Россіей, если я перегрызусь съ ними? Россію они съѣдятъ, а мною закусятъ. Поневолю обращаешься къ методѣ Макиавелли, и дѣлаешься, когда нужно, глухъ и нѣмъ.

— Но оба: и Биронъ, и Остерманъ не упускаютъ случая клеветать на тебя.

— Клевету любятъ, клеветниковъ презираютъ. На дняхъ еще я такъ и сказалъ госуда-

рынь: "оправдываться, ваше величество, я считаю для себя унижительнымъ, да и напраснымъ: правда говоритъ у васъ здѣсь, во дворцѣ, такимъ тихимъ и робкимъ голосомъ, что до вашихъ ушей слова ея, все равно, не доходятъ".

— Однако, Артемій Петровичъ, это уже все не похоже на Макиавелли! — воскликнулъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— О, кабы я былъ Макиавелли! большая часть людей вѣдь недалеко и упрямы, а упрямаго человѣка, все равно, не переупрямишь, не переубѣдишь. Упрямяство — шестой органъ чувствъ у тѣхъ, у кого слабы остальные чувства. Лѣзеть этакій упрямецъ правой рукой въ лѣвый рукавъ кафтана, — ну, и пускай. Самъ бы потомъ ужъ замѣтилъ, опомнился. А я вотъ, нѣтъ-нѣтъ, да и ляпну: "куда, дуракъ, лѣзешь!" Ну, онъ изъ амбиціи на зло еще полѣзетъ дальше и оборветъ всю подкладку, а то и самый рукавъ. Да, будь я Макиавелли!..

"Макиавелли... Макиавелли..." — повторялъ про себя Самсоновъ, тщетно отыскивая въ своей памяти это незнакомое ему имя. А на другой день, улучивъ минуту, когда старшій

изъ секретарей Артемій Петровича, Яковлевъ, былъ одинъ въ кабинетъ, онъ спросилъ его: кто такой — господинъ Макиавелли?

Яковлевъ на него и глаза выпучилъ.

— Да ты, братецъ, отъ кого слышалъ его имя?

— Вечоръ Артемій Петровичъ съ пріятелями поминали объ немъ, словно бы о великомъ хитроумцѣ.

— Да, такого другого хитроумца поискать!

— А что онъ, здѣшній или москвичъ?

Яковлевъ расхохотался.

— Не здѣшній онъ и не москвичъ, а разумникъ всесвѣтный, родомъ же итальянецъ и жилъ слишкомъ двѣсти лѣтъ до насъ. Столь мудраго государственнаго мужа еще не бывало, да врядъ ли когда и будетъ.

— Такъ не его ли поученія наши господа вмѣстѣ по вечерамъ и читаютъ?

— Весьма возможно. Ну, да все это, братецъ, не твоего лакейскаго ума дѣло! — спохватился тутъ секретарь. — Ступай.

Догадка Самсонова была совершенно вѣрна. Волынскій и его сообщники сообща изучали и обсуждали политическія сочиненія

Макиавелли (1469–1527), особенно его знаменитое "Il principe" ("Правитель"), а также сочинения голландца Липсія (1547–1606) и некоторых менше известных политиков Западной Европы. Одни сочинения читались в русском переводе (как напр. "Политическія ученія" Липсія в переводе или, точнѣе, в передѣлкѣ іеромонаха Кохановскаго), другія — в оригиналь; причемъ, за недостаточнымъ знаніемъ Волинскимъ иностранныхъ языковъ, его шуринъ Еропкинъ переводилъ прочитанное тутъ же по-русски. Татищевъ в свою очередь знакомилъ пріятелей съ своей рукописной еще тогда "Исторіей Россійской", которая, указывая на "поврежденіе нравовъ" русскаго народа, давала возможность проводить параллель между русскимъ государствомъ и иностранными.

Слыша эти чтенія и разсужденія по ихъ поводу только мимолетно и урывками, Самсоновъ, при своемъ научномъ невѣжествѣ, не могъ, конечно, вынести изъ слышаннаго сколько-нибудь ясное представленіе о томъ, что такъ занимаетъ собесѣдниковъ. Но, обладая наблюдательностью и природною смет-

кой, онъ догадывался, что эти горячія пренія происходятъ не-спроста.

— Вотъ какъ польскіе сенаторы живутъ, замѣтилъ однажды Волынскій: — ни на что не смотрятъ, все-то имъ можно. Самъ круль ихъ не смѣетъ ни чего сдѣлать польскому шляхтичу; а у насъ что? Всего бойся, даже за доброе дѣло берись съ опаской да съ оглядкой, а вѣрнѣе вовсе за него не приступай. Отчего все наше неустройство? — Отъ того, что сильные міра сего не знаютъ узды своему произволу. Дворъ и барство безмѣрно роскошествуютъ, тратятъ не свои только, но и казенные доходы безотчетно, какъ воду. А купечество притѣсняется, раззоряется; крестьяне изнываютъ подъ непосильными работами и незаконными поборами; законы наши противорѣчатъ одинъ другому. Не даромъ у народа сложилась пословица: "законъ — что паутина: муха завязнетъ, а шмель проскочетъ". Судьи наши крючкотворствуютъ въ пользу того, отъ кого имъ больше посуловъ. Охъ ужъ эти посулы!

— Грѣхъ сладокъ, а человѣкъ падокъ, — отозвался одинъ изъ пріятелей. — Однакожъ

и этакій грѣшникъ охотно поможетъ ближнему въ бѣдѣ. Душа у русскаго человѣка все же еще не совсѣмъ заглохла.

— Душа, а не совѣсть. Совѣсть у большинства — что палка: когда нужно, онъ на нее упирается, а когда ея не нужно, онъ ставитъ ее въ уголь. Испортились мы теперь, русскіе люди: мы другъ друга ѣдимъ и сыты бываемъ!

— Все отъ нашего великаго невѣжества и скудоумія.

— Отъ невѣжества — да, но не отъ скудоумія. Русскій человѣкъ отъ природы ни мало не скудоумень. Оттого-то у меня сердце такъ и сосетъ обида. Первѣе всего намъ должно просвѣтить себя отъ темноты: для воеводъ и прочихъ гражданскихъ чиновъ нужна высшая школа — университетъ; для духовенства — духовная академія; для разночинцевъ — низшія школы; для крестьянъ — школы грамотности.

— Но вѣдь вы, Артемій Петровичъ, еще года четыре назадъ подали въ генеральное собраніе кабинета министровъ свои препозиціи объ экономическихъ нуждахъ

Россіи?

Волынскій глубоко вздохнулъ и поднялъ глаза кверху.

— Подаль, — и все какъ въ воду кануло: самовластью куда поваднѣе въ мутной водѣ рыбу ловить. Такъ вотъ, господа, дабы обуздать самовластье, мною составленъ нынѣ генеральный прожектъ на иной фасонъ. Шляхетство должно быть тоже допущено къ участию въ управленіи государствомъ по свободному изъ своего корпуса выбору. Въ верхнюю палату — сенатъ — выбирались бы люди фамильные, родословные; въ нижнюю палату — отъ шляхетства средняго и низшаго... [3]

— Прости, мой другъ, — прервалъ Артемія Петровича Еропкинь. — Надумано все это прекрасно; но не есть ли то нѣкій обманчивый фантомъ? Гдѣ мы возьмемъ сейчасъ учителей для твоихъ высшихъ и низшихъ школъ? Гдѣ мы наберемъ теперь же просвѣщенныхъ людей хоть бы на высшія должности?

— На первое время мы будемъ посылать для сего недорослей изъ знатныхъ фамилій въ заграничныя школы, гдѣ бы они подготов-

лялись къ поприщу государственности и къ подвигамъ отчизнолюбія, какъ дѣлываль уже то незабвенной памяти царь Петръ Алексѣвичъ.

— А Биронъ со товарищи, ты думаешь, такъ вотъ и попустятъ твои конъюнктуры? Они вѣдь тоже выдають себя за радѣтелей о благѣ общемъ и славѣ монаршей.

— Съ ними я буду имѣть, вѣстимо, не малую прю. Ну, а станутъ они намъ поперекъ дороги, — продолжалъ Волынскій, и глаза его засверкали фанатическимъ огнемъ, — такъ мы всѣхъ ихъ выметемъ одной метлой!

— Ты все забываешь, другъ милый, что они за спиной государыни, какъ за каменной стѣной.

— Особа ея величества для меня священна. Но у меня изготовляется для государыни еще особая промеморія, которая, крѣпко надѣюсь, возымѣетъ свое дѣйствіе. Въ запискѣ сей я вывожу на чистую воду всѣ ихъ подвохи и вымыслы, и въ чемъ ихъ закрытая политика состоитъ.

— Эхъ, Артемій, Артемій! Какъ звался, бишь, тотъ юный безумецъ, что привязаль

себѣ на спину восковыя крылья и взлетѣлъ къ солнцу, да упалъ внизъ и разбился до смерти? Икаръ, что ли? Ты давно уже не юнецъ, а боюсь, такой-же Икаръ; не растопились бы на солнцѣ твои восковыя крылья! Недруги твои не дремлютъ и постараются тебя погубить.

— Ну, что-жъ, — воскликнулъ Артемій Петровичъ. — Господь Богъ, Вседержитель и Сердцевѣдецъ, видитъ мое сердце. Для блага своего народа я готовъ и голову на плаху сложить. Таковъ моей природы чинъ и складъ. Но мы съ ними еще до послѣдняго поборемся, и кто кого въ концѣ концовъ одолѣетъ, — бабушка еще на-двое сказала.

Въ это время въ кабинетъ робко заглянула нянюшка, ведя за руку четырехлѣтняго сыночка хозяина.

— Не погнѣвись, батюшка, — заговорила она, — но въ дѣтской птенчику твоему слышенъ былъ отсюда твой зычный голосъ, и онъ ни за что, вишь, не давалъ уложить себя въ кроватку, доколѣ твоя милость не благословитъ его.

— Золотой ты мой мальчикъ! поди сюда,

поди! — съ необычною у него нѣжностью по-дозвалъ къ себѣ мальчугана отецъ.

Взявъ его кудрявую головку въ обѣ руки, онъ поцѣловалъ его и затѣмъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ.

— Счастливъ ты, сыночекъ, что такого отца имѣешь. И самъ ты, уповаю, станешь разъ тоже усерднымъ ревнителемъ обѣ истинной пользы отечества; въ семъ упованіи я почерпаю бодрость и силу. Ну, ступай теперь съ Богомъ, и спи себѣ спокойно: отецъ твой бодрствуетъ за тебя и за всю нашу родную матушку-Русь.

Самсоновъ, который былъ свидѣтелемъ этой сцены, глубоко умилился сердцемъ.

"Пусть онъ иной разъ и не въ мѣру крутъ и суровъ съ нами, своими рабами, — подумалъ онъ. — Но онъ любитъ свой родной народъ, готовъ жизнь свою за насъ отдать, — и это ему не за такіе еще грѣхи зачтется! Только какъ-то еще выгорить его записка?"

Узналъ о томъ Самсоновъ уже въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Съ утра отправясь съ докладомъ въ Зимній дворецъ, Волынской возвратился оттуда самъ не свой. Сорвавъ съ

себя орденскую ленту, онъ не далъ Самсонову даже снять съ него форменный кафтанъ, а крикнулъ:

— Яковлева!

Когда тутъ старшій кабинетъ-секретарь появился въ дверяхъ, Артемій Петровичъ подступилъ къ нему съ сжатыми кулаками и обрушился на него съ позорнѣйшимъ обвиненіемъ:

— Криводушный ты человекъ, Иуда-предатель! Я тебя въ люди вывелъ, къ себѣ приблизилъ, на груди пригрѣлъ, а ты, змѣя подколотная, меня же кусаешь, брызжешь на меня своей ядовитой слюной!

Тотъ стоялъ передъ разсвирѣпѣвшимъ начальникомъ ни живъ, ни мертвъ, и лепеталъ побѣлѣвшими губами:

— Да дерзнулъ ли бы я, ваше высокопревосходительство, предпріять что-либо противъ васъ, моего главнаго куратора? Служилъ я не щадя силъ, старался всегда съ пунктуальностью выполнять начальственные предначертанія... Самъ Богъ — мой свидѣтель...

— Молчать! Еще имя Бога, безбожникъ, бе-

решь въ свои нечистыя уста! — прервалъ его Волынскій и замахнулся уже рукой, но тотчасъ опустилъ опять руку.

— Не хочу и рукъ марать о такую гадину!

— Завѣрю же ваше высокопревосходительство, что я ничему не причиненъ... У меня и думано ничего такого не было. Наклепаль, знать, на меня Эйхлеръ, либо де-ла-Су-да...

— Молчать, говорю я! — гаркнулъ еще громче Артемій Петровичъ и ногой притопнулъ. — Ты, мерзавецъ, радъ и на своихъ товарищей взвести свои собственныя провинности, потопить ихъ за то, что служатъ они мнѣ честно и неподкупно. Я подалъ нынче государынѣ записку о новомъ государственно-мъ устройствѣ, а она мнѣ въ отвѣтъ, что такая ей уже доподлинно извѣстна, что сочинялась она у меня на тайныхъ ночныхъ сборищахъ неблагомыслящими людьми. Когда же я сталъ допытываться, кто посмѣлъ выдать о моихъ ночныхъ собраніяхъ и воровскимъ манеромъ списать ту записку, — государыня не сочла нужнымъ скрыть отъ меня, что получила списокъ отъ графа Остермана, а Остер-

мань отъ тебя. Стало-быть, ты — креатура Остермана и присяжный врагъ своего народа. Себя я успѣлъ очистить передъ ея величествомъ отъ лживыхъ нареканій; она вняла моимъ добрымъ побужденіямъ и обѣщала принять ихъ въ соображеніе. Тебя же, сударь мой, за твои ковы и шиканы она отдала мнѣ въ руки: какъ за блаторазсужу, такъ съ тобой и поступилъ бы.

Предатель повалился въ ноги начальнику и, всхлипывая, обхватилъ его колѣни.

— Ваше высокопревосходительство! кормилецъ мой, радѣлецъ! Каюсь: грѣхъ попуталь... Но его сіятельство графъ Андрей Ивановичъ обѣщаль обезпечить меня потомъ довольственной жизнью на весь вѣкъ... Въ разсужденіе великаго искушенія и многочисленнаго семейства нашло нѣкое помраченіе ума... Пощадите!

Артемій Петровичъ съ гадливостью оттолкнулъ ногой пресмыкающагося.

— Прочь! Не ради тебя самого, а только ради твоего семейства я, такъ и быть, тебя пощажу. Но чтобы въ Петербургъ и духу твоего уже не было! Сегодня же собирай свои пожит-

ки, а завтра, чѣмъ свѣтъ, отправляйся на постоянное жительство въ Выборгъ... Самсоновъ! выведи его вонъ.

Не ожидая ужъ, пока молодой камердинеръ поможетъ ему подняться, отставленный секретарь вскочилъ съ полу и выскользнулъ въ дверь.

XII. Попугай мадамъ Варлендъ

Третью ночь уже подъ рядъ Марта, эстонка-камеристка баронессы Юліаны, мучилась зубною болью. Помѣщалась она за занавѣской въ маленькой передней къ спальнямъ своей госпожи и Лилли. Привыкнувъ въ деревнѣ вставать спозаранку, Лилли и теперь спала подъ утро чуткимъ сномъ. И вотъ, еще до разсвѣта (дѣло происходило въ первой половинѣ ноября), ее разбудили сдавленные стоны изъ передней. Она прислушалась.

"Да это Марта! Вѣрно, опять зубы... Какъ бы помочь ей? Пойти, посмотрѣть..."

Спичекъ тогда еще не было изобрѣтено, и огонь высѣкался огнивомъ изъ кремня. А такъ какъ такое добываніе огня было довольно мѣшкотно, то въ спальняхъ на ночь, обыкно-

венно, зажигался ночникъ. Такой же ночникъ горѣлъ и у Лилли. Съ ночникомъ въ рукѣ, въ одной сорочкѣ да въ туфелькахъ, она прошла въ переднюю и отодвинула занавѣску передъ кроватью камеристки.

— Что, Марта, зубы тебѣ все спать не даютъ? — спросила она ее участливо по-эстонски.

— Это ты, милая барышня? — плаксиво отозвалась Марта. — Гдѣ тутъ заснуть ужь... Охъ!

При этихъ словахъ она приподняла голову съ изголовья. Одну щеку у нея, оказалось, такъ раздуло, что носъ совсѣмъ свернуло въ сторону. Лилли не могла удержаться отъ смѣха.

— На кого ты похожа, Марта! Ну, ну, не сердись. Еслибъ ты сама могла видѣть себя въ зеркалѣ... Но послѣ опухоли зубная боль, говорятъ, проходитъ.

— "Проходитъ"! — проворчала Марта, бережно прикрывая ладонью свою вздутую щеку. — Такъ дергаетъ, такъ дергаетъ, ой-ой!

— Ахъ, бѣдная! Я сама не знаю зубной боли, и никакихъ капель отъ зубовъ у меня

нѣтъ... Но вотъ что: есть у меня кельнская вода; она, слышно, очень помогаетъ. Сейчасъ принесу тебѣ...

— Не нужно, милая барышня, оставь. Знаю я эту кельнскую воду: всѣ десны разѣстъ. Съ вечера я положила себѣ на щеку горячій мѣшечекъ, — вотъ этотъ самый; такъ сперва словно полегчало. Да за ночь, вишь, остыль...

— А что въ немъ такое? — любопытствовала Лилли, ощупывая небольшой пузатый мѣшечекъ. — Онъ будто пескомъ набить.

— Нѣтъ, аржаной мукой съ кухонною солью. Какъ нагрѣть его на горячей плитѣ да потомъ приложить къ щекѣ, такъ боль помаленьку и утихаетъ.

— А что, Марта, въ кухнѣ, вѣрно, вѣдь развели уже огонь подъ плитой? Схожу-ка я на кухню...

— Что ты, душечка, Господь съ тобой! Да ты вѣдь и не одѣта...

— Одѣться недолго.

— Такъ лучше же я сама...

— Нѣтъ, нѣтъ, Марта. Ты только хуже еще простудишься. Лежи себѣ, лежи; я мигомъ...

И, возвратясь въ свою комнатку, Лилли

живой рукой одѣлась, а затѣмъ, съ ночникомъ въ одной рукѣ, съ мѣшечкомъ въ другой, цѣлымъ рядомъ горницъ и коридоровъ направилась къ черной лѣстницѣ, чтобы спуститься въ нижній этажъ дворца, гдѣ была кухня. Вслѣдствіе ранняго часа, весь дворецъ былъ погруженъ еще въ сонъ и точно вымеръ. Тамъ и сямъ только мерцали одиночныя масляныя лампы; но скуднаго свѣта ихъ было достаточно для того, чтобы показать Лилли всю безлюдность громаднаго зданія, и отъ звука собственныхъ шаговъ ей становилось жутко.

Вотъ опять совсѣмъ неосвѣщенная проходная комната...

"Богъ ты мой! Кто это сидитъ тамъ на диванчикѣ?.."

Дѣвочка остановилась съ бьющимся сердцемъ и, приподнявъ въ рукѣ ночникъ, пристально взглядѣлась.

"Да это дежурный лакей! Усталъ тоже, бѣдняга, за ночь и клюетъ носомъ".

На цыпочкахъ она прошмыгнула далѣе, чтобы не тревожить спящаго.

Тутъ изъ боковой комнаты донесся къ ней

рѣзкій картавый голосъ.

"Вѣрно, опять кто-нибудь изъ прислуги; еще кого разбудить!"

Заглянула она и въ эту комнату. Лампы тамъ хотя и не было, но зато топилась большая кафельная печь, и пылавшія съ трескомъ растопки освѣщали ближайшіе предметы своими яркими вспышками. Передъ большой клѣткой съ попугаемъ стоялъ парень въ косовороткѣ и засунутыхъ въ голенища шараварахъ, — должно-быть, истопникъ, который только-что затопилъ печь и со скуки, видно, радъ былъ случаю подразнить глупую птицу.

— Ты что тутъ дѣлаешь? — спросила, подходя, Лилли, стараясь придать своему голосу возможную строгость.

Парень оторопѣлъ.

— Да я ничего-съ, барышня... Поговорилъ только малость съ попугаемъ...

Но самъ же попугай уличилъ его.

— Живодеръ! живодеръ! — полушопотомъ прокартавилъ онъ, вызываяще поглядывая изъ-подъ своего наряднаго краснаго хохолка то на парня, то на барышню.

— Это ты его научилъ! — воскликнула

Лилли. — Да вѣдь это никакъ тотъ самый, котораго мадамъ Варлендъ готовитъ для герцога?

— Ну, и пуцай услышитъ! — съ явнымъ ужь озлобленіемъ возразилъ истопникъ. — Живодеръ и есть: съ родного батъки моего кошками шкуру содралъ!

Лилли ахнула.

— И отецъ твой померъ?

— Помираетъ; дай Богъ до Рождества дотянуть.

— Это ужасно! Но, вѣрно, старикъ твой шибко передъ нимъ провинился?

— Знамо, не безъ того... Да вольножъ было этимъ конюхамъ нѣмецкимъ хвалиться, что герцогъ ихъ такой и сякой, чуть не помазанецъ божій. Ну, а батъка мой, грѣшнымъ дѣломъ, подвыпилъ, да спьяну и выложилъ имъ на чистоту всю истинную правду: что герцогъ ихъ, молъ, вовсе-то не знатнаго рода, а тоже изъ подлаго люда. Ну, тѣ и пойди, донеси самому, а онъ какъ распалился тутъ гнѣвомъ...

Оправдываясь такимъ образомъ, басистый парень возвысилъ голосъ. Попугай въ свою

очередь, не желая отстать отъ него, издалъ пронзительный свистъ и провозгласилъ заученную отъ г-жи Варлендъ фразу:

— Hoch lebe Seine Durchlaucht! Hurra! hurra! hurra!

Дверь въ спальню Варлендъ растворилась, и оттуда выглянула она сама въ ночномъ чепцѣ, въ ночной кофтѣ.

— Ты ли это, дитя мое? — удивилась она. — Какъ ты сюда попала, и кто это съ тобой?

Лилли стала по-нѣмецки же объяснять ей. Истопникъ, не выжидая конца объясненія, далъ тягу. Впрочемъ, и сама Варлендъ не дослушала, а можетъ-быть, со сна толкомъ и не разобрала.

— И зачѣмъ было снимать мой платокъ съ клѣтки? — перебила она дѣвочку, зѣвая во весь ротъ.

— Сняла его нея...

— Ну, все равно; прикрой опять этого крикуна и ступай-ка тоже спать.

"Слава Богу!" — облегченно вздохнула про себя Лилли, когда голова почтенной дамы скрылась за дверью.

Подогрѣвъ цѣлительный мѣшечекъ на

плить въ кухню, она отнесла его Мартъ и тогда уже улеглась сама въ постель досыпать свой прерванный сонъ.

Когда она въ обычный часъ проснулась, ея ночная прогулка представлялась ей какъ бы сновидѣніемъ, и только когда на глаза ей попалась Марта съ повязанной щекой, въ памяти ея возстали всѣ отдѣльные моменты прогулки. Первымъ побужденіемъ ея было — открыться во всемъ Юліанъ Менгденъ. Но когда она встрѣтилась снова лицомъ къ лицу съ корректной до щепетильности, замороженной въ придворномъ этикетѣ, гофfreyлиной, — у нея духу на то не хватило.

Прошло нѣсколько дней. О попугаѣ говорили, но только какъ о сюрпризѣ для герцога.

"Попугай, вѣрно, забылъ уже то слово", — рѣшила Лилли и совсѣмъ было успокоилась.

Подходило 13-ое ноября — день рожденія герцога. Но наканунѣ государыня вдругъ прислала за принцессой, чтобы вмѣстѣ съ нею сдѣлать репетицію.

— А ты что же, моя милая? — обернулась Анна Леопольдовна къ Лилли, когда, въ сопровожденіи Юліаны, выходила уже изъ

комнаты.

— Мнѣ нездоровится... — пролепетала дѣвочка, чувствуя, какъ сама мѣняется въ лицѣ. — Позвольте мнѣ, ваше высочество, остаться...

— Пустяки, пустяки! Попугай тебя разсѣетъ. Идемъ.

Дѣлать нечего, — пришлось итти.

Мадамъ Варлендъ съ своимъ питомцемъ въ клѣткѣ была уже въ пріемной передъ внутренними апартаментами императрицы. Клѣтка на всякій случай была накрыта зеленымъ тафтянымъ колпакомъ, чтобы попугай преждевременно не выболталъ всей своей премудрости. Мимоходомъ кивнувъ его воспитательницѣ и стоявшему тутъ же придворному лакею, Анна Леопольдовна съ своей маленькой свитой вошла къ государынѣ; слѣдомъ лакей внесъ клѣтку, а мадамъ Варлендъ замыкала шествіе.

Кромѣ герцогини Бенигны, весь штатъ придворныхъ приживальщиковъ и шутовъ обоюга пола оказался также налицо. Никому, видно, не хотѣлось пропустить занимательной репетиціи. Послѣ первыхъ привѣтствій

Анна Іоанновна обратилась къ г-жѣ Варлендъ:

— Ну, мадамъ, начинай!

Та дернула за шнурокъ, и зеленый колпакъ раздвинулся. Окружающіе вполголоса стали восхищаться пернатымъ красавцемъ.

— И какъ вѣдь на всѣхъ посматриваетъ! — замѣтила сама государыня. — Точно понимаетъ, что имъ любятъ. Ну, что же, мадамъ?

Варлендъ, нагнувшись къ клѣткѣ, шепнула что-то попугаю, и тотъ крикнулъ во всю мочь:

— Schön guten Morgen! Gut geschlafen? (Добраго утра! Хорошо ли спали?)

— Какъ четко вѣдь выговариваетъ! — одобрила опять Анна Іоанновна. — Онъ у тебя и пѣсни поетъ?

— Jawohl, Majestät, — отвѣчала Варлендъ и снова подсказала своему ученику что-то шопотомъ.

— "Freut euch des Lebens"! — засвисталъ онъ начало извѣстной нѣмецкой пѣсни.

— Вторую строчку онъ тоже знаетъ, — но не такъ еще твердо, извинилась учительница.

— До завтра, смотри, подучи его, — приказала императрица. — А поеть тоже чисто, что свирѣль. Ну, еще что же?

— Hoch lebe... — можно было разслышать подсказываніе мадамъ Варлендъ.

И послушный воспитанникъ не замедлилъ гаркнуть:

— Hoch lebe Seine Durchlaucht! Hurra! hurra! hurra!

Но, о, ужасъ! вслѣдъ затѣмъ онъ прокартавилъ полушопотомъ, однако, совершенно внятно:

— Живодеръ! живодеръ!

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было произвести на всѣхъ такое публичное поруганье всесильнаго временщика, въ присутствіи не только его супруги, но и самой императрицы. Послѣдняя, словно ушамъ своимъ не вѣря, молча повела кругомъ глазами. Но никто не смѣлъ поднять на нее глазъ; всѣ обмерли и потупились. Одна только герцогиня Биронъ, плохо понимавшая по-русски, съ недоумѣніемъ спросила:

— Aber was Heiss das: Schivadör? (Да что это

значить: живодеръ?)

Тутъ Балакиревъ, питавшій къ герцогу курляндскому, какъ большинство русскихъ, глубокую ненависть, не утерпѣлъ пояснить:

— Das Heisst: Schinder.

Герцогиня всплеснула руками:

— Ach, Herr Jesus!

Императрица же, сверкнувъ очами, указала Балакиреву на выходъ:

— Вонъ!

Теперь только ни въ чемъ не повинная Варлендъ пришла въ себя отъ своего оцѣпенѣнія. Со слезами стала она клясться, что ей-Богу же не учила этому попугая.

— Такъ кто же научилъ, кто? — спросила Анна Иоанновнана.

— Die ist's! — ткнула герцогиня пальцемъ на Лилли, растерянный видъ которой, дѣйствительно, какъ-будто давалъ поводъ къ такому подозрѣнью.

Но тутъ вступилась за нее та же мадамъ Варлендъ. Ея объясненіе звучало такъ искренно и правдоподобно, что ни у кого, казалось, не оставалось уже сомнѣнія на счетъ виновности истопника, котораго Лилли застала

передъ кльткой.

— Но ты все же слышала, какъ онъ училъ попугая? — обратилась государыня уже прямо къ Лилли. — Не лги у меня, говори всю правду!

— Слышала... — призналась дѣвочка, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Ахъ, разбойница! Но умолчала ты о томъ съ какого умысла?

— Я думала, что попугай забудетъ... да боялась еще, чтобъ съ этимъ человѣкомъ не сдѣлали того же, что съ его старикомъ-отцомъ...

— А съ тѣмъ что сдѣлали? Сказывай, ну!

— Его наказали, по приказу герцога, такъ нещадно, что онъ теперь умираетъ...

— Умираетъ! — подхватила апатичная вообще, но сердобольная Анна Леопольдовна. — Сынъ ожесточился изъ-за отца. Ваше величество! не отдавайте его-то хоть на избіеніе!

— Бить его на тѣлѣ не будутъ, не волнуйся, — проговорила государыня глухимъ голосомъ, и по выраженію ея лица видно было, какъ тяжело ей дать такое обѣщаніе.

— Но его все же накажутъ?

— Безъ всякаго наказанія оставить его нельзя чтобы другимъ не было повадно. Страха божьяго не стало на нихъ, окаянныхъ! А озорного попугая своего, мадамъ, убери вонъ, да чтобы не было объ немъ впредь ни слуху, ни духу; поняла?

Мадамъ Варлендъ, должно-быть, хорошо поняла, потому что съ того самаго дня красавецъ-попугай словно сгинулъ.

Конецъ II части.

ЧАСТЬ III

I. Ледяная статуя

Дни рожденья и тезоименитства членовъ Дкакъ Царской Фамиліи, такъ и семьи герцога Бирона, праздновались при Дворѣ одинаково торжественно: поутру въ Зимнемъ дворцѣ бывалъ съѣздъ "знатнѣйшихъ персонъ" и иноземныхъ посланниковъ для принесенія поздравленій, а вечеромъ — балъ. То же самое было, разумѣется, и 13-го ноября 1739 года, когда герцогу исполнилось 49 лѣтъ.

Во время утренняго пріема поздравителей Биронъ былъ видимо не въ своей тарелкѣ, — что достаточно объяснялось, пожалуй, нанесеннымъ ему наканунѣ заочнымъ «афронтомъ» съ попугаемъ. Тутъ, однако, разнесся слухъ, что виновный истопникъ подвергся уже и заслуженной карѣ. Его не били, нѣтъ: въ этомъ отношеніи его свѣтлость строго подчинился выраженной государыней волѣ. Но отъ наказанія вообще «преступникъ» не былъ избавленъ, и изобрѣтательный въ такихъ

случаяхъ умъ курляндца придумалъ для него небывалую еще пытку. Парня отправили на придворный конюшенный дворъ, находившійся въ концѣ большой Конюшенной улицы у рѣчки Мьи (нынѣ Мойка), раздѣли здѣсь до-нага, привязали къ столбу у водокачалки и стали окачивать ледяной водой на двадцатиградусномъ морозѣ. Но исполнители экзекуціи переусердствовали: окачивали несчастнаго до тѣхъ поръ, пока тотъ, покрывшись ледяной корой, не обратился въ "ледяную статую". Такъ передавалось по крайней мѣрѣ на пріемѣ шопотомъ изъ устъ въ уста, — передавалось съ глубокимъ возмущеньемъ, но въ лицо свѣтлѣйшему новорожденному тѣ же уста льстиво улыбались. Самъ же онъ не могъ скрыть своего раздраженія: истязать «делинквента» до смерти у него все-таки, должно быть, не было намѣренія.

На вечернемъ балу главный интересъ, по крайней мѣрѣ, прекрасной половины челоѵчества сосредоточился, прежде всего, на дамскихъ туалетахъ, отличавшихся, какъ всегда, большимъ разнообразіемъ и великолѣпіемъ. Особенную зависть у мно-

гихъ возбуждала герцогиня Биронъ, увѣсившая себя, ради семейнаго торжества, всѣми фамильными брилліантами и другими драгоценными каменьями; но сама она, видимо, всего болѣе гордилась своимъ головнымъ уборомъ и, какъ китайскій болванчикъ, качала головой, чтобы сидѣвшая на ея напудренномъ парикѣ съ буклями райская птица съ длиннѣйшимъ разноцвѣтнымъ, металлическаго блеска, хвостомъ и съ распушенными золотистыми крыльями колыхалась, точно вотъ-вотъ взлетитъ сейчасъ на воздухъ. На бѣду подъ этимъ уборомъ было ея собственное, испорченное оспой лицо съ туповато-надменной улыбкой. Это не помѣшало, однако, такому бывалому царедворцу, какъ Лестокъ, выразить ей свое "нелицемерное" восхищеніе:

— Сегодня, герцогиня, вы превзошли себя! Васъ можно сравнить развѣ съ павлиномъ, распустившимъ колесомъ свой пышный хвостъ.

Этотъ сомнительный комплиментъ недалекая герцогиня приняла за чистую монету и подарила льстеца «очаровательной» улыб-

кой.

И вдругъ у нея явилась соперница въ лицѣ молодой иностранки, графини Рагузинской. Все платье красавицы-венеціанки было усыпано крупными жемчужинами, изъ которыхъ каждая стоила сотни, если не тысячи рублей. Мало того, что всѣ гости такъ и «пялили» теперь на нее глаза, но даже сама государыня, слѣдившая за танцами въ открытыя настежь двери сосѣдней гостиной, замѣтила герцогинѣ:

— А знаешь ли, Бенигна: эта Рагузинская, какъ всегда, опять царица бала.

Бенигна позеленѣла отъ досады.

— Спору нѣтъ, что танцуетъ она хорошо, собой недурна...

— И одѣта богаче меня и тебя.

— А ваше величество вѣрите, что всѣ эти жемчужины на ней настоящія?

— Ты какъ скажешь, Буженинова? — отнеслась Анна Иоанновна черезъ плечо къ стоявшей позади ея карлицѣ-калмычкѣ, которая одна лишь изъ всего шутовскаго персонала допускалась на придворные балы для ближайшихъ послугъ своей царственной госпо-

жи. — Ты знаешь вѣдь немножко толкъ въ жемчужинахъ: ходила со мной не разъ въ мастерскую этого Граверо; вонъ на Рагузинской жемчужины, по твоему, поддѣльныя али нѣтъ?

— Не знаю, матушка, — отвѣчала шутиха: — чего не знаю, того не скажу; не знаю. А вызнать тебѣ, изволь, могу.

— Да какъ же ты вызнаешь?

Карлица съ комической ужимкой лукаво усмѣхнулась.

— Это ужъ мой секретъ! Только ты, матушка, исполни потомъ мою малую просьбицу.

— А въ чемъ твоя просьба?

— Насидѣлась я, вишь, въ дѣвкахъ: выдай ты меня замужъ за добраго молодца!

— Помяни, Господи, царя Соломона и всю премудрость его! Кто тебя, дуру, возьметъ-то?

— Родимая! кормилица! — взмолилась Буженинова жеманно и плаксиво. — Молодой квасъ — и тотъ играетъ.

Шутиха даже всхлипнула.

— Ну, разрюмилась! — сказала Анна Іоанновна. — Ладно. Для такой пригожицы жениха какъ не найти; только кличь кликнуть. Но

напередъ дознайся все же на счетъ жемчужинъ.

— Сейчасъ дознаюсь.

— Да ты куда, дура, куда? — крикнула государыня, когда карлица мимо нея юркнула вдругъ въ танцевальный залъ.

Но та ея уже не слышала или не хотѣла слышать. Въ танцахъ наступила только-что пауза, и Рагузинскую тотчасъ же окружило нѣсколько поклонниковъ. Обмахиваясь вѣеромъ, она съ снисходительной улыбкой выслушивала расточаемыя ей любезности. Въ это время къ нимъ подлетѣла шутиха и протиснулась между кавалерами къ самой Рагузинской.

— Дай-ка-сь, сударушка, и мнѣ насмотрѣться на твои галантереи. Фу ты, ну ты! И сама-то жемчужина, и вся-то въ жемчужинахъ! А онѣ у тебя настоящія?

Не успѣла та отстраниться, какъ нахалка наклонилась къ ея платью и впилась зубами въ одну изъ крупнѣйшихъ жемчужинъ. Но венеціанка пришла уже въ себя ихватила ее на отмашь такъ хлестко по щекѣ, что она съ визгомъ отшатнулась.

— Да за что же это, за что?.. Я пожалуюсь самой матушкѣ-государынѣ...

— Ступай, жалуйся, — отвѣчала Рагузинская съ спокойнымъ достоинствомъ. — Ежели ты сдѣлала это по ея приказу, то можешь доложить, что благородныя венеціанки не носятъ поддѣльныхъ драгоценностей. Если жъ приказа ея не было, то будь довольна, что проучена, и своей жалобой не безпокой ея величество по-пустому.

Какъ прибитая собаченка, поплелась карлица обратно къ императрицѣ, къ которой между тѣмъ подошли Биронъ и нѣсколько придворныхъ и были такимъ образомъ также очевидцами описанной сейчасъ сцены.

— Ну, что, Буженинова? — спросила съ улыбкой государыня. — Отвѣхала не солоно хлѣбавши?

— Задави ее козель! Ручки-ножки еще трясутся... Никакого политеса...

— А что же жемчужины настоящія?

— Настоящія, матушка, охъ, самыя настоящія!

— И плюхи тоже самыя настоящія? — съ грубымъ смѣхомъ замѣтилъ герцогъ.

— Первый сортъ, батюшка, какъ и твои ледяныя статуи, — огрызнулась калмычка.

Биронъ весь побагровѣлъ и не нашелся даже, что сказать.

— А вы ее не слушайте, — герцогъ, вступилась Анна Иоанновна. — Что взять съ глупой ефелы? Но дабы впредь она вела себя благопристойнѣй, мы ее, непутную, окрутимъ съ добрымъ человѣкомъ.

— Этакую-то монстру?

— Для кого монстра, а для кого картинка! — обидѣлась Буженинова. — На вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ. Царица обѣщалась выдать меня за мужъ и отъ царскаго слова своего не отступится. Только силкомъ за немилаго, матушка, не выдавай!

— А ты кого-нибудь себѣ уже, небось, намѣтила?

— Намѣтила, матушка, что грѣха таить. На него глядя, индо слюна бѣжитъ.

— Кто же этотъ королевичъ твой?

— А князь Квасникъ.

— Эко слово брякнула! Онъ какъ-никакъ все же благороднаго корени отрасль; а ты что? Ты и вся-то мизиннаго его перстика не

СТОИШЬ.

— Онъ — князь, а я — первая твоя затѣйница и забавница: два сапога — пара. И стану я сіятельной княгиней, и урядишь ты, матушка, мнѣ княжескую свадьбу...

— Дура ты, да не совсѣмъ! — улыбнулась Анна Іоанновна. — Вотъ герцогъ подаритъ на свадьбу твоему муженьку шелковую плетку.

— А мнѣ домъ хрустальный... съ ледяными статуями.

— Такъ лучше жъ и весь домъ ледяной, — подхватилъ одинъ камергеръ: — тамъ и свадьбу сыграли бъ.

По губамъ Бирона пробѣжала недобрая усмѣшка.

— Das ware nicht so libel! (Это было бы недурно!)

— Ну, чтожъ, коли быть Ледяному дому, такъ пускай и будетъ, — рѣшила царица. — А кто же, герцогъ, его построить?

— Построить его нашъ первый государственный строитель, г-нъ Волынскій. Попросите-ка сюда г-на Волынскаго! — отнесся онъ къ подавшему счастливую мысль камергеру.

Казалось, онъ радъ былъ случаю взвалить

на плечи своего главнаго недруга, и безъ того обремененнаго важнѣйшими государственными дѣлами, эту новую работу, которая ни мало не входила въ кругъ его обязанностей и должна была его еще принизить въ глазахъ всего Двора.

Такъ понялъ и самъ Волынскій, когда ему объяснили, чего отъ него требуютъ. Но, не желая дать торжествовать своему противнику, онъ не показаль виду, что оскорбленъ, и, склонившись передъ государыней почтительно, но не раболѣпно, спросилъ, безотмѣнная ли то резолюція ея величества.

Самой ей стало теперь какъ-будто не по себѣ.

— Да, Артемій Петровичъ, пожалуйста, не отказывайся, — отвѣчала она мягко, словно извиняясь. — Никто иной, какъ ты, не сумѣлъ бы исполнить сіе столь благоуспѣшно. Женихъ хоть и шутъ, но титулованный; будетъ зрителей великое стеченіе...

— Такъ вашему величеству угодно, чтобы свадьба была поистинѣ княжеская, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, все же шутовская, скоморошья?

— Вотъ, вотъ; со всякими тамъ огнями

артофіальными, переодѣваньями и исторіями потѣшными. Не мнѣ тебя учить.

— Слушаю-съ. Но ледъ на Невѣ должной толщины для Ледяного дома будетъ не раньше, почестъ, января мѣсяца.

— Ну, чтожъ; намъ вѣдь не такъ ужъ къ спѣху. Пригони, примѣрно, ко дню моего рожденья, а то и ко времени карнавала на масленой недѣлѣ. Тогда, дастъ Богъ, и миръ съ Турціей заключимъ. Заразъ и отпразднуемъ.

— И ваше величество соизволяете на учрежденіе для сей надобности особой скомо-рошьей или, лучше скажемъ, маскарадной комиссіи?

— Даю тебѣ, Артемій Петровичъ, на все полную мочь. Да въ расходахъ много не стѣсняйся. Впередъ знаю, что все тебѣ и на сей разъ, какъ и всегда, удастся къ полному нашему удовольствію.

II. Ледяной домъ

Всякая новость старѣетъ и забывается; забылась и бироновская ледяная статуя, на смѣну которой ожидались теперь Ледяной домъ и ледяная свадьба. Ледяной домъ или "ледяныя палаты", какъ называли его официально въ дѣлопроизводствѣ "маскарадной комиссіи", рѣшено было возвести на Невѣ между Зимнимъ дворцомъ и главнымъ адмиралтействомъ, а для ледяной свадьбы устроить "національную процессію", для которой изъ разныхъ мѣстъ имперіи выписать полтора ста паръ населяющихъ ее всевозможныхъ племенъ въ національной одеждѣ [4]. (Но такъ какъ пути сообщенія у насъ въ ту пору были очень первобытны, то выписанныя «пары», особенно изъ отдаленныхъ мѣстностей, прибывали довольно мѣшкотно; тотчасъ же по прибытіи онѣ замыкались въ особомъ зданіи на такъ-называемомъ "Слоновомъ дворѣ". (Дворъ этотъ, находившійся въ концѣ третьяго Лѣтняго сада около Симеоновскаго моста, на томъ, приблизительно, мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ циркъ Чини-

зелли, получилъ названіе «Слоноваго» отъ со-
державшагося тамъ индѣйскаго слона.)

Недоброжелатели Волынскаго не упускали между тѣмъ случая прохаживаться на его счетъ, какъ руководителя этой шутовской затѣи. Ядовитѣе другихъ подтрунивали надъ нимъ двое: адмираль графъ Головинъ, который не могъ простить Артемію Петровичу открытіе имъ злоупотребленій въ адмиралтействѣ, и бывшій посланникъ нашъ въ Парижѣ, а въ данное время оберъ-шталмейстеръ Высочайшаго Двора князь Куракинъ, враждовавшій съ нимъ на личной почвѣ. Желая угодить своему давнишнему «протектору», Тредіаковскій сочинилъ про Волынскаго тяжеловѣсную, но довольно злую пѣсенку, а Куракинъ позаботился распространить ее между придворными; среди тѣхъ нашлись, конечно, услужливые люди, подсунувшіе стихотворный пасквиль самому Волынскому. Вспыльчивый и крайне самолюбивый, Артемія Петровичъ былъ страшно взбѣшенъ — не столько даже на Куракина, сколько на самого автора пасквиля.

— Блоха вѣдь, а туда же — кусаться! — го-

вориль онъ своимъ пріятелямъ. — Попомнить онъ еще меня!

— Невеличка блошка, а спать не даетъ, — отозвался Еропкинь. — Да не много ли чести блохѣ, что ты такъ сердишься на нее?

— *Rira bien, qui rira le dernier* (хорошо смѣется, кто послѣднимъ смѣется), — утѣшалъ съ своей стороны Лестокъ.

Наконецъ-то, въ началѣ января (1740 г.), когда въ разныхъ мѣстахъ Невы стали вырубать ледъ для городскихъ ледниковъ, по срединѣ рѣки противъ Петропавловской крѣпости была отгорожена большая площадь для добычи самага чистаго строительнаго матеріала, а между дворцомъ и адмиралтействомъ былъ поставленъ деревянный заборъ вокругъ мѣста, намѣченнаго для Ледяного дома. Обитатели двухъ верхнихъ этажей Зимняго дворца имѣли бы, впрочемъ, возможность смотрѣть и поверхъ того забора, если бы только окна дворца, обращенныя на Неву, значить на Сѣверъ, отъ сильныхъ крещенскихъ морозовъ не покрылись ледяными узорами. Обледенѣли окна и въ комнаткѣ Лилли Врангель; но барышню нашу это не затрудня-

ло: она влѣзала на подоконникъ и высовывалась изъ форточки. Такъ она изо дня въ день могла слѣдить за тѣмъ, какъ постепенно вырастаетъ и разукрашивается Ледяной домъ.

Длиною домъ былъ въ 8 сажень, шириною въ 2 1/2 и вышиною въ 3. Накладывались ледяныя плиты какъ кирпичи, одна на другую, обливались тотчасъ водой и силою мороза скрѣплялись прочнѣе, чѣмъ лучшимъ цементомъ. Когда ледяное зданіе было доведено до крыши, то впереди оно украсилось ледянымъ крыльцомъ съ рѣзнымъ фронтисписомъ, а крыша — ледяной галлерейкой съ ледяными статуями. По четыремъ угламъ дома воздвигались ледяныя пирамиды, по сторонамъ крыльца появились ледяныя пушки и мортиры, а передъ ледяными же воротами съ горшками ледяныхъ цвѣтовъ и сидящими на нихъ ледяными птицами — два большихъ ледяныхъ дельфина. Въ послѣднихъ же числахъ января около дома, откуда ни возьмись, выросъ вдругъ громадный ледяной слонъ, а на спинѣ у него и по бокамъ — по ледяному персіанину.

Лилли такъ заглядѣлась на это послѣднее

чудо, что не разслышала даже, какъ позади ея отворилась дверь, и замѣтила вошедшую только тогда, когда та взяла ее за талію и стащила съ подоконника.

— Ахъ, это вы, Юліана?

— Съ ума ты сошла, моя милая, что въ такой морозъ высовываешься изъ форточки!

— Въ деревнѣ я къ морозу давно привыкла, — отвѣчала съ беззаботнымъ смѣхомъ Лилли, затворяя форточку, — а теперь свѣтитъ еще солнце... И какъ хорошъ теперь на солнцѣ Ледяной домъ: точно весь хрустальный! А эти дельфины, этотъ слонъ... Выгляните сами только на минуточку...

— Чтобы схватить воспаленіе легкихъ? Благодарю покорно! — сказала Юліана. — Другое еще дѣло, если бъ въ шубѣ побывать тамъ на мѣсть...

— Дорогая Юліана! вотъ было бы чудно! Пойдемте сейчасъ, уговоримъ принцессу...

Лилли такъ порывисто обняла и поцѣловала чопорную фрейлину, что та не успѣла даже уклониться и не знала, сердиться ей или нѣтъ.

— Ну, ну, ну! Ты все забываешь, что ты уже

не ребенокъ, а большая барышня, и не въ деревнѣ, а во дворцѣ.

— Но вы попросите принцессу, да? Она сама, можетъ быть, тоже пойдетъ съ нами?

Юліана уже не упорствовала. Анна Леопольдовна, какъ всегда, отдохавшая на своей отоманкѣ съ романомъ въ рукахъ, выслушала обѣихъ съ обычной флегмой, но отъ посѣщенія съ ними Ледяного дома наотрѣзь отказалась.

— Скоро и безъ того вѣдь увидимъ. Свадьба карликовъ будетъ уже 6-го февраля; остается, стало быть, всего двѣ недѣли.

— А потомъ опять ее отложить! — воскликнула Лилли. — Вѣдь сперва назначили ее въ январѣ, на канунъ дня рожденія государыни...

— Да; но въ этотъ же день будетъ торжественное вступленіе нашихъ войскъ. Вольнскій совершенно правъ, что такому національному торжеству не вмѣстно быть въ одинъ день съ шутовскою свадьбой. Если же вамъ, мои милыя, ужъ такъ не терпится осмотрѣть этотъ Ледяной домъ, то ступайте туда однѣ безъ меня.

— Да безъ васъ, принцесса, насъ туда не пустятъ!

— А я скажу Эйхлеру.

Эйхлеромъ, который, въ качествѣ не только секретаря Волынскаго, но и тайнаго секретаря самой государыни, постоянно бывалъ у нея за приказаньями, дѣло было ей доложено, и съ ея стороны отказа въ столь скромной просьбѣ наслѣдницы престола, разумѣется, не было. Самъ Эйхлеръ вызвался быть путеводителемъ гоффрайлины принцессы.

Когда они втроемъ: Юліана, Лилли и Эйхлеръ, морознымъ, но солнечнымъ утромъ спустились на Неву къ Ледяному дому, то у ледяныхъ воротъ, къ немалому удивленію Лилли, ихъ встрѣтилъ ея товарищъ дѣтства, Самсоновъ, притомъ не въ лакейской уже ливреѣ, а въ довольно щегольской суконной однорядкѣ и въ мѣховой шапкѣ.

— Да вы откуда его знаете? — спросилъ по-нѣмецки Эйхлеръ Лилли. Та объяснила.

— То-то онъ такъ просилъ меня взять его сегодня съ собой! — улыбнулся Эйхлеръ. — Могу съ своей стороны засвидѣтельствовать, что такого "молочнаго брата" вамъ нечего

стыдиться: я нашелъ въ немъ очень полезнаго сотрудника.

— Но вѣдь онъ — камердинеръ г-на Волынскаго...

— Былъ имъ. Когда мнѣ пришлось посылать во всѣ концы Россіи требованія о присылкѣ «маскараднаго» персонала для шутовской свадьбы, у меня не достало переписчиковъ. Тутъ оказалось, что Самсоновъ умѣетъ тоже писать, и почеркъ у него преизрядный. Съ разрѣшенія моего шефа, я привлекъ его къ перепискѣ; потомъ и къ сведенію счетовъ; а наконецъ и ко всему маскарадному дѣлу, потому что никто лучше его не знаетъ объясняться съ этими безмозглыми инородцами. Господь его вѣдаетъ, какъ это онъ подлаживается къ ихъ младенческимъ понятіямъ, какъ умѣетъ втолковать имъ все, что нужно. Словомъ, молодецъ на всѣ руки! — заключилъ Эйхлеръ и покровительственно похлопалъ Самсонова по плечу.

— Не понимаю, г-нъ Эйхлеръ, какъ вы можете говорить такъ много на морозѣ! — замѣтила Юліана, пряча свой покраснѣвшій уже носъ въ муфту.

— А вы, баронесса, озябли? Простите великодушно! Сейчасъ затоплю для васъ каминъ.

— Это гдѣ?

— Да тутъ же въ Ледяномъ домѣ.

— Ледяной каминъ?

— Да, и ледяными дровами. Прошу за мною.

Проведя ее на крыльцо Ледяного дома, а оттуда въ одну изъ двухъ комнатъ, онъ зажегъ въ ледяномъ каминѣ ледяныя же полѣнья, облитыя, какъ потомъ разъяснилось, нефтью.

Тѣмъ временемъ Лилли и ея "молочный братъ", стоя на дворѣ передъ ледянымъ слономъ, заболтались о порученныхъ надзору Самсонова инородцахъ и прибывшихъ вмѣстѣ съ ними животныхъ. Особенно заинтересовали Лилли самоѣдскіе олени.

— А правда ли, Гриша, что олени бѣгутъ еще скорѣе лошадей?

— Какъ вѣтеръ! Я нѣсколько разъ уже ѣздилъ съ самоѣдами на взморье.

— Счастливецъ!

— Такъ вы, Лизавета Романовна, охотно тоже покатались бы на оленяхъ?

— Мало ли что!

— Я вамъ это, извольте, устрою.

— Ты, Гриша? Но какимъ образомъ?

Онъ загадочно усмѣхнулся.

— Это ужъ мое дѣло.

Тутъ на ледяномъ крыльцѣ показалась опять Юліана въ сопровожденіи своего путе-
водителя. Ледяныя дрова ея не согрѣли, и, вся
продрогнувъ, она заторопилась домой. Такъ
Лилли на этотъ разъ и не пришлось загля-
нуть внутрь Ледяного дома. Прощаясь съ Сам-
соновымъ, она успѣла только спросить его,
когда же онъ устроитъ ей обѣщанное; на что
получила отвѣтъ:

— Потерпите ужъ до ледяной свадьбы!

III. П❖вецъ поневоле❖

Съ 27-го января, когда вступили въ Петербургъ возвратившіяся изъ Турціи побѣдоносныя войска, общее настроеніе при Дворѣ было уже празднично-приподнятое. У многихъ царедворцевъ такому настроенію, по правдѣ сказать, не мало способствовало ожиданіе предвидимыхъ, по случаю заключенія мира, "царскихъ милостей", пожалованіе которыхъ должно было послѣдовать, впрочемъ, только въ срединѣ февраля на масленой недѣлѣ.

Войска съ музыкой и распущенными знаменами продефилировали мимо Зимняго дворца, офицеры — съ лавровыми вѣнками, солдаты — съ еловыми вѣтками на шлемахъ и каскахъ. Вслѣдъ затѣмъ состоялся приѣмъ императрицею героевъ-офицеровъ, сановныхъ поздравителей и секретаря нашего посольства въ Константинополь Неплюева, привезшаго ратификацію мира. Несмолкающіе залпы съ Петропавловской крѣпости возвѣстили населенію столицы о прекращеніи войны.

Слѣдующій день — день рожденія Анны

Іоанновуы — праздновался еще пышнѣе. Утромъ — торжественное богослуженіе, пріемъ поздравленій и пушечная пальба; въ полдень — банкетъ-gala съ итальянской музыкой инструментальной и вокальной и, во время тостовъ, опять пальба; вечеромъ — балъ, на которомъ сераскиръ Очакова Колчакъ-паша, во главѣ плѣнныхъ турокъ, на турецкомъ языкѣ благодарилъ государыню за оказанное гостепріимство; а послѣ бала — «блестящая» иллюминація и фейерверкъ которые, по обыкновенію, были увѣковѣчены затѣмъ "С-Петербургскими Вѣдомостями" Особенно эффектнымъ на этомъ фейерверкѣ (по словамъ газеты) былъ главный шить, представлявшій "высокое рожденіе Ея Императорскаго Величества въ образѣ на колесницѣ сидящей зари съ блистающей утреннею звѣздою на которую Россія, подѣ образомъ жены въ надлежащемъ уборѣ и радостнымъ видомъ взирая, гласно какъ бы надписанныя слова живыми рѣчами говоритъ: — Коликое возвѣщаетъ намъ благополучіе".

Все это было, однакожъ, только какъ бы предвкусіемъ къ невиданному еще

зрѣлищу — свадьбѣ карликовъ съ "національной процессіей". Подробности держались пока еще въ тайнѣ. Извѣстно было только, что въ особой "камерѣ" Слоноваго двора усердно происходятъ репетиціи танцевъ, которые будутъ исполняться въ день свадьбы участниками процессіи; но допускались къ этимъ репетиціямъ исключительно только члены маскарадной комиссіи и ближайшіе ихъ сотрудники. Въ числѣ послѣднихъ, какъ уже упомянуто, былъ и Самсоновъ, который такимъ образомъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ происходившихъ тамъ комическихъ и трагикомическихъ сценъ. Такъ присутствовалъ онъ и при одной подобной сценѣ, оставившей въ немъ надолго очень тягостное впечатлѣніе.

Было то 4-го февраля, т.-е. за два дня до шутовской свадьбы. Прибывъ подъ вечеръ на Слоновъ дворъ съ другими членами комиссіи на "генеральную репетицію", Волынскій откомандировалъ состоявшаго также въ его распоряженіи кадета Криницына въ Академію Наукъ за секретаремъ ея, Васильемъ Кирилловичемъ Тредіаковскимъ.

Возвратился Криницынъ въ самый разгаръ танцевъ и впопыхахъ подбѣжалъ къ Волынскому,

— Ваше высокопревосходительство... ваше высокопревосходительство...

Тотъ нахмурилъ брови.

— Эко запыхался, торопыга! А Тредіаковскаго такъ и не привезъ?

— Привезъ... уфъ! Онъ сейчасъ будетъ жаловаться вамъ на меня... Не слушайте его...

— Да что у тебя вышло съ нимъ?

— Я сказалъ ему, будто бы его вызываютъ въ Кабинетъ ея величества...

— Это зачѣмъ?

— Да чтобы онъ не артачился ъхать: нравомъ онъ очень ужъ амбиціонный...

— Ну?

— А когда онъ тутъ по дорогѣ замѣтилъ, что везутъ его вовсе не въ Кабинетъ, то схватилъ меня за шиворотъ: "Ты куда везешь меня?" Да обозвалъ меня такимъ словомъ, что я не смѣю и выговорить...

— Ладно! дальше.

— Узнавши же отъ меня, что мы ѣдемъ на Слоновый дворъ по требованію вашего высокопревосходительства...

копревосходительства, но для какой надобности — мнѣ, дескать, не вѣдомо, — онъ сталъ чертыхаться и обѣщаль принести на меня жалобу...

— Ладно, — повторилъ Артемій Петровичъ и обратился къ показавшемуся въ это время въ дверяхъ Василью Кирилловичу:

— Поди-ка-съ сюда, сударь мой, поди.

Піита нашъ, въ своемъ секретарскомъ мундирѣ, при шпагѣ и съ треуголкой подъ мышкой, приблизился не безъ чувства собственнаго достоинства, но, при видѣ пылающаго гнѣвомъ взора перваго кабинетъ-министра, невольно растерялся. Путаясь въ словахъ, онъ сталъ объяснять, что вотъ этотъ самый юнецъ облыжно пригласилъ его въ Кабинетъ ея величества и привелъ тѣмъ его, Тредіаковскаго, въ великій страхъ, толь наипаче, что время уже позднее; что сѣлъ онъ съ непутящимъ мальчишкой на извозца въ великомъ трепетаніи...

На этомъ, однако, объясненіе его было прервано Волынскимъ.

— Да какъ ты смѣешь называть моего посланца "непутящимъ мальчишкой"! Онъ ис-

полнялъ только мое приказаніе, а понося его, ты отказываешь и мнѣ въ должномъ респектѣ...

И неудовольствіе свое Артемій Петровичъ подкрѣпилъ двумя звонкими пощечинами, которыми (какъ заявлялъ впослѣдствіи самъ Тредіаковскій въ своей челобитной) "правое ухо ему оглушилъ, а лѣвый глазъ подбилъ". Хотя ручная расправа высшихъ съ низшими была тогда не въ такую ужъ рѣдкость, тѣмъ не менѣе, для секретаря "де ла сіянсъ Академіи", философа и стихотворца, такое обращеніе съ нимъ въ присутствіи всѣхъ членовъ комиссіи и даже "подлыхъ людей" было нестерпимо; почему онъ и при дальнѣйшемъ разговорѣ не выказывалъ требуемой субординаціи.

— Ну, а теперъ къ дѣлу, — заговорилъ снова Волынскій. — Въ головѣ у тебя хоть и сумятица неразборная, да есть все-таки нѣкій даръ слагать вирши.

— Сподобился божественной Ишпокрены, — пробурчалъ съ нѣкоторою уже гордостью Василій Кирилловичъ, которому не могло не польстить признаніе за нимъ поэтиче-

скаго дара даже со стороны столь безпардоннаго государственнаго мужа.

— Ты это о чемъ? — спросилъ съ недоумѣніемъ Артемій Петровичъ, болѣе свѣдуцій въ ученіяхъ западныхъ политиковъ, чѣмъ въ миѳологіи.

— Сподобился я, говорю, того животворнаго ключа, что забилъ изъ-подъ копыта парнаскаго коня, именуемаго Пегасомъ.

— Не при сей ли самой оказіи тебя и пришибло конскимъ копытомъ? Ну, да для дурацкой свадьбы, такъ и быть, можешь опять осѣдлатъ своего Пегаса.

— Такъ ли я уразумѣлъ ваше высокопревосходительство? Вамъ благоугодно, чтобы я сочинилъ стихи для дурацкой свадьбы?

— Ну да; на то ты сюда и вызванъ.

— Прошу отъ сего меня уволить, понежъ дурацкія шутки благородному челоѳку непристойны!

— А злостные пасквили сочинять пристойно? Еще учить меня вздумалъ, что пристойно, что нѣтъ!

И въ новомъ порывѣ раздраженія Волынскій (какъ выражено въ той же чело-

битной злосчастнаго стихокропателя), "всячески браня, изволилъ вновь учинить битіе по объимъ щекамъ въ три или четыре приема".

— Говорить съ тобой, сквернавцемъ, я больше не стану, — сказалъ онъ. — Полковникъ Еропкинь дастъ тебѣ краткую матерію для твоихъ виршей. И чтобы на утріе, слышишь, онъ были готовы!

При своемъ благоговѣніи передъ Артеміемъ Петровичемъ за его заботы о благѣ роднаго народа, Самсоновъ былъ тѣмъ болѣе огорченъ его дикой выходкой. Чудака-учителя своего ему было искренно жаль; тотъ хотя и отказался давать ему уроки съ переходомъ его къ главному недругу Бирона, но все-таки продолжалъ снабжать его книгами. На слѣдующій день его огорченіе и жалость получили еще новую пищу.

По словамъ самого Тредіаковскаго, онъ, по возвращеніи домой, засѣлъ тотчасъ за сочиненіе заказанныхъ ему «виршей». Тутъ, "размышляя о своемъ напрасномъ безчестіи и увѣчи, онъ разсудилъ поутру пасть въ ноги его высокогерцогской свѣтлости".

Однако, и на этотъ разъ ему не повезло. Не

дождался онъ еще выхода Бирона въ «антикамеру», какъ вошелъ Волынскій. При видѣ Тредіаковскаго, явившагося, очевидно, искать противъ него защиты у временщика, Артемій Петровичъ не могъ сдержать своего горячаго нрава, снова далъ волю своимъ рукамъ, послѣ чего отправилъ бѣднягу на Слоновій дворъ, гдѣ нижніе служители сорвали съ него рубашку и "били его палкою безчеловѣчно, такъ что спина, бока и лядвеи его всѣ стали какъ уголь черный". Затѣмъ онъ былъ запертъ до утра на хлѣбъ и на воду въ «холодную», служившую обыкновенно для вытрезвленія подобранныхъ на улицѣ въ пьяномъ видѣ обитателей Слоноваго двора.

По счастью, въ описываемый день у Василя Кирилловича не оказалось тамъ товарищей, и потому никто не мѣшалъ ему исполнять возложенную на него работу. Но работа не спорилась. Подперши голову обѣими руками, онъ бормоталъ про себя всевозможныя риѣмы; потомъ вдругъ схватывалъ свое гусиное перо и скрипѣлъ имъ по бумагѣ. Но, перечитавъ вполголоса написанное, онъ сулилъ кому-то сквозь зубы чорта, зачеркивалъ ка-

кое-нибудь слово, а то и цѣлую строку, и оже-сточно грызъ бородку пера, пока не находилъ наконецъ болѣе удачнаго слова или стиха.

Вдругъ дверь за нимъ скрипнула. Онъ оглянулся. При тускломъ свѣтѣ нагорѣвшаго сальнаго огарка онъ съ трудомъ разглядѣлъ вошедшаго,

— Самсоновъ! — проворчалъ онъ, и губы его отъ озлобленія перекошились. — Тоже надъ скорбной главой поглумиться захотѣлось?

— Господь съ вами, Василій Кириллычъ! Когда же я-то глумился? — отвѣчалъ Самсоновъ, ставя на столъ передъ нимъ кружку молока и тарелку съ двумя битками. — Раньше принести, простите, не способно было: того гляди, кому-нибудь изъ господъ бы еще на глаза попался

— Такъ ты ко мнѣ самъ отъ себя?

— Да, на свой страхъ. Держать васъ здѣсь приказано вѣдь неисходно безъ выпуска; а васъ, я чай, голодъ уже пронялъ. Кушайте на здоровье!

Черстваго вообще душою стихотворца та-

кая неожиданная внимательность какъ-будто тронула.

— Ну, спасибо, другъ, сугубое на томъ мерси, — сказалъ онъ. — Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ. Въ смиренномудріи и покорствѣ судьбѣ утѣсненная добродѣтель нѣмотствуетъ; что пользы противу рожна прати? Но утѣснителя моего и персональнаго врага Немезида, рано ль, поздно-ль, не минуетъ! Надругается надъ тобой, а ты дѣлай передъ нимъ еще благоговѣйную морду! Тѣфу! тфу!

— Горячъ Артемій Петровичъ въ гнѣвѣ своемъ, точно, и крутенекъ, — сказалъ Самсоновъ, — но отходчивъ. Полно вамъ крушить себя! Вотъ какъ изготовите заказанные стихи...

— Торопокъ ты больно. Такъ сразу вотъ по заказу и изготовишь! Схватили соловья за горло: "Пой!" Чорта съ два! А въ такомъ дѣлѣ помощи и не жди.

— Да, въ чемъ другомъ, а по стихотворной части пособить вамъ я не могу. Будь тутъ въ Питерѣ господинъ Ломоносовъ...

— Типунъ тебѣ на языкъ! — вскричалъ

Тредіаковскій и, пріосанясь, свысока
оглядѣль юношу. — Ты кого это назваль?

— А господина Ломоносова, что сочинилъ
такую прекрасную оду на взятіе турецкой
крѣпости Хотина, — отвѣчалъ Самсоновъ,
забывшій уже сдѣланное ему полгода назадъ
его бывшимъ господиномъ Петромъ Шувало-
вымъ предостереженіе. — Не стихи это, а му-
зыка:

*"Что такъ тѣснитъ боязнь мой
духъ?
Хладѣютъ жилы, сердце ноетъ!
Что бьетъ за странный шумъ
мой слухъ?
Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ!
Въ пещеру скрылъ свирѣпство
звѣрь;
Небесная отверзлась дверь;
Надъ войскомъ облакъ вдругъ раз-
вился;
Блеснулъ горящимъ вдругъ лицо-
мъ;
Умытымъ кровію мечомъ
Гоня враговъ, герой открылся..."*

Нѣсколько разъ Василій Кирилловичъ по-
рывался остановить декламацію; наконецъ

онъ съ такою силой хватилъ по столу кулакомъ, что кружка съ молокомъ подпрыгнула, и часть содержимаго выплеснулась на столъ и на вирши.

— А ну его къ бѣсовой матери! Прекрати!

— Не буду, Василій Кириллычъ, не буду! — спохватился Самсоновъ. — Но ваши же вѣдь академики отправили господина Ломоносова доучиваться въ чужіе края...

— «Господина»! «господина»! Какой онъ «господинъ»? Сынъ простого рыбака, да бѣжалъ еще, не спросясь, изъ-подъ отчаго крова. Я бы его, бездѣльника и каналью, не въ чужіе края отправилъ, а въ свои же россійскіе, паче отдаленные.

— Такъ изъ него, по вашему, не выйдетъ ученаго?

— Га! Чтобы изъ смерда да вышелъ ученый? Смѣхота, да и только! Напляшутся они еще съ нимъ. И вѣдь наглость-то какая: присылаетъ и мнѣ оттуда, понимаешь: мнѣ! свою дурацкую оду; мало того: въ особомъ еще посланіи опровергаетъ мои правила стихосложенія. "За наилучшіе, — говоритъ, — велелѣпѣйшіе стихи почитаю, которые изъ

анапестовъ и хореевъ состоятъ: поднимаясь тихо вверхъ, матеріи благородство, великолѣпіе и высоту умножаютъ..." Ну, и прочая тому подобная ахиня!

"Ужъ не зависть ли тебя, батюшка, гложетъ? — пробѣжало въ головѣ у Самсонова. — Посмотримъ, каковы-то будутъ завтра твои собственныя вирши..."

— Не могу ли я вамъ, Василій Кириллычъ, еще чѣмъ служить? — спросилъ онъ вслухъ, озираясь въ убогой каморкѣ, всю обстановку которой, кромѣ некрашеннаго тесоваго стола да табурета, составлялъ грязный мѣшокъ, набитый соломой. — Больно ужъ у васъ тутъ непріютно.

— Претерпѣвый до конца — той спасется. Наговорились съ тобой — и будетъ. Спасибо, другъ, и проваливай. Печенку мнѣ только разбередилъ, эхъ!

IV. Ледяная свадьба

Въ свадебное утро, 6-го февраля, многихъ ожидало нѣкоторое разочарованіе: оказалось, что вѣнчать шута и шутиху въ дворцовой церкви (какъ предполагалось вначалѣ) признано неудобнымъ и что они сейчасъ послѣ заутрени уже повѣнчаны въ ближайшей къ Слоновому двору приходской церкви Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, въ присутствіи двухъ лишь свидѣтелей отъ маскарадной комиссіи, посаженной матри — царицыной камерфрау Юшковой, посаженнаго отца — шута Балакирева и дружка-шута Педрилло.

Зато любители невиданныхъ зрѣлищъ были вполнѣ вознаграждены свадебнымъ поѣздомъ, который, незадолго до полудня, тронулся отъ Слоноваго двора по Караванной на Невскую перспективу и къ адмиралтейству, а оттуда, черезъ Дворцовую площадь, мимо Зимняго дворца по Милліонной.

Впереди величаво шествовалъ громадный слонъ, покачивая на своей спинѣ желѣзную клѣтку, а въ клѣткѣ — празднично

разряженныхъ «молодыхъ». За слономъ тянулись непрерывной вереницей разноплеменные поѣзжане на верблюдахъ, коняхъ, оленяхъ, ослахъ, волахъ, собакахъ, козлахъ и свиньяхъ, съ принадлежащею каждому роду (какъ говорилось потомъ въ официальномъ отчетѣ) музыкаліею и разными игрушками, въ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе звѣрей и рыбъ морскихъ, а нѣкоторые въ образѣ птицъ странныхъ".

Такъ какъ окна Зимняго дворца, обращенныя на Дворцовую площадь, — стало быть, на югъ, — не обледенѣли отъ мороза, то стоявшая у одного изъ этихъ оконъ, въ свитѣ принцессы Анны Леопольдовны, Лилли Врангель могла любоваться свадебнымъ поѣздомъ на всемъ его протяженіи. Но взоры ея внимательнѣе всего останавливались на трехъ самоѣдскихъ саняхъ, запряженныхъ рогатыми бѣгунами Полярнаго круга. Когда тутъ первыя сани поравнялись съ ея окномъ, сидѣвшій въ нихъ съ своей самоѣдкой самоѣдъ поднялъ голову, какъ бы ища кого-то глазами въ рядѣ оконъ дворца, и вдругъ, въ знакъ привѣтствія, взмахнулъ своимъ

мѣховымъ треухомъ.

— Кому это онъ кланяется? — замѣтила стоявшая около Лилли Юліана.

— Конечно, намъ съ вами! — засмѣялась въ отвѣтъ Лилли, но самое ее не охватило при этомъ не бывалое волненіе: "Неужто это Гриша? Вѣдь онъ обѣщаль прокатить меня потомъ на оленяхъ... Да нѣтъ, быть не можетъ..."

Однакожь сердце ея продолжало учащенно биться.

Какъ только "національная процессія" скрылась изъ виду, императрица, а за нею и весь Дворъ спустились на главное крыльцо, чтобы сѣсть въ поданныя туда парадныя кареты. Дѣло въ томъ, что кульминаціонный пунктъ свадебнаго празднества предстояль въ бироновскомъ манежѣ. Маскарадный поѣздъ, двигаясь шагомъ среди необозримой толпы народа, взяль путь съ Милліонной на Царицынъ лугъ, обошелъ его дважды и затѣмъ черезъ Симеоновскій мостъ завернулъ уже по той сторонѣ Фонтанки къ манежу. Придворный же поѣздъ выбралъ кратчайшій путь по набережной Невы и та-

кимъ образомъ прибылъ на мѣсто еще за нѣсколько минутъ ранѣе.

Отъ одного конца манежа до другого были разставлены накрытые столы съ приборами и скамейки для «молодыхъ» и трехсотъ персонъ поѣзжанъ. Пройдя на другой конецъ манежа къ амфитеатру, государыня заняла свое трonoобразное кресло подъ балдахиномъ, а принцесса съ супругомъ, цесаревна, представители иностранныхъ державъ и всѣ придворные размѣстились кругомъ на амфитеатральныхъ сидѣньяхъ, откуда свободно можно было обозрѣть весь манежъ.

Тутъ входныя двери широко распахнулись, чтобы впустить «молодыхъ», снятыхъ со спины слона. Ожидавшій ихъ у входа съ другими членами маскарадной комиссіи Волынскій махнулъ платкомъ, — и изъ угла манежа грянулъ привѣтственный тушъ трубачей. Новобрачные, какъ пара гномовъ, приходились рослому и статному председателю комиссіи едва по поясъ, а потому по всему амфитеатру пронесся легкій смѣхъ, когда онъ съ преувеличенною почтительностью проводилъ ихъ черезъ весь манежъ на верхній ко-

нецъ ближайшаго къ амфитеатру стола и усадилъ тамъ на почетную скамью, покрытую турецкимъ ковромъ. По мѣрѣ появленія остальныхъ участниковъ маскарадной процессіи, члены комиссіи указывали имъ точно такъ же предназначенное каждому мѣсто за столами.

Глаза Лилли искали, однако, только представителей одной національности — самоѣдовъ.

"Ну, конечно, это онъ, онъ! На цѣлюю вѣдь голову выше остальныхъ, да и куда ихъ красивѣй. Какъ-то онъ станетъ ѣсть ихъ національныя кушанья, приправленныя, говорятъ, ворванью?"

Вотъ прислуживавшіе столующимъ придворные лакеи поставили передъ шестью самоѣдами и самоѣдками большую мису съ какой-то похлебкой. Самсоновъ хлебнулъ ложку, хлебнулъ другую — и скорчилъ такую гадливую гримасу, что Лилли съ трудомъ удержалась отъ громкаго смѣха.

"Но голодать же онъ не станетъ. Какъ-то онъ дальше поведетъ себя?"

А повелъ онъ себя очень практично: отнес-

ся къ сидѣвшимъ насупротивъ великорусскимъ молодымъ мужикамъ и молодкамъ, и тѣ охотно подѣлились съ нимъ своимъ обильнымъ обѣдомъ, состоявшимъ изъ щей съ ватрушками и пряженцами, изъ жареной баранины съ кашей и изъ оладьевъ, а потомъ угостили его еще и своими напитками: брагой и медомъ. Съ своей стороны Самсоновъ старался, видно, отплатить имъ забавными шуточками, потому что молодицы то-и-дѣло фыркали въ рукавъ. Лилли даже досада взяла:

"Какъ имъ съ нимъ весело! Хоть бы разъ сюда глянулъ".

Вначалѣ трапезующіе стѣснялись, должно быть, присутствія матушки-царицы и были заняты главнымъ образомъ утоленіемъ голода и жажды, къ концу же обѣда, благодаря хмѣльнымъ напиткамъ, ободрились, и весь манежъ загудѣлъ какъ улей.

Тутъ изъ боковой двери появился долговзый субъектъ въ "потѣшномъ" платьѣ и въ маскѣ. Съ подобострастными поклонами въ сторону императрицы, онъ подошелъ къ новобрачной четѣ и принялъ торжественную позу.

— Кто это чучело? — шопотомъ спрашивали другъ друга зрители на амфитеатрѣ.

Нѣкоторые же узнали его по журавлиной походкѣ.

— Да это стихотворъ де сіянсѣ Академіи Тредіаковскій!

— Но для чего онъ въ маскѣ?

— Свадьба маскарадная, такъ какъ же иначе?

— Нѣтъ, господа, лицо у него еще въ синякахъ отъ тяжелой руки Волынскаго.

— Ч-ш-ш-ш! Дайте жѣ послушать, господа.

И среди всеобщаго молчанія раздался патетически-гробовой голосъ «стихотвора», ни мало не соотвѣтствовавшій «гумористичному» содержанию его стиховъ:

— *Здравствуйте, женившись, дуракъ и дурка,
Еще ...тота и фигурка!
Теперь-то прямое время намъ веселиться,
Теперь-то всячески поѣзжанамъ
должно бѣситься.
Ну, мордва! ну, чуваша! ну,
самоѣды!
Начните веселье, молодые дѣды!*

Балалайки, гудки, рожки и волынки!

Сберяте и вы, бурлацки рынки.
Гремите, гудите, брянчите, скачите,

Шалите, кричите, пляшите!

Свящи, весна,
Свищи, красна!

Невозможно намъ имѣть лучшее время:

Спрягся ханскій сынъ, взялъ ханское племя,

Ханскій сынъ Квасникъ, Буженинова ханка,

Кому того не видно, кажетъ ихъ осанка.

О, пара!

О, не стара!

Не жить они станутъ, но зоблеть сахаръ.

И такъ надлежитъ новобрачныхъ привѣтствовать нынѣ,

Дабы они все свое время жили въ благостынѣ:

Спалось бы имъ да вралось, пилося бы да ѣлось.

Здравствуйте жъ, женившись, дуракъ и дурка,

Еще ...тота и фигурка!"

Трудно себѣ представить, чтобы эта пошлая рубленая проза могла придтись по вкусу кому-либо изъ Царской Фамиліи или придворныхъ. Но государыня въ своемъ благодушномъ настроеніи милостиво захлопала, и весь Дворъ послѣдовалъ ея примѣру. Это было хоть нѣкоторой наградой бѣдному автору за перенесенныя имъ тѣлесныя и душевныя страданія. Отвѣшивая на всѣ стороны поклонъ за поклономъ, онъ пятился назадъ бочкомъ-бочкомъ, пока не уперся въ стѣну, и затѣмъ скрылся за тою же дверью.

Обѣдъ между тѣмъ пришелъ къ концу. По знаку Волынскаго, многочисленною придворною прислугой посуда, столы и скамейки были живо убраны; подъ самымъ амфитеатромъ были поставлены для карликовъ-новобрачныхъ два дѣтскихъ креслица, и на очищенной аренѣ начались національные танцы поѣзжанъ, выступавшихъ послѣдовательно при звукахъ "музыкалій" и пѣсенъ каждой народности.

Такого разнообразнаго балета при русскомъ Дворѣ никогда еще не было видано, и каж-

дая народность поощрялась болѣе или менѣе щедрыми хлопками. Такъ дошла очередь и до самоѣдовъ.

"Ай, Гриша, Гриша! какъ-то ты теперь вывернешься?" вздохнула про себя Лилли.

Вывернулся онъ, однако, опять на диво: выдѣлывалъ сперва все то же, что и другіе самоѣды, подпрыгивалъ, присѣдалъ и кружился точно такъ же, только куда ловче и изящнѣй. Когда же тѣ окончили свой танецъ и, тяжело отдуваясь, отошли въ сторону, онъ совершенно уже экспромтомъ пустился въ русскую присядку, да такъ лихо, съ такимъ прищелкиваньемъ пальцами, гикомъ и при свистомъ, что весь амфитеатръ загремѣлъ отъ рукоплесканій и криковъ "браво!".

— Скажи-ка, Артемій Петровичъ, — обратилась императрица къ Волынскому; — неужели это тоже самоѣдъ? Лицо у него слишкомъ пригоже, да мнѣ словно бы даже знакомо.

— Ваше величество не ошиблись, — былъ отвѣтъ. — Это тотъ самый малый, Самсоновъ, буде изволите припоминть, что проштрафился на маскарадъ въ Лѣтнемъ дворцѣ, а потомъ

отличился здѣсь же, въ манежѣ.

— То-то вотъ! Но какъ же онъ попалъ въ эту національную компанію?

— Одинъ изъ самоѣдовъ, государыня, опился вечеръ до безчувствія и до сегодняшняго утра еще не протрезвился. А Самсоновъ состоялъ у меня при Слоновомъ дворѣ, подглядѣлъ, какъ они пляшутъ, и взялся замѣстить пропойцу.

— Пропойцу накажи, какъ заслужилъ, а плясуна я сама награжу: передай ему этотъ перстень.

Наступилъ третій и послѣдній фазисъ шутовскаго празднества — Ледяной домъ. «Молодые» въ своей клѣткѣ на слонѣ и сопровождающая ихъ разноплеменная свита направились туда окружнымъ путемъ по главнымъ улицамъ, чтобы дать лишній разъ обывателямъ столицы насладиться рѣдкимъ зрѣлищемъ; государыня же со всѣмъ Дворомъ свернула опять на набережную и въ нѣсколько минутъ была уже у спуска къ Ледяному дому, откуда ее привѣтствовали громогласными салютами ледяныя пушки и мортиры.

Спустились уже раннія зимнія сумерки, и только въ сторону взморья небо альло еще вечернею зарей. Но небесныя краски положительно блѣднѣли передъ огнями Ледяного дома. Изъ пастей двухъ ледяныхъ дельфиновъ вылетали фонтаны горячей нефти. Ледяной слонъ, издавая оглушительный ревъ, выпускалъ изъ хобота огненный же водометъ на высоту 3 1/2 сажень. Въ ледяныхъ пирамидахъ по сторонамъ Ледяного дома свѣтились, сквозь круглыя окна, большіе зажженные фонари съ вертящимися "смѣшными фигурами". Такія же "смѣшныя картины" просвѣчивали сквозь ледяныя стекла самого Ледяного дома.

— Ты, Артемій Петровичъ, на сей разъ пре-
взошелъ себя, — похвалила Анна Іоанновна
послѣ подробнаго осмотра всѣхъ наружныхъ
диковинъ. — Какъ-то удалось тебѣ внутрен-
нее убранство?

Обѣ комнаты Ледяного дома были уставле-
ны теперь полною домашнею утварью, кото-
рая сдѣлана была точно такъ же изъ чистаго
льда, но выкрашена "приличными натураль-
ными красками". Въ гостиной, служившей од-
новременно и столовой, находились: изящ-

ной рѣзьбы столъ, два дивана, два кресла и рѣзной поставецъ съ чайной посудой, стаканами, рюмками, блюдами. На столъ красовались большіе часы и лежали игральныя карты съ марками. По двумъ же угламъ комнаты стояли два ледяныхъ купидона съ повязанными глазами.

Въ спальнѣ, кромѣ двухспальной ледяной кровати, имѣлись ледяные же: туалетъ, два зеркала и табуретикъ. На туалетѣ горѣли намазанныя нефтью ледяные шандалы, а въ каминѣ пылали облитые нефтью же ледяныя дрова.

— Обо всемъ-то вѣдь ты позаботился, Артемій Петровичъ, одобрительно промолвилась снова императрица. — Только дрова твои мало что-то грѣютъ. Ну, да у молодыхъ супруговъ кровь горячая! — прибавила она, оглядываясь съ усмѣшкой на окружающихъ, которые не замедлили разсмѣяться надъ всемилостивѣйшей шуткой.

V. Лилли отмораживаетъ щеку

Такъ какъ отъ Ледяного дома до Зимняго дворца было, какъ говорится, рукой подать, то по отъѣздѣ царской кареты нѣкоторые изъ придворныхъ не сѣли уже въ свои кареты, а пошли пѣшкомъ. Въ числѣ послѣднихъ были также Юліана и Лилли, которыхъ проводить до дворца взялся младшій Шуваловъ. Когда они поднялись съ Невы на берегъ, то застали уже здѣсь «молодыхъ», которыхъ только-что снимали со спины слона. Тутъ же оказался и Самсоновъ со своими оленями.

— А олени уже поданы, Лизавета Романовна, — сказалъ онъ, приподнимая на головѣ свой самоѣдскій треухъ.

— Что такое, Лилли? — обратилась гоф-фрейлина, недоумѣвая, къ своей юной спутницѣ.

— Онъ обѣщаль покатать меня на оленяхъ... пролепетала Лилли.

— Та-та-та-та! — вмѣшался со смѣхомъ Шуваловъ. — Да ты, Григорій, скажи-ка по чистой совѣсти, не самъ ли и опоилъ вчера

самоѣда?

— Былъ грѣхъ, ваше благородіе, — признался Самсоновъ. — Но безъ того я не сдержалъ бы своего обѣщанія Лизаветѣ Романовнѣ...

— Дорогая Юліана! покатаемтесь вмѣстѣ? — попросила Лилли.

— Ужъ не знаю, право...

— Смѣю доложить, — вмѣшался Самсоновъ, — что мѣсто у меня въ саняхъ только для одной особы.

— А ее одну безъ себя я не пущу! — объявила Юліана.

— Но онъ же "молочный братъ", а съ братомъ какъ же не пустить? — вступился Шуваловъ.

— Да вы не бойтесь, сударыня, за Лизавету Романовну, — успокоилъ гофfreyлину съ своей стороны Самсоновъ. — Я подвезу ее потомъ въ сохранности къ самому дворцу.

Согнавъ съ саней сидѣвшую еще тамъ самоѣдку, онъ посадилъ на ея мѣсто Лилли, бережно окуталъ ей колѣна оленьимъ мѣхомъ, самъ усѣлся рядомъ и, гикнувъ на оленей по-самоѣдски, погналъ ихъ подъ отко-

съ на Неву.

— Смотри, не отморозь носа и ушей! — поспѣла только крикнуть еще вслѣдъ Юліана.

Отвѣчать Лилли не пришлось: они уже внизу, на льду, огибають вокругъ Ледяного дома и несутся во всю оленью прыть въ сторону взморья.

— Какъ хорошо, ахъ, какъ хорошо! — вырвалось изъ груди восхищенной Лилли.

Загнувъ на спину свои вѣтвистые рога, олени летѣли впередъ, какъ на крыльяхъ. Вотъ они промчались и въ пролетъ межъ двухъ плашкаутовъ Исаакіевскаго моста, и впереди открылась снѣжная рѣчная равнина. А надъ этой равниной, на самомъ горизонтѣ, тамъ, гдѣ недавно закатилось зимнее солнце, тяжелый облачный пологъ какъ по заказу раздвинулся, и на чистомъ фонѣ неба вечерняя заря, прежде чѣмъ совсѣмъ потухнуть, заиграла усиленнымъ заревомъ, заливая волшебнымъ розовымъ отблескомъ и всю бѣлоснѣжную рѣку, и оба ея берега съ домиками и опушенными снѣгомъ деревьями.

— Смотри-ка, Гриша, — заговорила Лилли: — мы точно догоняемъ солнце, сейчасъ

его догонимъ...

— И догонимъ! — отозвался Самсоновъ. Замахнувшись длиннымъ шестомъ, служившимъ. ему замѣсто бича, онъ такъ зычно гикнулъ на оленей, что тѣ еще понаждали, а сидѣвшая неподалеку стая воронъ, каркая, разлетѣлась въ стороны.

— Какъ ты напугалъ ихъ! — разсмѣялась Лилли. — А тамъ-то что за красота!

Олени вынесли ихъ уже на самое взморье, на морской просторъ. И закатъ, казалось, запылалъ еще ярче, будто и вправду покажется сейчасъ солнце. Лилли глянула на сидѣвшаго рядомъ съ нею молодого возницу: весь онъ былъ объятъ тѣмъ же огненнымъ сіяньемъ.

— Ты, Гриша, точно въ огнѣ! — сказала она. — А я, посмотри-ка?

Онъ повернулъ къ ней голову, — и въ глазахъ его отразилось то же сіянье, но какъ бы усиленное еще собственнымъ его огнемъ.

— Знаете ли, Лизавета Романовна, кто вы теперь такая?

— Кто?

— Сказочная царевна!

— А ты самъ вѣрно Иванъ-царевичъ, что

увозить меня на край свѣта?

— И увезу!

Въ голосъ его звучала такая восторженная нота, что Лилли даже жутко стало.

— Нѣтъ, Гриша, — сказала она серьезно. — Ты еще насъ опрокинешь; дай-ка мнѣ править.

Онъ непрекословно отдалъ ей возжи; но тутъ вдругъ на пунцовой отъ мороза щекъ ея онъ за мѣтилъ бѣлое пятнышко.

— У васъ щека отморожена!

Отнявъ опять у нея возжи, онъ остановилъ оленей и подалъ ей комъ снѣга.

— Вотъ потрите, да хорошенько, хорошенько!

Она принялась оттирать отмороженную щеку.

— Если бы ты зналъ, какъ это жжетъ!

— Тѣмъ лучше.

— Ну да! Вотъ посмотри: прошло или нѣтъ?

— Прошло, — отвѣчалъ онъ — и, точно на него нашло затмѣніе ума, губы его прикоснулись къ ея щекѣ.

Лилли съ крикомъ выскочила изъ саней и

быстрыми шагами пошла обратно въ сторону Петербурга. Не сдѣлала она, однако, и двадцати шаговъ, какъ Самсоновъ въ саняхъ нагналъ уже ее и поѣхалъ рядомъ.

— Простите, Лизавета Романовна, меня окаяннаго! — умолялъ онъ раскаяннымъ тономъ. — Сами вы вѣдь назвали меня Ивановъ-царевичемъ... Словно необоримая сила туть меня толкнула... Ну, простите! До Петербурга вѣдь еще верстъ пять...

Она, не отвѣчая, ускорила только шаги.

— Ну, будьте умненькой, сядьте! — продолжалъ онъ. — Я самъ, повѣрьте, еще больше васъ терзаюсь. До города я ни разу на васъ глазъ не подниму, ни словомъ не промолвлюсь. Все равно вѣдь не дойдете и въ пути еще замерзнете.

Послѣдній аргументъ былъ настолько убѣдителенъ, что она, попрежнему не удостоивая его отвѣта, рѣшилась, однако, състь, дала и обложить себѣ опять ноги теплымъ оленьимъ мѣхомъ.

Не слыша уже ни гика, ни свиста, олени затрусили мелкой рысцой. Самсоновъ еле шевелилъ возжами, а Лилли уткнулась лицомъ

въ свою муфту. Вся зимняя картина кругомъ разомъ перемѣнилась. Отъ догорающаго заката они повернули обратно къ сумеречной тьмѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ глубже погружались въ эту безпросвѣтную тьму. Потухло совершенно и свѣтлорадостное возбужденіе на душѣ у Лилли, но гнѣвъ ея также остылъ и уступилъ мѣсто болѣе спокойному разсужденію:

"Назвала его Иваномъ-царевичемъ, а онъ сей часъ и вообразилъ ужъ... Вотъ глупый-то! Подѣломъ вору и мука."

Вдали замелькали огоньки Петербурга, а немного погодя на вспыхивающемъ горящею нефтью фонѣ Ледяного дома вырисовался и темный силуэтъ Исаакіевскаго моста. Мысли Лилли невольно перенеслись къ новобрачнымъ въ Ледяномъ домѣ, и сердечко ея наполнилось жалостью.

— А вѣдь карлики-то до утра тамъ, пожалуй, замерзнуть! — проговорила она вслухъ. — Не отдать ли имъ эту оленью шкуру? Она очень грѣетъ...

Самсоновъ издалъ въ отвѣтъ только какой-то нечленораздѣльный звукъ.

— Ты что тамъ бурчишь?

Тотъ же глухой звукъ.

— Что у тебя языкъ во рту примерзъ?

— Я, Лизавета Романовна, вѣдь обѣщался молчать... Все вотъ думаю, не придумаю, чѣмъ бы мнѣ откупиться... Знаю! Я брошу здѣсь перстень, что пожаловала мнѣ нынче государыня.

Онъ снялъ перчатку съ правой руки и взялся уже за перстень, какъ оказалось, съ огромнымъ рубиномъ, окруженнымъ бриллиантками.

— Не смѣй! — остановила его Лилли. — Ты долженъ особенно дорожить этимъ подаркомъ.

— Но вину мою вы мнѣ такъ и не отпустите?

— И не жди! И на глаза мнѣ ужъ не показывайся!

— Помилосердитесь! Назначьте хоть какой-нибудь срокъ.

— Хорошо, — смилостивилась она: — сегодня 6-е февраля? Такъ ровно черезъ годъ въ этотъ самый день ты можешь явиться ко мнѣ во дворецъ.

— Лизавета Романовна! черезъ полгода?

— Сказано разъ: черезъ годъ, такъ тому и быть. А вотъ уже и Ледяной домъ. Ты не забудешь отдать карликамъ эту полость?

— При васъ же ее отдамъ.

Окликнувъ стоявшаго у ледяныхъ воротъ часового, Самсоновъ передалъ ему отъ имени будто бы Волынскаго, оленью шкуру для новобрачныхъ а повезъ затѣмъ Лилли далѣе до самаго дворца. Когда тутъ сани остановились у бокового крыльца, Лилли сошла съ саней со словами:

— Итакъ до 6-го февраля будущаго года.

Она ожидала, что онъ еще разъ повторитъ свою просьбу, и тогда, быть можетъ... Но онъ пожелалъ ей только на прощанье упавшимъ голосомъ:

— Храни васъ Богъ!

Такъ закончился для нихъ памятный день ледяной свадьбы карликовъ,

Что касается самихъ новобрачныхъ, то на другое утро ихъ нашли въ Ледяномъ ихъ домъ въ полуобморочномъ состояніи, прижавшись другъ къ дружкѣ, около потухшаго ледяного камина, и если въ нихъ теплилась еще

искра жизни, то благодаря лишь покрывавшей ихъ теплой оленьей шкурѣ.

Быль еще одинъ страдалецъ, долго помнившій ледяную свадьбу, — Василій Кирилловичъ Тредіаковскій. Но свою обиду онъ на этотъ разъ не перенесъ уже молча, а вошелъ съ челобитной къ своему главному начальнику, президенту Академіи Наукъ, барону Корфу. Корфъ съ своей стороны откомандировалъ къ жалобщику академика-доктора Дювернуа, и тотъ донесъ, что... "на квартиру къ помянутому Тредіаковскому ходилъ, который, лежа на постели, казалъ мнѣ знаки битья на своемъ тѣлѣ. Спина была у него въ тѣ поры вся избита отъ самыхъ плечъ дале поясницы; да у него жъ подъ лѣвымъ глазомъ было подбито и пластыремъ залѣплено. Для предостереженія отъ загнитія велѣлъ я ему спину припарками и пластырями укладывать, чѣмъ онъ чрезъ нѣсколько дней и вылѣчился"...

Этимъ донесеніемъ до поры до времени и ограничилось участіе академическаго начальства къ своему злосчастному секретарю: обидчикъ его, первый кабинетъ-министръ,

быль еще въ слишкомъ большомъ фаворѣ у императрицы. Самъ Василій Кирилловичъ, однако, не стерпѣлъ и забѣжалъ съ задняго крыльца еще къ Бирону, а этому его жалоба послужила желаннымъ оружіемъ, чтобы погубить наконецъ своего ненавистнаго соперника.

VI. Арестъ Волынскаго

Вторая половина Масляной недѣли 1740 г. была посвящена празднованію мира съ Турціей: послѣ чтенія герольдами на площадяхъ мирнаго договора, съ бросаніемъ въ народъ золотыхъ и серебряныхъ жетоновъ, слѣдовали: молебствія, разводы съ пушечной пальбой, во дворцѣ маскарадъ — для купечества, а на Дворцовой площади жареные быки съ фонтанами краснаго и бѣлаго вина — для народа, которому царица съ балкона бросала также горстями деньги; по вечерамъ же ежедневно фейерверкъ и иллюминація (на которую, сказать въ скобкахъ, по счетамъ придворной конторы, было отпущено отъ Двора одного говяжьего сала 550 пудовъ). Для обывателей это былъ пестрый калейдоскопъ

непрерывныхъ увеселеній, для придворныхъ же чиновъ, какъ доводится, посыпались еще, какъ изъ рога изобилія, щедрыя пожалованія. Въ числѣ пожалованныхъ не былъ забытъ и предсѣдатель маскарадной комиссіи, Волынскій, удостоенный денежной награды въ 20 тысячъ рублей.

За этимъ наступило затишье Великаго поста, — для Артемія Петровича — затишье передъ бурей. По поводу требованія саксонско-польскимъ правительствомъ возмѣщенія ему убытковъ отъ прохожденія русскихъ войскъ чрезъ Польшу во время войны съ турками, онъ не воздержался указать императрицѣ на чрезмѣрную расточительность Двора, особенно безконтрольные расходы герцога курляндскаго, истощающіе и безъ того скудные ресурсы казны.

— Будеть! — сухо оборвала его Анна Іоанновна. — Твоими трудами, Артемій Петровичъ, по свадьбѣ карликовъ я много довольна и не обошла тебя наградой...

— За что я имѣлъ уже счастье принести вашему величеству мою всенижайшую благодарность, — подхватилъ Волынскій. — Но

горько мнѣ, государыня, отдавать моихъ русскихъ братьевъ чужеземцамъ на утѣсненіе...

— Ты опять свое! Не гоже намъ твои рѣчи слушать. Языкъ у тебя — острая бритва. Берегись, какъ бы тебѣ зря самому не порѣзаться!

Послѣ этого въ обращеніи съ нимъ государыни Артемій Петровичъ не могъ уже не замѣтить нѣкотораго охлажденія; а чрезвычайно чуткая ко всякимъ такимъ симптомамъ высочайшей немилости вельможная знать не замедлила съ своей стороны использовать эту немилость. Записной придворный остроумецъ князь Куракинъ, обѣдая разъ во дворцѣ вмѣстѣ съ Бирономъ и другими приближенными царицы, сталъ восхвалять ея царствованіе, столь же славное-де, какъ и царствованіе царя Петра Алексѣевича.

— Въ одномъ лишь ваше величество ему уступаете, — добавилъ онъ со вздохомъ, — въ одномъ!

— Въ чемъ же это? — спросила Анна Іоанновна.

— Царь Петръ зналъ господина Волынскаго за такія дѣла, что накинулъ ему уже веревку на шею, а ваше величество по мягкости

сердечной вотъ уже десять лѣтъ не имѣете духу затянуть петлю.

Острота, не смотря на ея грубость, вызвала на губахъ государыни улыбку; Биронъ же съ громкимъ смѣхомъ чокнулся съ острословомъ — и всѣ близидящіе не преминули сдѣлать тоже.

Нашлись, понятно, добрые люди, которые довели объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія Волынскаго. Терпѣніе крайне самолюбиваго государственнаго мужа наконецъ лопнуло. Цѣлую ночь до утра просидѣвъ со своимъ секретаремъ Эйхлеромъ за письменнымъ столомъ, онъ услалъ секретаря спать и кликнулъ Самсонова.

— Вотъ что, Григорій, — сказалъ онъ: — могу я довѣриться тебѣ? Ты не выдашь моей тайны?

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство! — воскликнулъ Самсоновъ. — Всякая тайна ваша въ груди у меня какъ огонь въ кремнѣ скрыта. Лучше я дамъ руку на отсѣченіе...

— Ну, рука-то твоя мнѣ и нужна. Почеркъ у Эйхлера нечеткій, а у тебя весьма даже изряд-

ный. Такъ вотъ у меня, видишь ли, изготовлено секретное доношеніе государынѣ императрицѣ, о коемъ, окромѣ тебя да Эйхлера, ни одна душа человѣческая не должна до времени знать, чтобы не пошло въ огласку; поняль?

— Поняль-съ.

— Возьми же сіе и перебѣли возможно чище на царской бумагѣ,

Взялъ Самсоновъ "доношеніе", сталъ его перебѣлять; но чѣмъ далѣе писалъ онъ, тѣмъ тревожнѣе становилось у него на душѣ; а когда дописалъ до конца, то тяжелымъ предчувствіемъ, какъ желѣзными тисками, грудь ему сдавило: въ докладной запискѣ своей Артемій Петровичъ открывалъ государынѣ глаза, безъ всякой уже утайки, на цѣлый рядъ возмутительныхъ жестокостей и злоупотребленій временщика-курляндца, который въ концѣ концовъ должны были возстановить и противъ нея, государыни, любящей ее русскій народъ.

Самсоновъ рѣшился подѣлиться своими опасеніями съ Эйхлеромъ; но тотъ прервалъ его:

— Да ты не видишь, что ли, что дѣло идетъ здѣсь о пресѣченіи непорядковъ?

— Какъ не видѣть. Но, неровѣнь часъ, государыня осерчаетъ. Все это можно бы сказать помягче, просить, а не требовать.

— Гдѣ надо просить, тамъ не требуютъ, а гдѣ надо требовать, тамъ не просятъ!

— И удостоится ли еще записка воззрѣнія государыни? Отведутъ ей очи...

— Самъ Артемій Петровичъ, я думаю, гораздо лучше насъ съ тобою знаетъ, что дѣлать, а мы только его исполнители.

Опасенія Самсонова, однако, оказались не напрасными. "Секретное доношеніе" Волынскаго было передано императрицею самому Бирону для представленія своихъ объясненій, а тотъ категорически заявилъ, что считаетъ ниже своего герцогскаго достоинства оправдываться отъ злостныхъ извѣтовъ чловѣка, который осмѣлился нанести побои секретарю Академіи Наукъ Тредіаковскому въ императорскомъ дворцѣ, въ собственныхъ его, герцога, покояхъ и тѣмъ выказалъ неуваженіе къ особѣ самой государыни.

— Служить вмѣстѣ съ Волынскимъ я долѣе

не могу! — заключилъ герцогъ. — Либо онъ, либо я!

Разсказывали, что Анна Іоанновна никакъ сперва не соглашалась пожертвовать Волынскимъ, проливала слезы, но что Биронъ стоялъ на своемъ. И вотъ Волынскому было прислано изъ дворца официальное извѣщеніе, что ея величеству до времени не благоугодно видѣть его при Дворѣ.

— Ну, что я вамъ говорилъ, Артемій Петровичъ! — не удержался тутъ замѣтить ему Эйхлеръ. — При Дворѣ слагаются теперь про васъ уже всякія небылицы: что вы бунтовщикъ и конспираторъ, что и башкирскіе-то бунты, и поджоги въ разныхъ мѣстахъ не обошлись безъ вашихъ наущеній.

Волынскій горько улыбнулся.

— Еще бы! — сказалъ онъ: — Теперь я и злодѣй, и разбойникъ, потому что этому курляндцу надо, во что бы то ни стало, стереть меня съ лица земли. Не даромъ вспомнишь поговорку Разумовскаго: Не говори: "топъ!", пока не перескочишь.

Настало Свѣтлое Христово Воскресенье. Все населеніе столицы встрѣтило его радост-

но на за утренѣ при перезвонѣ колоколовъ. Одинъ только первый кабинетъ-министръ съ своими малолѣтками-дѣтьми да немногими изъ самыхъ преданныхъ ему слугъ сидѣлъ у себя въ четырехъ стѣнахъ. А когда поутру явился къ нему Эйхлеръ поздравить съ Свѣтлымъ Праздникомъ, Артемій Петровичъ поникъ головой и угнетенно промолвилъ:

— Господь Богъ знаетъ и всѣ дурныя мои, и всѣ добрыя дѣла. Да будетъ же надо мною Его святая воля! Но недруги мои, я чую, ищутъ теперь только претекста, чтобы довести меня до плахи.

Предчувствіе его не обмануло. Въ конюшенной конторѣ выкопали старое дѣло, изъ котораго усматривалось, что два года назадъ изъ этой конторы были отпущены 500 руб. дворецкому Волынскаго, Василью Кубанцу, на "партикулярная нужды" его господина. Тотчасъ послѣдовалъ указъ объ арестѣ Кубанца. Подвергнутый начальникомъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, генераломъ Ушаковымъ, "пристрастному допросу", калмыкъ повѣдалъ о таинственныхъ собраніяхъ въ домѣ Волынскаго, съ цѣлью будто бы

ниспроверженія престола, а кстати наплелъ на своего благодѣтеля и всевозможныя другія провинности, начиная съ того времени, когда тотъ былъ еще губернаторомъ въ Астрахани, гдѣ обиралъ будто бы и праваго, и виноватаго, похитилъ даже будто бы изъ монастыря драгоцѣнную ризу, украшенную жемчугомъ и самоцвѣтными каменьями, стоимостью свыше 100 тысячъ рублей. Этихъ голословныхъ показаній выкреста-татарина оказалось совершенно достаточно, чтобы объявить Волынскому и остальнымъ «заговорщикамъ» домашній арестъ и нарядить надъ ними слѣдственную комиссію. Едва только успѣлъ Артемій Петровичъ сжечь въ каминѣ наиболѣе компрометирующія бумаги, какъ къ нему нагрянули чины отъ "запличнаго мастера" (какъ называли тогда лютаго генерала Ушакова) и опечатали все, что еще не было сожжено. Вслѣдъ затѣмъ начались допросы Волынскаго и его сообщниковъ, а 18-го апрѣля домашній арестъ былъ распространенъ и на всѣхъ его домочадцевъ. Возвратясь опять подъ вечеръ съ такого допроса (разумѣется, подъ конвоемъ), онъ позвалъ къ

себѣ Самсонова.

— Ну, Григорій, — объявилъ онъ, — намъ придется съ тобой распроститься и, думаю, ужъ навсегда.

— Но за что, сударь, такая немилость?! — воскликнулъ Самсоновъ. — Чѣмъ я это заслужилъ?..

— Напротивъ, — отвѣчалъ Артемій Петровичъ: — тобой я какъ нельзя болѣе доволенъ и потому не хотѣлъ бы губить тебя вмѣстѣ съ собой. Покамѣстъ ты ничѣмъ еще не опорочень, а я (онъ мрачно усмѣхнулся), я — государственный преступникъ! Но и тебя, совсѣмъ ужъ безвиннаго, мои злодѣи могутъ притянуть къ отвѣту: вѣдь послѣдняя моя докладная записка государынѣ перебѣлена твоей рукой. Сегодня меня допытывали, кто ее переписывалъ. Я отвѣчалъ, что самъ. Мнѣ, понятно, не повѣрили: мой почеркъ имъ слишкомъ хорошо извѣстенъ.

— Но они должны же понимать, что вы хотѣли одного добра...

— Видитъ Богъ, что такъ, да не задалось! Имъ-то развѣ нужно добро? Злой человекъ — врагъ добра. Имъ надо было утопить меня въ

болотѣ — и утопятъ; самъ себя за чубъ уже не вытацишь! Теперь мнѣ осталось одно — выдержать до конца. Ты же еще молодъ, и путь въ тебѣ, я чаю, будетъ. Посему тебѣ надо спастись, и теперь же.

Глаза Самсонова наполнились слезами.

— Нѣтъ, Артемій Петровичъ, — сказалъ онъ:— простите, что я прямо васъ такъ называю, — въ бѣдѣ я васъ уже не покину; пусть они дѣлаютъ со мной тоже, что хотятъ...

— Эхъ, милый ты человекъ! Мнѣ-то ты этимъ вѣдь ни чуть не поможешь. Меня все равно возьмутъ въ застѣнокъ, а изъ застѣнка одна дорога — подъ топоръ.

Волоса у Самсонова отъ ужаса шевельнулись на головѣ.

— Да быть этого не можетъ! — въ отчаяннѣйскій вопль вскричалъ онъ. — Вѣдь государыня же знаетъ, какъ вы ей преданы...

— Жалуешь царя, да не жалуешь псаря. А теперь я и ея величества благопріятства лишился. Умѣлъ я жить — сумѣю и умереть. Тебѣ же быть щитомъ я уже не могу, и оставаться тебѣ у меня нельзя ни одного часу. Какъ бы вотъ тебѣ только выбратъся изъ дома: у

всѣхъ выходовъ карауль поставленъ.

— Какъ-нибудь да выберусь, это ужъ моя забота... — пробормоталь со вздохомъ Самсоновъ. — Но не могу ли я что сдѣлать, если не для васъ самихъ, то хоть бы для вашихъ дѣтокъ? Когда васъ (не дай Богъ!) уже не станетъ, кому пещись о сироткахъ? Не дадите ль вы мнѣ отъ себя къ кому-либо записочку...

— Спасибо, любезный, за добрую мысль. Пстой-ка, дай пораздумать...

Склонившись головой на руку, Волынскій погрузился въ думу.

— Да! никого другого въ виду нѣтъ, — заговорилъ онъ снова. — Самые близкіе мнѣ люди всѣ сидятъ точно такъ же ужъ подъ арестомъ. За другими единомышленниками моими, я увѣренъ, установленъ тоже строгій надзоръ, да и сами они отъ тебя теперь, пожалуй, открестятся. Есть въ Петербургѣ одинъ только человекъ, очень сильный и внѣ всякихъ подозрѣній: это — фельдмаршалъ графъ Минихъ. Онъ хоть и изъ нѣмцевъ, но не клевететь Бирона и служить русскому престолу вѣрой и правдой. Со мной онъ всегда тоже ладиль, и исполнить, уповаю, мою предсмерт-

ную просьбу: не оставить моихъ малютокъ.

Взявъ перо и бумагу, Волынскій сталъ писать. Дописавъ, онъ вложилъ записку въ конвертъ, запечаталъ и отдалъ Самсонову.

— Въ письмѣ къ фельдмаршалу я кстати помянулъ и о тебѣ, - сказалъ онъ: — лучшаго покровителя тебѣ не найти; а такъ какъ обыска у него, навѣрно, не будетъ, то въ домъ его ты какъ у Христа за пазухой.

— Премного благодарень, сударь! Но не во гнѣвъ спросить: чѣмъ я буду у него? такимъ же крѣпостнымъ человѣкомъ?

— Пишу я ему, что самъ бы далъ тебѣ сейчасъ вольную, но что это тебѣ ни къ чему бы не послужило: тебя все равно забрали бы въ тайную канцелярію и — аминь! Такъ вотъ я передаю тебя на собственное его усмотрѣніе: что онъ порѣшитъ съ тобой, то и благо. Корыстолюбивъ онъ (что грѣха таить!), зѣло жаденъ къ деньгамъ (у кого нѣтъ своей слабости!), но не криводушенъ и справедливъ. Самъ ты только служи ему такъ же честно, какъ мнѣ, - и онъ тебя, вѣрно, не обидитъ. Ну, а теперь простимся...

Когда тутъ Самсоновъ припаль губами къ

протянутой ему рукѣ, Артемій Петровичъ наклонился надъ нимъ и поцѣловалъ его въ голову.

— Дай Богъ тебѣ всякаго успѣха, а меня не поминай лихомъ!

Это были послѣднія слова, которыя слышалъ въ своей жизни Самсоновъ изъ устъ великаго патріота, заранѣе уже обреченнаго на позорную смерть.

VII. Скачка съ препятствіями

Въ настоящее еще время существуетъ въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ Невскаго проспекта Волынскій переулокъ названный такъ при Аннѣ Іоанновнѣ по ея первомъ министрѣ. Проходитъ этотъ переулокъ, параллельно Невскому, отъ рѣки Мойки до большой Конюшенной, и все пространство по правую его сторону принадлежало нѣкогда Артемію Петровичу Волынскому. Главное зданіе, въ которомъ жилъ самъ Волынскій, выходило на Конюшенную; надворныя же строенія тянулись до самой Мойки; причемъ незанятыя постройки промежутки вдоль переулка отдѣлялись отъ него высокимъ дос-

чатымъ заборомъ. Въ заборъ имѣлись двѣ калитки; но передъ каждой изъ нихъ во дворѣ расхаживаль часовой съ ружьемъ; а по перелуку взадъ и впередъ разъѣзжалъ конный жандармъ. Такимъ образомъ, всякая попытка Самсонова перелѣзть черезъ заборъ была бы, по всей вѣроятности, замѣчена часовыми, а жандармъ не преминулъ бы тотчасъ нагнать бѣглеца. Приходилось пуститься на уловку — отвлечь вниманіе часовыхъ и завладѣть лошадью жандарма.

Взявъ изъ поставца въ столовой полный штофъ тройной водки и чарку, Самсоновъ спустился во дворъ и направился къ одной изъ калитокъ.

— Ты куда? — гаркнулъ на него часовой. — Назадъ!

— А ты, братъ, знать, раскольникъ? — спросилъ Самсоновъ. — Вина не уважаешь?

— Да это у тебя нешто вино?

— Нѣтъ, молоко... отъ бѣшеной коровы. Артемій Петровичъ у насъ душа-человѣкъ: видитъ, что съ утра тутъ добрые люди подъ ружьемъ маются; какъ не подкрѣпить этакимъ молочкомъ?

— Эй, Орѣшкинъ! — окликнулъ часовой своего товарища. — Подъ-ка сюда.

Когда Самсоновъ налилъ первому полную чарку, тотъ перекрестился размашистымъ крестомъ; "Господи, благослови!" и опорожнилъ чарку. Но тройная была, видно, очень ужъ забористая: онъ такъ и остался стоять съ открытымъ ртомъ, какъ галченочъ.

— Подлинно отъ бѣшеной коровы... — промолвился онъ наконецъ. — Индо духъ захватило.

— Эхъ ты! — презрительно замѣтилъ ему подошедшій товарищъ и, принявъ отъ Самсонова свою чарку, привычнымъ взмахомъ опрокинулъ ее въ глотку, послѣ чего только причмокнулъ и крякнулъ. — А знатное пойло! Ну-ка, миляга, еще на другую ножку.

— Да сколько васъ всѣхъ-то тутъ будетъ? — спросилъ Самсоновъ.

— Опречь насъ двоихъ, у заднихъ воротъ на рѣчку еще двое, да конный стражникъ, жандаръ.

— Ну, вотъ. А потомъ одинъ никакъ еще тутъ по переулку разъѣзжаетъ?

— Этотъ то зарокъ даль не пить.

— Что такъ?

— Крѣпко тоже хмѣлемъ зашибался; да послѣ зароку капли въ ротъ не беретъ. Лучше и не подходи, — изругаетъ.

"Этотъ путь, стало быть, отрѣзанъ! — сказалъ себѣ Самсоновъ. — Черезъ главное крыльцо на Конюшенную тоже не выбратъся: въ швейцарской — полицейскій офицеръ, на крыльцѣ — двое часовыхъ, а на улицѣ — конный стражникъ. Остается одинъ выходъ — черезъ заднія ворота".

— Ну, что жъ, — произнесъ онъ вслухъ: — коли такъ, то, пожалуй, угощу васъ еще по второй.

Угостивъ того и другого, онъ пошелъ къ заднимъ воротамъ. Ворота были заперты; калитка въ нихъ плотно притворена. Приставленные здѣсь два караульныхъ встрѣтили Самсонова сперва не менѣе сурово, какъ и ихъ товарищи во дворѣ, но излюбленный народный напитокъ сдѣлалъ ихъ также стоворчивѣе. Гарцовавшій передъ воротами жандармъ равнымъ образомъ не отказался отъ доброй чарки. Но Самсоновъ объявилъ, что за калитку къ нему не выйдетъ: не прика-

зано, молъ, такъ и шагу туда не ступить.

— Стану я изъ-за тебя слѣзать съ коня! — заворчалъ жандармъ.

— Твое дѣло, — отвѣчалъ Самсоновъ. — Сиди себѣ да облизывайся; а винцо-то за рѣдкость, прямо съ господскаго стола.

— Что и говорить! — подтвердилъ одинъ изъ караульныхъ: — въ жисть такого не пивалъ: все нутро ожгло! Дай-ка-сь, я ему поднесу.

— Какъ же! Самъ, небось, и выпьешь? Нѣтъ, пускай слѣзаетъ; изъ моихъ рукъ и приметъ.

Забранился опять жандармъ, однакожь спѣшилъ и вошелъ къ другимъ подъ ворота, оставивъ калитку за собой полуотворенной.

— Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, дяденька, — сказалъ Самсоновъ, съ поклономъ подавая ему штофъ и чарку: — угощай себя ужъ самъ, сколько душа требуетъ. Да съ плеткой тебѣ не способно; дай ка-сь, я подержу, прибавилъ онъ, отнимая у него плетку.

Оба караульные жадными глазами слѣдили за тѣмъ, какъ «дяденька» наливаетъ себѣ свою порцію, и одинъ его еще предосте-

регъ:

— Да ты осторожнѣй! половину даромъ разольешь.

Самсонова всѣ трое хватились только тогда, когда онъ юркнулъ въ калитку и захлопнулъ ее за собой. Когда они тутъ, одинъ за другимъ, выскочили также на улицу (жандармъ еще со штофомъ въ одной рукѣ, съ чаркой въ другой), Самсоновъ верхомъ на жандармской лошади скакалъ уже къ Зеленому (теперь Полицейскому) мосту. Сзади его грянулъ выстрѣлъ, мимо уха его просвистѣла пуля. Онъ и не оглянулся. Но у самага моста ему волей-неволей пришлось осадить лошадь: по Невской перспективѣ, поперекъ его пути, тянулась похоронная процессія.

Похороны были богатая и притомъ иновѣрческія: впереди, въ черныхъ одѣяніяхъ, шли факелбщики, съ пылающими факелами; за ними на дрогахъ, запряженныяхъ шестеркой парныхъ лошадей въ черныхъ попонахъ и съ наголовниками изъ черныхъ страусовыхъ перьевъ, слѣдовалъ обитый чернымъ сукномъ гробъ, безъ покрова, но зато весь покрытый пальмовыми вѣтками и рос-

кошными вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ. Надъ гробомъ покачивался черный балдахинъ съ пучками черныхъ страусовыхъ перьевъ по угламъ. За дрогами выступалъ пасторъ въ черномъ бархатномъ "беретѣ" и черномъ "таларѣ"; за нимъ — толпа дамъ и мужчинъ, дамы — въ глубокомъ траурѣ съ развѣвающимися креповыми вуалями, мужчины — съ креповыми же повязками на шляпахъ и лѣвомъ рукавѣ. За пѣшеходами виднѣлся еще цѣлый рядъ пустыхъ каретъ. Процессія двигалась торжественно-медленно около самой панели, а на мосту — около перилъ. Самсоновъ снялъ картузь и набожно перекрестился.

Вдругъ за спиной его раздался конскій топотъ. Онъ обернулся: къ нему мчался конный жандармъ, очевидно, тотъ, что развѣзжалъ по переулку. Гдѣ ужъ тутъ переждать! Скачи да кричи...

— Гей, поберегись! поберегись! Дорогу!

Визгъ дамъ и ропотъ мужчинъ. Но дорогу-таки дали, Самсоновъ пустился вскачь черезъ перспективу по берегу Мьи (Мойки) къ Бѣлому (теперь Красному) мосту.

И снова позади его гремятъ по булыжной мостовой кованныя копыта: жандармъ, по его примѣру, не постѣснился нарушить погребальное шествіе, чтобы нагнать его во что бы то ни стало.

Въ настоящее время по лѣвому берегу Мойки, отъ Полицейскаго до Краснаго моста, кромѣ углового — у Невскаго — дома графа Строганова, стоятъ одни лишь казенныя зданія (Николаевскаго сиротскаго института, Воспитательнаго Дома и Училища глухонѣмыхъ). Въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія здѣсь были дачи разныхъ вельможъ, между прочимъ, также и оберъ-гофмаршала графа Лёвенвольде. Только-что Самсоновъ поравнялся съ воротами графской дачи, какъ оттуда показалась пара кровныхъ рысаковъ съ каретой. Отъ налетѣвшаго на нихъ вихремъ всадника рысаки шарахнулись въ сторону, и всадникъ проскочилъ мимо, провожаемый проклятіями пузатаго кучера. Жандармъ же подоспѣлъ только тогда, когда кучеръ выѣхалъ уже совсѣмъ изъ воротъ и сталъ заворачивать лошадей въ сторону Невскаго, совершенно загораживая такимъ образомъ

путь по узкой набережной Мойки. Вслѣдствіе этой задержки, преслѣдователь отсталъ отъ преслѣдуемаго на лишнюю сотню шаговъ. Когда первый миновалъ только бѣлый мостъ, второй приближался уже къ слѣдующему — Синему.

— Держи его, держи! — неумолчно доносился вслѣдъ ему зычный ревъ жандарма.

И нашелся человекъ, внявшій этому кличу, — ражій дворникъ, сгребавшій передъ однимъ домомъ въ кучу накопившуюся за зиму грязь. Съ поднятой въ рукахъ лопатой онъ выступилъ на середину улицы. Но Самсоновъ съ налету сшибъ его съ ногъ, а самъ полетѣлъ далѣе.

Вотъ и Синій мостъ. Тутъ только бѣглець нашъ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что цѣль его вѣдь — фельдмаршалъ Минихъ. Домъ фельдмаршала былъ на Васильевскомъ острову, по набережной большой Невы, между 11-й и 12-й Линіями (гдѣ теперь Морской корпусъ). Единственнымъ же сообщеніемъ съ Васильевскимъ островомъ служилъ тогда Исаакіевскій мостъ между сенатомъ и адмиралтействомъ, напротивъ церкви Исаакія

далматскаго. Стало быть, туда!

На широкомъ пространствѣ отъ Синяго моста до Исаакіевскаго былъ для скачущаго полный просторъ. Такъ какъ, однако, Исаакіевскій мостъ былъ построенъ недавно — въ 1727 году, — то для возмѣщенія произведенныхъ на него расходовъ существовалъ еще такъ-называемый "мостовой сборъ", и всѣ переѣзжающіе или переходящіе черезъ мостъ должны были вносить мостовому сборщику установленную лепту, становясь для этого въ очередь. Самсоновъ дожидаться, понятно, не сталъ и не въ очередь прорвался на мостъ. Сборщикъ кричалъ вслѣдъ ему что-то; но онъ летѣлъ впередъ безъ оглядки, безъ устали работая плеткой, потому что за нимъ по деревянной настилкѣ моста стучали уже копыта жандармскаго скакуна.

Недалеко отъ конца моста встрѣтилось новое препятствіе: навстрѣчу ѣхали, обгоняя другъ друга, два лихача-извозчика, а на островѣ, очевидно — на биржевую таможду, тянулся обозъ нагруженныхъ ломовыхъ подводъ. Произошла нѣкоторая заминка.

— Задержите его, ребята! — вопилъ ломо-

викамъ жандармъ.

— Эвона! Такъ для тебя и задержимъ! —
быль ему отвѣтъ. — Скачи, малый, улепеты-
вай!

Сейчасъ вотъ и конецъ мосту; но на углу —
будка, а передъ будкой — будочникъ съ але-
бардой. Завидѣвъ скачущихъ другъ за друго-
мъ Самсонова и жандарма, онъ выбѣжалъ
впередъ и протянулъ передъ первымъ свою
алебарду въ видъ рогатки.

— Стой!

Самсоновъ стегнулъ свою измученную
уже лошадь со всего маху и гикнулъ. Какъ
окрыленная, она всѣми четырьмя ногами
взвилась на воздухъ. Но будочникъ еще выше
поднялъ алебарду. Лошадь задѣла за нее зад-
ними копытами, перекувырнулась, да такъ и
осталась лежать, придавивъ собой одну ногу
всадника.

"Пропаль! — рѣшилъ про себя Самсоно-
въ. — Притвориться развѣ мертвымъ?"

— Эй, ты, долголь еще лежать-то бу-
дешь? — окликнулъ его жандармъ.

— Знать, шибко убился, до обумертвія, —
подалъ голосъ будочникъ. — Да и лошадь,

вишь, на него навалилась.

— Такъ подыми ее, за хвостъ-то.

Сталь будочникъ тащить ее за хвостъ.

— Ну, ну, вставай, что ли!

Лошадь сдѣлала попытку приподняться, но опять повалилась.

— Да ты бы въ бокъ ее лебардой! — командоваль жандармъ.

Алебарда подѣйствовала: послѣ новаго усилия лошадь поднялась на ноги, но дрожала еще всѣми членами.

— Эхъ, эхъ! и колѣна-то себѣ какъ отшибла! — замѣтилъ будочникъ. — А бѣгунокъ твой все еще безъ памяти.

— Такъ растолкай его!

Сталь будочникъ расталкивать "бѣгунка", но тотъ по-прежнему не подаваль и признаковъ жизни.

— Нѣтъ, какъ есть мертвое тѣло!

— Эка служба каторжная! — пробурчаль жандармъ, нехотя слѣзая наземь.

Но едва только онъ подошелъ къ "мертвому тѣлу", какъ тѣло ожило, схватило его за обѣ ноги, и самъ онъ растянулся на землѣ. Въ тотъ же мигъ Самсоновъ вскочилъ на ноги

и — на собственную лошадь жандарма.

— Вотъ такъ такъ! Ай, молодецъ! Ха, ха! — раскатисто загрохотали ломовики, свидѣтели всей этой сцены. — Ну-ка, лови его теперь, лови!

Пока ошеломленный жандармъ пришелъ въ себя да собрался нагонять бѣглеца на оставленной ему чужой лошади, съ трудомъ передвигавшей свои разбитыя ноги, — того и слѣдъ простылъ.

VIII. Фельдмаршалъ графъ Минихъ

Во второй половинѣ апрѣля солнце заходитъ въ Петербургъ довольно поздно — около 8-ми часовъ вечера. Когда описанная сейчасъ скачка съ препятствіями пришла къ концу, солнце было уже за горизонтомъ; но темноты еще не наступило, а потому ѣхать къ дому графа Миниха прямымъ путемъ по набережной у всѣхъ на виду было бы безразсудно.

Проскакавъ внизъ по Кадетской линіи до большого проспекта, Самсоновъ завернулъ по проспекту налѣво, а когда миновалъ

нѣсколько линій, то взялъ опять направо и мчался такъ все впередъ, пока не достигъ Малаго проспекта.

Здѣсь въ тѣ времена была еще почти сплошная дичь и глушь: кое-гдѣ лишь убогій домишко, а то заборы, огороды или по-просту пустыри, поросшіе кустарникомъ.

Весь Малый проспектъ, и вверхъ и внизъ, точно вымеръ; свидѣтелей, значить, не было. Сойдя съ лошади, Самсоновъ потрепалъ ее сперва въ благодарность по шеѣ; потомъ сорвалъ съ куста добрый хлыстъ (плетку во время паденія онъ потерялъ), повернулъ лошадь головой въ сторону большой Невы и вытянулъ ее хлыстомъ. Неприготовленная къ такому обращенію послѣ испытанной только-что ласки, она сдѣлала воздушный прыжокъ и ускакала вонъ.

Теперь только Самсоновъ оглядѣлъ свое платье: сверху до низу оно было забрызгано, замазано уличною грязью. Онъ взялся за голову: и картуза на немъ уже не было! Ну, какъ въ такомъ видѣ предстать передъ фельд-маршаломъ?

На помощь ему пришла сама природа. Съ

Ладожскаго озера нагнало дождевую тучу, закрапаль дождь и вдругъ полиль какъ изъ ведра.

Подставляя подъ ливень, какъ подъ душъ, то лицо и грудь, то бока, то спину, Самсоновъ смыль съ себя всѣ слѣды улицы, а затѣмъ, въ виду стустившихся уже сумерекъ, рѣшилсѣ двинуться къ конечной своей цѣли. Четверть часа спустя онъ входилъ подъ колоннаду крыльца фельдмаршалскаго дома. У входа горѣли два масляныхъ фонаря, а потому стоявшій за стеклянною дверью швейцаръ могъ хорошо разглядѣть всю неприглядную фигуру юноши, съ непокрытой головы и всей одежды котораго вода бѣжала ручьями. Поэтому же онъ встрѣтилъ входящаго далеко нелюбезно:

— Чего лѣзешь параднымъ ходомъ! Еще наслѣдишь тутъ у меня...

— Ужъ не взыщи, почтеннѣйшій, — съ скромною развязностью извинилсѣ Самсоновъ, хотя сердце подъ камзоломъ у него сильно стучало. — Я къ его сіятельству фельдмаршалу по самонужнѣйшему дѣлу. Ну, ужъ погодка!

— А картузь твой гдѣ?

— Картузъ?.. Да на мосту, вишь, вѣтромъ съ головы сорвало и въ Неву снесло.

— Гмъ... — промычалъ съ нѣкоторою какъ бы недовѣрчивостью швейцаръ. — Да какъ я пушу тебя къ его сіятельству въ такомъ обличьѣ? Тебя кто послалъ-то?

"Кого ему назвать? Назову-ка сына фельд-маршалскаго; вѣдь, онъ каждый день, почитай, дежуритъ въ Зимнемъ дворцѣ."

— Послалъ меня къ своему родителю молодой графъ; государыня его нынче дольше задержала...

— Почто же ты о томъ сряду не сказалъ? Ты малый, не финтишь ли?

Въ это время къ крыльцу подкатила карета.

— Да вотъ и самъ молодой графъ! воскликнулъ швейцаръ и выбѣжалъ на улицу.

Сквозь стеклянную дверь Самсонову было видно, какъ швейцаръ, открывъ карету и высадивъ своего молодого господина, началъ что-то наскоро ему докладывать.

"Смѣлость города берегь!" — сказалъ себѣ Самсоновъ и сталъ у самага входа.

Такимъ образомъ, молодой Минихъ, входя, тотчасъ его увидѣлъ.

— Это онъ и есть? — спросилъ онъ швейцара.

— Онъ самый, ваше сіятельство.

— Ты что это наплелъ на меня? — обратился онъ къ Самсонову. — Да постой, лицо твое мнѣ словно знакомо...

— Ваше сіятельство не разъ уже меня видѣли, — отвѣчалъ Самсоновъ и прибавилъ шопотомъ: — Присланъ я къ господину фельдмаршалу подъ кровомъ глубочайшей тайны, дабы чести его порухи не было.

— Отойди-ка, — сказалъ Минихъ швейцару. — Кто жъ это прислалъ тебя?

— Артемій Петровичъ Волынскій.

При имени павшаго въ немилость кабинетъ-министра молодой графъ поблѣднѣлъ и нахмурился.

— Ты, вѣрно, съ письмомъ отъ него? — спросилъ онъ.

— Съ письмомъ; но мнѣ вельно передать его въ собственныя руки вашего батюшки.

— Я уже передамъ; а ты здѣсь обождешь.

И, взявъ письмо Волынскаго, сынъ фельд-

маршала удалился.

Минуты ожиданія были для Самсонова томительны и страшны.

"А ну, какъ старый графъ не захочетъ ввязаться въ это дѣло и отошлетъ меня назадъ, или просто прикажетъ арестовать меня?"

Ждалъ онъ, пожалуй, десять, много двадцать минутъ, но протянулись, сдавалось ему, цѣлые часы, пока не явился наконецъ денщикъ и не повелъ его съ собой. Поднявшись по широкой, устланной ковромъ лѣстницѣ во второй этажъ, они черезъ пріемную прошли въ графскій кабинетъ. Освѣщался кабинетъ столовой лампой, покрытой большимъ абажуромъ, а потому въ немъ царилъ мягкій полусвѣтъ.

Старикъ-фельдмаршалъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ въ креслѣ, но, несмотря на свои 57 лѣтъ, сидѣлъ по-солдатски браво, какъ говорится: точно аршинъ проглотилъ. Благодаря строгому образу жизни, правильныя черты лица его и теперь еще не расплылись, не обрюзгли. Съ головы до пятокъ онъ былъ такъ сухощавъ и крѣпокъ, что ему можно было предсказать очень долгій вѣкъ; здоровый

организмъ его только больше все высухалъ бы и становился бы оттого еще какъ бы прочнѣе. Въ свѣтло-голубыхъ глазахъ его, почти лишенныхъ бровей, свѣтился сухой же и трезвый, непреклонный умъ; блѣдныя губы были скептически сжаты.

"Вотъ кто привыкъ повелѣвать!" мелькнуло въ мысляхъ Самсонова.

Графъ Бурхардъ Христофоръ Минихъ не даромъ началъ свою военную карьеру подъ начальствомъ двухъ знаменитыхъ полководцевъ: принца Евгенія Савойскаго и герцога Мальборугскаго. Затѣмъ онъ отличился, какъ инженеръ, постройкою въ ландграфствѣ гессенъ-кассельскомъ канала между двумя рѣками; въ 1717 году поступилъ въ саксонско-польскую армію съ чиномъ генераль-маіора, а въ 1721 году, по предложенію русскаго посланника въ Варшавѣ князя Долгорукова, перешелъ навсегда на русскую службу, на которой сперва выказалъ себя достройкою Ладожскаго канала и учрежденіемъ перваго у насъ кадетскаго корпуса. Въ данное время онъ былъ президентомъ военной коллегіи, генераль-фельдцейгмейстеромъ,

главнымъ начальникомъ инженернаго корпуса, и, въ качествѣ генераль-фельдмаршала, въ войнахъ съ врагами Россіи покрылъ русское оружіе неувядаемою славой.

Выславъ вонъ денщика, фельдмаршалъ подозвалъ къ себѣ Самсонова, приподнялъ абажуръ на лампѣ и, прищурясь, внимательно вглядѣлся въ лицо юноши, точно изучая его характеръ; а затѣмъ замѣтилъ по-нѣмецки сидѣвшему тутъ же сыну:

— Знаешь ли, онъ мнѣ нравится.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, — заявилъ тутъ Самсоновъ, — я понимаю по нѣмецки.

— А! Гдѣ жъ ты научился этому языку?

Самсоновъ объяснилъ, что наслышался въ дѣтствѣ отъ управляющаго имѣніемъ своихъ прежнихъ господъ, Шуваловыхъ, барона Врангеля и его дѣтей.

— Такъ ты, пожалуй, и говоришь тоже по-нѣмецки?

— По малости.

— Это облегчитъ еще дѣло. Но скажи-ка, какъ тебя пропустили ко мнѣ? Вѣдь всѣ у васъ тамъ подъ арестомъ?

— Я, ваше сіятельство, не спрашиваясь, убѣгомъ убѣгъ.

И въ нѣсколькихъ словахъ онъ повѣдалъ о своей "скачкѣ съ препятствіями".

— Прехвально; не даромъ же пишетъ Артемій Петровичъ, что ты — малый ловкій и умѣлый, въ одно ухо влѣзешь, а въ другое вылѣзешь, — сказалъ старый графъ и указалъ глазами на лежащее передъ нимъ на столѣ вскрытое письмо: — Знаешь ты, о чемъ онъ меня просить?

— Сказывалъ онъ мнѣ, что въ уваженіе доброй пріязни кланяется вашему сіятельству земно быть малюткамъ его заступникомъ, буде съ нимъ самимъ что недоброе случится. Умилосердитесь надъ ними!

— Доколь самъ онъ живъ, о дѣтяхъ его говоритъ нѣтъ здраваго резона, — сухо прервалъ фельдмаршалъ. — Содержатся они нынѣ купно съ нимъ безъ выпуска. Чинить что-либо касательно ихъ ничего пока невозможно. Вопрошаю я о тебѣ самомъ: вѣдь ты — крѣпостной Артемія Петровича?

— Крѣпостной-съ.

— Что воспослѣдуетъ съ его другими

крѣпостными — одному Богу извѣстно. Тебя же онъ отъ сего часу отдаетъ въ мое распоряженіе, дабы и тебѣ жилось, и мнѣ отъ тебя была нѣкая польза. Но быть за тебя въ отвѣтъ и претерпѣть ущербъ мнѣ не приходится. Посѣму и для отвода очей мы съ сыномъ положили услатъ тебя не медля изъ Петербурга. Завтра же, чуть свѣтъ, ты отправляешься въ Лифляндію, въ вотчину сына Ранценъ. Управляющій вотчиной давно уже проситъ прислать къ нему отсюда волонтера, что помогаль бы ему присматривать за рабочими да за конскимъ заводомъ. Ты вѣдь, слышно, большой мастеръ укрощать лошадей?

— Готовъ служить вашимъ сіятельствамъ съ истинною ревностью, чѣмъ только умью, — увѣрилъ Самсоновъ. — Отнынѣ я вашъ по гробъ жизни.

— Ну, вотъ; такъ въ Ранценѣ ты будешь волонтеромъ. Чѣмъ ты былъ доселѣ — и тамъ не должно быть гласно. Имя твое вѣдь Григорій?

— Такъ точно-съ.

— А родился ты въ какой губерніи?

— Въ Тамбовской.

— Такъ, дабы тебя не опознали, ты въ Ранценѣ будешь называться Григоріемъ Тамбовскимъ.

— Но мнѣ, ваше сіятельство, придется еще выправить новый видъ на жительство...

— Въ моей вотчинѣ отъ тебя никакого вида не потребуютъ, — вмѣшался тутъ молодой графъ. — Я дамъ тебѣ записку къ моему управляющему; для него это будетъ вѣрнѣ всякаго документа. А платье для тебя найдется въ моемъ гардеробѣ.

Такъ Самсоновъ-Тамбовскій на слѣдующее же утро безпрепятственно и безслѣдно исчезъ изъ Петербурга.

IX. "Казнень невинно"

Полицейскіе чины, допустившіе побѣгъ одного изъ арестованныхъ въ домъ Волынскаго, благоразумно умолчали передъ своимъ грознымъ начальствомъ про свою оплошность. Бѣглець для всѣхъ, кромѣ Миниховъ отца и сына, какъ въ воду кануль. Не подозрѣвала ничего, конечно, и Лилли Врангель, не выдавшая своего "молочнаго брата" со дня «ледяной» свадьбы.

"Какой вѣдь послушный! — не безъ самоудовольства думала она. — Вотъ уже третій мѣсяць глазъ не кажетъ. Посмотримъ, выдержитъ ли онъ искусь до конца?"

Тутъ и до нея дошелъ слухъ объ арестѣ перваго кабинетъ-министра со всѣми его домочадцами, и ожидающая Самсонова участь не на шутку стала ее беспокоить. При случайной встрѣчѣ съ младшимъ Шуваловымъ она рѣшилась спросить его, не слышалъ ли онъ чего про своего бывшаго камердинера.

— Весь домъ Волынскаго оцѣпленъ, — отвѣчалъ Шуваловъ: — ни одна мышъ не проскользнетъ ни туда, ни оттуда. Но въ государ-

ственномъ преступленіи Волынскаго Самсоновъ врядъ ли замѣшанъ.

— Я сама такъ думаю; но у него, можетъ быть, стануть выпытывать какія-нибудь важныя признанія... взведутъ на него небывалый провинности...

— М-да, за противное ручаться трудно. У генерала Ушакова на этотъ счетъ своя опредѣленная система. Что можно узнать — я узнаю. Главное — не тужите.

И она не тужила. Но прошло болѣе недѣли, а вѣтрный камеръ-юнкеръ цесаревны не показывался, точно забылъ уже данное обѣщаніе.

"28-го числа — день коронаванія государыни; въ церкви будетъ молебствіе: тутъ Шуваловъ вѣрно, подойдетъ опять къ намъ и у меня уже не отвертится!" — рѣшила Лилли.

Дѣйствительно, когда 28-го апрѣля весь Дворъ съѣхался въ Зимній дворецъ, и въ 11 часовъ въ придворной церкви началась литургія, Шуваловъ сталъ подбираться къ стоявшей позади принцессы Анны Леопольдовны баронессѣ Юліанѣ. Но та, строго соблюдая, въ присутствіи остальныхъ придворныхъ

хъ, установленный этикетъ, не повела и бровью, съ смиренно-набожной миной слѣдя за торжественной службой. Петру Ивановичу ничего не оставалось, какъ обратиться вспять. Когда онъ тутъ проходилъ мимо Лилли, глаза ихъ встрѣтились; но на ея вопро- сительный взглядъ онъ пожалъ только съ сожалѣніемъ плечами.

"Значить, никакихъ вѣстей!"

Относительно же процесса Волынскаго до нея съ разныхъ сторонъ доходили всевозмож- ные слухи, которые, переходя изъ устъ въ уста, разрослись, подобно снѣжному кому, до чудовищныхъ размѣровъ. Такъ, рассказы- вали, будто бы Волынскій, поднятый на дыбу, подъ кнутомъ сознался, что замыслилъ пол- ный государственный переворотъ: всѣхъ нѣмцевъ, начиная съ Бирона, хотѣлъ будто бы выгнать изъ Россіи; принцессу Анну Лео- польдовну, вмѣстѣ съ ея супругомъ, принце- мъ Антономъ-Ульрихомъ, посадить на ко- рабль и отправить во-свояси въ Германію; императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ предложить свою руку, послѣ же вѣнца или въ случаѣ ея отказа заточить ее въ монастырь; съ цесарев-

ной Елисаветой Петровной поступить точно такъ же, а самого себя провозгласить императоромъ всероссійскимъ.

У сообщниковъ Волынскаго, какъ гласила та же молва, были равнымъ образомъ вымучены въ застѣнкѣ самыя тяжкія обвиненія какъ противъ нихъ самихъ, такъ и противъ Волынскаго. Самсонова, однако, въ числѣ пытаемыхъ не называли, и это отчасти успокаивало Лилли.

Съ 20-хъ чиселъ мая, когда въ сыскной канцеляріи приступили къ "пристрастному допросу" Волынскаго, въ здоровьи императрицы, давно уже страдавшей подагрой и каменной болѣзью, обнаружилось замѣтное ухудшеніе. Прописываемыя ей докторами лѣкарства она принимала съ большимъ, отвращеніемъ, а то и вовсе не принимала.

— Ваши лѣкарства мнѣ, все равно, ничѣмъ не помогутъ; главная моя болѣзнь вотъ гдѣ! — говорила она, указывая на сердце, и на глазахъ у нея при этомъ выступали слезы.

Тогда доктора стали настаивать на переѣздѣ ея за городъ — въ Петергофъ. Сначала она и слышать о томъ не хотѣла, такъ какъ

не любила Петергофа. Но когда ей доложили, что Волынскаго, по всей вѣроятности, ожидать смертная казнь, съ нею сдѣлался нервный припадокъ съ мучительными болями, и она отдала распоряженіе о немедленномъ отъѣздѣ изъ Петербурга, чтобы не быть тамъ въ день казни. вмѣстѣ съ государыней переѣхала на лѣто въ большой петергофскій дворецъ и Анна Леопольдовна съ своей свитой. Здѣсь же, въ Петергофѣ, 23-го іюня 1740 г., Анной Іоанновной былъ подписанъ приговоръ, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, смягченіемъ сентенціи суда относительно Волынскаго, котораго судьи находили нужнымъ до смертной казни посадить еще живымъ на колъ.

Четыре дня спустя, раннимъ утромъ, въ Петербургъ на Сытномъ рынкѣ, близъ Петропавловской крѣпости, вокругъ высокаго деревяннаго помоста стеклась огромная толпа народа поглазѣть на казнь "великихъ заговорщиковъ". Осудили ихъ вѣдь на точномъ основаніи законовъ, стало быть, и жалѣть ихъ грѣшно! Тѣмъ не менѣе, у многихъ изъ зрителей, надо думать, дрогнуло сердце, когда у помоста появились искалѣченные уже пыт-

кой осужденные, во главѣ съ бывшимъ первымъ кабинетъ-министромъ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ, у котораго ротъ былъ повязанъ платкомъ, пропитаннымъ кровью, такъ какъ ему раньше уже вырвали языкъ, и кровь не унималась...

И совершилась публичная казнь: Волынскому была отрублена правая рука, а затѣмъ какъ самъ онъ, такъ и ближайшіе его два друга, Хрущовъ и Еропкинь, сложили голову подъ топоръ. Соймоновъ и Эйхлеръ были наказаны кнутомъ, де-ла-Суда плетьюми, а графу Мусину-Пушкину "урѣзанъ" языкъ, послѣ чего всѣ четверо отправлены въ Сибирь — первые трое на каторгу, а послѣдній въ вѣчную ссылку.

Замолвилъ ли фельдмаршалъ графъ Мнихъ съ своей стороны за сиротъ Волынскаго доброе слово, о которомъ просилъ его ихъ отецъ, — сказать мы не умѣемъ. Если же замолвилъ, то безуспѣшно; двухъ маленькихъ дочекъ Артемія Петровича отправили въ отдаленный сибирскій монастырь для постриженія въ свое время въ монахини, а сыночка — въ Камчатку для отдачи его на 16-

мъ году жизни навсегда въ гарнизонные солдаты.

Изъ конфискованнаго въ казну имущества осужденныхъ значительная часть была роздана, какъ полагалось, въ награду разнымъ "преданнымъ слугамъ отечества". Считая себя также однимъ изъ таковыхъ слугъ, Василій Кирилловичъ Тредіаковскій не замедлилъ теперь выступить также претендентомъ на частицу наслѣдства Волынскаго. Въ слезномъ всеподданнѣйшемъ прошеніи, по пунктамъ, съ присущимъ ему семинарскимъ краснорѣчіемъ, жалуясь на претерпѣнныя имъ отъ своего "жестокаго мучителя и безсовѣстно-злобнаго обидителя нестерпимое безчестье и безчеловѣчное увѣчье, притомъ въ самомъ ея императорскаго величества апартаментѣ", ꙗкѣ наша просилъ, "дабы повелѣно было изъ оставшихся послѣ Волынскаго пожитковъ учинить ему, просителю, милостивѣйшее наградительное удовольствіе".

Но прощенію этому до времени не было дано ходу, такъ какъ императрицу вообще не желали беспокоить чѣмъ бы то ни было, что

было связано съ именемъ Волынскаго. Что сама она не могла еще забыть покойнаго и приняла во вниманіе его указанія на необходимость упорядочить государственныя средства, доказывалъ, между прочимъ, сдѣланный сенату въ іюль того же года въ именномъ указѣ Высочайшій выговоръ:

"...Весьма удивительно, что нынѣ въ деньгахъ недостатокъ явился. Всѣ нужнѣйшія государству нашему полезныя дѣла упущены и до того дошли, что о пополненіи государственныхъ доходовъ ни малой надежды нѣтъ, въ сборахъ многіе непорядки явились, и оттого сборы умаляются; доимки въ нѣсколькихъ милліонахъ состоятъ, казенныя деньги частными лицами похищены и другими коварными вымыслами захвачены"...

Всегда богомольная, Анна Іоанновна проводила теперь цѣлые часы въ молитвахъ, какъ бы ища въ духовномъ общеніи съ Богомъ облегченія наболѣвшей душѣ.

Особенно же, какъ передавали шопотомъ, она была потрясена признаніемъ, безотчетно вырвавшимся у одного изъ судей Волынскаго. Въ ихъ числѣ былъ также шуринъ

послѣдняго, Александръ Нарышкинъ. Вмѣстѣ съ другими подписавъ приговоръ, Нарышкинъ поѣхаль домой; но въ экипажѣ онъ впаль въ обморочное состояніе, а по возвращеніи домой съ нимъ сдѣлалась горячка.

— Я извергъ! — кричалъ онъ въ бреду: — я осудилъ невинныхъ, я послалъ на смерть своего брата!

Считаемъ умѣстнымъ по этому поводу привести здѣсь замѣчательный отзывъ Екатерины Великой, которая, вскорѣ по вступленіи своемъ на престоль, просмотрѣла все дѣло о Волынскомъ: "Сыну моему и всѣмъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынского дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали бы отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ. Злодѣи Волынского взвели на него измѣннической умысль, будто онъ себѣ присвоить хотѣлъ власть государя, что отнюдь на дѣлъ не доказано. Волынской былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но, напротивъ того, добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезны-

мъ поправленіямъ своего отечества"...

На могильной же плитѣ Волынскаго (у церкви Сампсонія на Выборгской сторонѣ), по приказанію Екатерины, была добавлена надпись: "Казненъ невинно".

Х. Лилли няньчитъ наследника престола

Какъ только переѣздъ Двора на лѣтнее пребываніе въ Петергофъ былъ окончательно рѣшенъ, были приняты самыя энергичныя мѣры къ приведенію въ надлежащій видъ какъ большого петергофскаго дворца, такъ и лежащаго подъ нимъ Нижняго сада. "Зимнія" палаты, предназначенныя для самой государыни, выходили на солнечную сторону, и такъ какъ она, по своему болѣзненному состоянію, не могла спускаться въ садъ, то единственная ея прогулка изъ опочивальни была на стеклянную галерею, служившую столовой для "придворныхъ кавалеровъ". Для защиты отъ солнечнаго зноя на этой галереѣ были устроены полотняныя ширмы, подъ прикрытіемъ которыхъ императрица сидѣла по часамъ въ креслѣ, вдыхая свѣжій ароматъ

посянныхъ внизу "для плезиру ея величества" (какъ значилось въ счетахъ дворцовой конторы) ржи, овса, ячменя и гречи.

Къ услугамъ всѣхъ другихъ обитателей петергофскаго дворца были тѣнистыя аллеи Нижняго сада, гдѣ всѣ фонтаны были капитально исправлены и выложены раковинами, пруды вычищены, дороги и дорожки заново утрамбованы, въ «приличныхъ» мѣстахъ поставлены зеленыя «лавки» и проч., и проч. Но гуляющихъ было мало. Общее настроеніе во дворцѣ, особенно на половинѣ принцессы Анны Леопольдовны, было очень тревожное и удрученное, какъ бы передъ неминуемой катастрофой. Шопотомъ обмѣнивались разными предположеніями относительно будущаго, такъ какъ, по отзыву врачей, дни государыни были сочтены. Передавали за вѣрное, что посоль нашъ при датскомъ Дворѣ Бестужевъ-Рюминъ, сторонникъ Бирона, вызывается изъ Копенгагена въ Петербургъ для замѣщенія открывшейся послѣ Волынскаго вакансіи кабинетъ-министра. Такимъ образомъ, было основаніе опасаться, что Биронъ, не скрывавшій своего

нерасположенія къ принцессѣ, воспользуется въ рѣшительную минуту случаемъ устранить ее отъ престола.

Въ это-то время совершилось событіе, разомъ разрядившее грозovou атмосферу Двора: 12-го августа у Анны Леопольдовны родился сынъ; стало быть, имѣлся законный, мужескаго пола наслѣдникъ престола! А опека надъ нимъ ближе всего, конечно, должна была принадлежать ей же, родной матери.

Для герцога курляндскаго это было, безъ сомнѣнія, страшнымъ ударомъ; онъ не давалъ себѣ и труда скрывать свою досаду. Супруга же его, при всей своей ограниченности, умѣла лучше притворяться, выказывала особую нѣжность къ новорожденному принцу и выговорила себѣ право пеленать его собственноручно. Болѣе же всѣхъ, даже болѣе самой матери, обрадовалась государыня: по ея приказанію, колыбель младенца въ тотъ же день была перенесена въ комнату, смежную съ ея собственной опочивальней, и для него была взята здоровая кормилица изъ простыхъ бабъ сосѣдней чухонской деревушки. Затѣмъ въ Петергофъ были вызваны два по-

чтенныхъ академика Академіи Наукъ: Крафтъ Георгъ-Вольфгангъ и Эйлеръ Леонардъ, которымъ было поручено, какъ «астрогнозамъ», составить по небеснымъ свѣтиламъ «гороскопъ» новорожденнаго. Въ наше время объ астрологіи говорятъ не иначе, какъ съ снисходительной улыбкой. Въ тѣ времена и большинство ученыхъ вѣрило, что у cadaго смертнаго есть "своя звѣзда", и оба академика вывели для сына принцессы Анны Леопольдовны такой ужасающій гороскопъ, что не рѣшились предъявить его больной царицѣ, а представили ей другой, вполне благопріятный. По странной случайности, однако, первоначальный гороскопъ, какъ говорятъ, до точности вѣрно предсказалъ трагическую судьбу первенца Анны Леопольдовны.

Надо было выбрать и имя для маленькаго принца. Между молодыми родителями заранѣе уже происходили по этому поводу оживленные споры. Принцъ Антонъ-Ульрихъ, какъ лютеранинъ, хотѣлъ дать сыночку нѣсколько именъ и все нѣмецкихъ; онъ никакъ не могъ взять въ толкъ, что православные получаютъ при крещеніи всего одно имя и

притомъ лишь изъ тѣхъ, что значатся въ православныхъ святцахъ. Императрица своимъ властнымъ голосомъ положила конецъ пререканіямъ:

— Родитель мой былъ Іоаннъ; такъ пускай же и наслѣдникъ мой будетъ Іоанномъ!

Возражать ужъ не приходилось.

Для Лилли Врангель царственный младенецъ былъ также свѣтлымъ лучомъ въ окружающихъ, потемкахъ. Покои принцессы находились на противоположной сторонѣ дворца, а потому Лилли по нѣскольку разъ въ день навѣщала маленькаго принца Іоанна, чтобы приносить молодой матери извѣстія о состояніи его здоровья. Вначалѣ у нея вышло изъ-за этого даже столкновеніе съ самой герцогиней Биронъ. Когда Лилли входила разъ въ дѣтскую, герцогини тамъ не было. Кормилица, только-что откормивъ младенца, укладывала его въ, колыбельку. Не досыта ли онъ насосался, или же грубыя руки дюжей чухонки обращались съ нимъ недостаточно нѣжно, — но онъ запищалъ.

— Ахъ ты, мой птенчикъ! — сжалилась Лилли и, вынувъ ребенка изъ колыбели, на-

чала его убаюкивать колыбельной пѣсенкой.

За этимъ застала ее герцогиня.

— Да какъ ты смѣешь его трогать! — запальчиво напустилась она на непризванную няню и выхватила маленькаго принца изъ ея рукъ.

Тотъ не оцѣнилъ, однако, этой чести и завилъ громкій протестъ.

— Вотъ видите ли, ваша свѣтлость, — замѣтила Лилли: — у меня онъ совсѣмъ уже утихъ, а вы его опять разбудили.

— Я же и виновата? Ты забываешься!

И въ сердцахъ герцогиня принялась такъ размашисто укачивать младенца, что онъ разорался уже благимъ матомъ. Такъ lamentаціи его въ полуотворенную дверь царицыной опочивальни достигли и до слуха Анны Іоанновны, и сама она появилась на порогъ.

— Что вы тутъ дѣлаете съ нимъ?

Герцогиня мотнула головой на Лилли:

— Да все вотъ она!

— У меня, ваше величество, онъ уже уснулъ, — почтительно присѣдая, стала оправдываться Лилли, — но герцогиня отня-

ла его у меня. Я знаю, какъ нянчиться съ дѣтьми...

— Гдѣ же ты этому научилась?

— У кузины моей въ Лифляндіи: у нея такой же крошка-сыночекъ, и я всегда укладывала его спать.

— Ну, посмотримъ, какъ-то ты сладишь съ нашимъ крикуномъ. Отдай-ка ей его назадъ, Бенигна.

Принявъ «крикуна» отъ герцогини, Лилли тотчасъ удостовѣрилась въ главной причинѣ его неудовольствія.

— Да его надо перепеленать!

И точно: какъ только она перемѣнила пеленки, маленькій принцъ пересталъ кричать и задремалъ. Тогда она опустила его въ его нарядную колыбельку и прикрыла не менѣе наряднымъ одѣяльцемъ.

— Ну, что, Бенигна, что ты теперь скажешь? — обратилась императрица къ герцогинѣ.

Та бросила на Лилли далеко не дружелюбный взглядъ и замѣтила, что "его высочеству наскучило наконецъ плакать".

— Ну, конечно, — улыбнулась государы-

ня. — Во всякомъ разѣ обходиться съ нимъ она умѣетъ, и ты ей напредки уже не препятствуй.

На шестой день послѣ рожденія новаго наслѣдника престола состоялись его крестины. Происходило таинство не въ дворцовой церкви, а въ собственной опочивальнѣ ея величества, въ присутствіи цесаревны Елисаветы, кабинетъ-министровъ, иностранныхъ пословъ и придворныхъ особъ обоюдо дола, изъ которыхъ, впрочемъ, многія, за тѣсною помѣщеніемъ, должны были оставаться на смежной галлерей. Будучи единственной воспріемницей своего внучатнаго племянника, Анна Іоанновна, несмотря на свое тяжкое недомоганье, первую половину обряда держала его на рукахъ, не сядя въ поставленное за нею кресло. Въ двухъ шагахъ позади ея стояли герцогиня Бенигна во всемъ блескѣ своихъ брилліантовъ и чухонка-кормилица въ своемъ безвкусномъ національномъ нарядѣ.

Царственный младенецъ, передъ тѣмъ накормленный, велъ себя вполне благоприлично, изрѣдка лишь въ полуснѣ издавая неопредѣленные звуки. Но вотъ главный при-

дворный священникъ взялъ его изъ рукъ августѣйшей воспріемницы, чтобы троекратно погрузить въ купель, — и комната огласилась такимъ раздирательнымъ крикомъ, что государыня, принявъ его обратно отъ священника, поспѣшила передать его герцогинѣ, кормилицѣ.

Но бѣдный ребенокъ не хотѣлъ угомониться. Анна Іоанновна, въ изнеможеніи опустившая уже въ свое кресло, растерянно оглянулась. Увидѣвъ тутъ въ дверяхъ дѣтской, среди десятка женскихъ лицъ, и Лилли, она сдѣлала ей знакъ.

Можно себѣ представить общее удивленіе, когда робкими шагами, съ густымъ румянцемъ смущенія на миловидномъ личикѣ, приблизилась молоденькая камеръ-юнгфера принцессы и отобрала вопящаго младенца въ свою очередь у кормилицы. Какъ и прежде, на рукахъ у нея онъ почти тотчасъ присмирѣлъ.

По окончаніи священнаго обряда, государыню обступили сановные поздравители, чтобы наперерывъ одинъ передъ другимъ принести ей наилучшія пожеланія. Двоихъ

изъ поздравителей: Бестужева-Рюмина и Миниха-сына, Анна Іоанновна съ своей стороны поздравила: Бестужева — вторымъ кабинетъ-министромъ и Миниха — камергеромъ при наслѣдномъ принцѣ Іоаннѣ Антоновичѣ.

Лилли воспользовалась общей сутолокой, что бы, сбывъ новоокрещеннаго кормилицѣ, самой стусhevаться. Но ее удержала за руку безотлучная спутница цесаревны, Аннетъ Скавронская.

— Посто́й же, милочка! И поздороваться не хочешь? Если-бъ ты знала, какъ ты была мила! Старики — и тѣ даже спрашивали: "Кто эта прелесть?"

— Перестань, Аннетъ, говорить вздорь...

— Все не вздорь. Ты распустилась, право, какъ цвѣтокъ...

— Ну, прошу тебя, Аннетъ! Лучше скажи-ка: какъ ты провела лѣто?

— Да какъ его проводить въ городъ? Хорошо еще, что окна нашего дворца выходятъ на Царицынъ Лугъ, гдѣ все лѣто стоятъ лагеремъ войска. На зеленой муравѣ раскинуты ихъ бѣлыя палатки и происходитъ всякія экзерсиціи, кампаменты военные; на солнцѣ

такъ и сверкають ружья и сабли...

— Такъ что ты, пожалуй, и думать забыла про своего Воронцова?

— Т-с-с-с! Вѣдь никто здѣсь ничего еще и не подозрѣваетъ...

— А онъ все еще въ своемъ линейномъ полку въ провинціи?

Скавронская глубоко вздохнула.

— Ужъ и не говори! И когда-то еще оттуда выберется! А я вотъ сохни тутъ и сокрушайся... Иной разъ, знаешь, просто отчаянность находить. А что, Лилли, твой Самсоновъ?

Лилли не то смутилась, не то разсердилась.

— Какой онъ «мой»! Отвратилась отъ него душа моя...

— Что такъ?

— Да такъ. Съ самаго дня свадьбы карликовъ я ничего объ немъ не знаю... Да и знать не хочу!

Въ это время сквозь окружающій многоголосый гулъ чутки слухъ ея разслышалъ за сосѣднею дверью дѣтскій плачь.

— Прости: маленькій плачетъ!

И она скрылась въ дѣтской.

XI. Катастрофа надвигается

Въ какой зависимости тѣлесное здравіе находится отъ расположенія духа — особенно наглядно можно было видѣть на императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ: со дня рожденія принца Іоанна, обезпечивавшаго престолонаслѣдіе, у нея проявился необычайный подъемъ духа, отразившійся тотчасъ на аппетитѣ, а затѣмъ и на всемъ организмѣ. Она не только стала ежедневно выѣзжать въ открытой коляскѣ, но предалась снова и своей до страсти любимой потѣхѣ — охотѣ.

До апрѣля 1740 г. придворными охотами, въ качествѣ оберъ-егермейстера, завѣдывалъ Волынскій. Послѣ его казни, "командующимъ надъ охотами" былъ назначенъ одинъ изъ любимцевъ Бирона, полковникъ второго Московскаго полка фонъ-Трескау. Давно страдая одышкой отъ ожирѣнія сердца и всего вообще тѣла, онъ рассчитывалъ, должно-быть, что, при болѣзненности государыни, новая должность будетъ для него синекурой. Осмотръ петербургскихъ звѣринцевъ: Малаго и Екатеринингофскаго, трехъ дворовъ для содержанія

звѣрей придворной охоты: Звѣроваго, Слоноваго и Ауроксовъ (зубровъ), а также садковъ въ дворцовыхъ садахъ, онъ отложилъ до возвращенія государыни осенью въ Петербургъ и жилъ въ свое удовольствіе на казенной дачѣ, отведенной ему при петергофскомъ звѣринцѣ. Какъ вдругъ, громомъ изъ яснаго неба, послѣдовалъ высочайшій приказъ — къ завтрашнему же дню приготовить «гоньбу» оленей. Господи Ты Боже мой, что случилось съ бѣднымъ фонъ-Трескау! Почтенный толстякъ заметался, какъ угорѣлый: въ петергофскомъ звѣринцѣ не оказалось потребнаго числа оленей, а въ цѣломъ Петергофѣ необходимаго количества полотна для огражденія той части Нижняго сада, гдѣ должна была происходить гоньба. Полковникъ поскакалъ въ Петербургъ и за оленями, и за полотномъ. Вернулся онъ оттуда уже подъ утро; но къ опредѣленному часу все было готово для гоньбы. Нижній садъ огласился звуками охотничьяго рога, лаемъ гончихъ и ружейной пальбой.

Не успѣлъ фонъ-Трескау перевести духъ послѣ гоньбы оленей, какъ ему было предпи-

сано устроить «парфорсную» охоту на лосей, кабановъ, дикихъ козъ и зайцевъ. И такъ изо дня въ день.

Не описывая болѣе подробно этихъ об- лавъ и травлей, укажемъ лишь на краснорѣчивыя цифры, сохранившіяся въ "С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" 1740 г.: по 26-е августа императрицей самолично было застрѣлено 9 оленей, 16 дикихъ козъ, 4 каба- на, 1 волкъ, 374 зайца, 68 дикихъ утокъ и 16 большихъ морскихъ птицъ.

Въ концѣ августа погода рѣзко перемѣнилась: пошли непрерывные дожди; ни о прогулкахъ, ни объ охотѣ не могло быть уже и рѣчи. Душевное настроеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и здоровье государыни разомъ опять ухудшилось. Она не покидала уже опочиваль- ни, никого не желала видѣть, кромѣ своей ка- мерфрау Юшковой да герцогини Биронъ. По совѣту врачей, было рѣшено переселиться опять въ Петербургъ, — на первое время еще въ Лѣтній дворецъ. Но перебраться затѣмъ въ Зимній Аннѣ Іоанновнѣ такъ и не было уже суждено. Къ участвовавшимъ подагрическимъ припадкамъ и болямъ въ почкахъ прибави-

лась безсонница, а затѣмъ и кровохарканье. Первый лейбъ-медикъ Фишеръ глядѣлъ очень мрачно; другой придворный врачъ, португалецъ Санхець, успокаивалъ окружающихъ, что нѣмецъ смотритъ на все сквозь черныя очки, что пока никакой опасности нѣтъ.

Но лейбъ-медикъ нѣмецъ оказался правъ. 6-го октября, за обѣдомъ, императрица вдругъ закатила глаза и головой склонилась на бокъ: съ нею сдѣлался глубокой обморокъ. Такъ, въ безпамятствѣ, ее и перенесли на постель.

Во дворцѣ поднялся, понятно, страшный переполохъ; созвали общій консиліумъ придворныхъ врачей. Даже оптимистъ Санхець опѣшилъ; а Фишеръ прямо объявилъ, что онъ ни за что уже не отвѣчаетъ, и что если болѣзнь будетъ итти тѣмъ же ускореннымъ ходомъ, то вскорѣ вся Европа облечется въ трауръ.

Такой приговоръ побудилъ Бирона къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ: на случай кончины государыни слѣдовало безъ всякаго промедленія точно опредѣлить порядокъ управленія государствомъ впредь до

совершеннолѣтія малолѣтняго наслѣдника престола. Оберъ-гофмаршалъ графъ Лёвенвольде лично объѣхалъ всѣхъ трехъ кабинетъ-министровъ и фельдмаршала графа Миниха, чтобы пригласить ихъ къ вечеру того же дня на тайный совѣтъ во дворецъ герцога.

Принцесса Анна Леопольдовна собиралась уже итти ко сну, и Лилли заплетала на ночь косу, когда ушедшая уже къ себѣ Юліана снова вошла къ нимъ.

— Простите, ваше высочество, — сказала она, — но зять мой, молодой Минихъ, желалъ бы васъ сію минуту видѣть.

— Онъ, вѣрно, присланъ своимъ отцомъ?

— Да, фельдмаршалъ только-что вернулся домой отъ герцога...

— Такъ проси, проси!

— Но ваше высочество не можете же принять его въ ночномъ туалетѣ.

— Отчего же нѣтъ? Онъ — камергеръ моего малютки и самъ женатъ. Пускай войдетъ.

Гофfreyлина пожалала плечами; ничего, дескать, съ нею не подѣлаешь! — и ввела въ комнату молодого сына фельдмаршала.

— Войдите, войдите, — сказала ему Анна

Леопольдовна когда онъ въ видимой нерѣшительности остановился въ дверяхъ. — Вы съ вѣстями о секретномъ совѣщаніи у герцога?

— Да, ваше высочество, — отвѣчалъ Минихъ — Отецъ мой пріѣхалъ бы и самъ, но нашелъ, что будетъ осторожнѣе извѣстить васъ черезъ меня. То, что я имѣю сообщить, однако, предназначено только для вашего высочества...

Онъ покосился при этомъ на Юліану и Лилли.

— Онъ ничего не разболтаютъ; можете говорить свободно, — сказала принцесса. — Кромѣ вашего отца, у герцога были и всѣ три кабинетъ-министра?

— Только двое младшихъ: Остерманъ не явился, отговариваясь простудой и подагрой. Прежде чѣмъ подать свой голосъ, эта старая лиса хочетъ выждать, какое теченіе при Дворѣ возьметъ верхъ. вмѣсто него, герцогъ допустилъ къ совѣщанію графа Лёвенвольде. Его мой отецъ засталъ уже тамъ; кабинетъ-министровъ еще не было. Герцогъ былъ въ слезахъ...

— Я тоже плачу, — замѣтила принцесса, утирая глаза рукавомъ своей ночной кофты, — но плачу потому, что теряю любимую тетушку. Герцогъ же плачетъ съ досады, что теряетъ власть.

— Этого онъ и не скрываетъ, хотя выразился въ нѣсколько иной формѣ: "съ кончиной моей благодѣтельница, удостоившей меня безграничнаго довѣрія (говорилъ онъ моему отцу), всѣ мои заслуги передъ Россіей будутъ забыты, такъ какъ у меня гораздо больше враговъ, чѣмъ друзей; есть враги и среди нѣмецкой партіи. Вы, графъ, — настоящій нѣмецъ"...

"— Простите, герцогъ, — перебилъ его мой отецъ: — по происхожденію я хотя и нѣмецъ, но служу русской монархинѣ. Какъ человекъ военный, я вѣренъ своей присягѣ и не принадлежу ни къ какой партіи: ни къ русской, ни къ нѣмецкой.

"— Но, стоя внѣ партій, вы тѣмъ безпристрастнѣе можете понять всю мою скорбь...

"— Скорбь вашу я вполне раздѣляю, какъ всякій вѣрноподданный ея величества, —

отвѣчалъ отецъ. — Что же собственно до пер-
соны вашей свѣтлости, то я прекрасно также
понимаю, сколь горько должно быть вамъ,
стоявшему столько лѣтъ у кормила
правленій, передать это кормило въ другія,
менѣе опытныя руки.

"— Вотъ именно! — вскричалъ герцогъ. —
Вѣдь наслѣдникъ еще младенецъ въ колыбе-
ли. Въ прежнія правленія малолѣтнихъ царей
народъ былъ недоволенъ временными пра-
вителями; какъ-то онъ будетъ доволенъ но-
выми? Между тѣмъ, ближайшіе враги наши,
шведы, не перестаютъ вооружаться и выжи-
даютъ у насъ только внутреннихъ беспоряд-
ковъ, чтобы атаковать насъ. Вы, графъ,
блестящій полководецъ и въ концѣ концовъ,
нѣтъ сомнѣнія, управитесь съ ними. Но во
что обойдется Россіи такая новая война! По-
требуются новые тяжелые налоги, поднимет-
ся ропоть въ народѣ; а слабой ли женской
рукъ задушить гидру народную? Для этого
нужна рука желѣзная..."

— У меня рука, дѣйствительно, не
желѣзная, — съ волненіемъ прервала раз-
сказчика Анна Леопольдовна. — Но тетушка

еще до моего замужества выбрала меня своей наследницей...

— То же самое сказала герцогу и мой отец. Но герцогъ на это возразилъ, что таково было желаніе ея величества до рожденія наследника мужескаго пола. Съ рожденіемъ же принца Іоанна государыня выразила твердую волю, чтобы этотъ принцъ, а не кто иной, наследовалъ послѣ нея престолъ. Въ это самое время прибыли князь Черкасскій и Бестужевъ-Рюминъ. Приѣхали они въ одной каретѣ и нарочно, какъ оказалось, заѣхали еще передъ тѣмъ къ Остерману. Но тотъ и на словахъ уклонился отъ рѣшительнаго отвѣта.

— Ну, разумѣется! И что же они у герцога порѣшили насчетъ регентства?

— Когда зашла рѣчь о кандидатахъ на регентство; Черкасскій, пошептавшись съ Лёвенвольде, прямо заявилъ:

— Если ужъ кому быть регентомъ, то только, тому, кто доселѣ съ такимъ искусствомъ управлялъ государственнымъ кораблемъ."

— По крайней мѣрѣ, откровенно! — вырвалось у Анны Леопольдовны. — И Лёвенвольде тотчасъ поддержалъ это предложеніе?

— И Лёвенвольде, и Бестужевъ: въ каретѣ онъ съ Черкасскимъ, вѣрно, ужъ сговорился.

— А фельдмаршалъ?

— Отецъ мой былъ поставленъ въ крайне-щекотливое положеніе. Что бы онъ ни возражалъ, — онъ остался бы въ единственномъ числѣ, и мнѣніе его, все равно, не прошло бы. На выздоровленіе государыни надежда вѣдь еще не потеряна, не всѣ медики еще отчаиваются. Надо было выиграть время. Поэтому отецъ предложилъ выслушать сперва мнѣніе лучшихъ русскихъ людей. Герцогъ понялъ, что напроломъ итти нельзя, и заявилъ, что самъ онъ ни на что не рѣшится, доколѣ не узнаетъ мнѣнія другихъ благонамѣренныхъ патріотовъ. Прежде всего государынею долженъ быть подписанъ манифестъ о назначеніи принца Іоанна наслѣдникомъ престола.

— А манифестъ будетъ скоро изготовленъ?

— Этою же ночью на дому у Остермана. Но герцогъ, вмѣстѣ съ манифестомъ, можетъ подсунуть къ подписи ея величества и декларацію о регентствѣ. Такъ вотъ завтра же, пока будутъ присягать наслѣднику, а по-

слѣ присяги сенать съ генералитетомъ станутъ разсуждать о регентствѣ, не можете ли ваше высочество повидать государыню, чтобы убѣдить ее ни за что не подписывать декларацію о регентствѣ Бирона.

— Да вѣдь меня къ тетушкѣ не пускаютъ, и тогда не пустятъ.

— М-да, этого отецъ мой не предвидѣлъ. Герцогиня Биронъ, конечно, заодно съ мужемъ и получила отъ него строгую инструкцію. Но кто въ такомъ случаѣ могъ бы предостеречь ея величество?..

— Я! — неожиданно подала тутъ голосъ молчавшая до сихъ поръ Лилли.

Анна Леопольдовна недовѣрчиво воззрилась къ молоденькой камеръ-юнгферѣ.

— Ты, дитя мое? Да какъ же ты это сдѣлаешь?

— А очень просто: дѣтская маленькаго принца находится вѣдь рядомъ съ спальней государыни. Въ дѣтскую мнѣ дозволено входить во всякое время. Я понесу принца къ государынь, да тутъ и попрошу ее отъ вашего имени, ради Бога, не подписывать ничего о регентствѣ, пока васъ не выслушаетъ.

— Смотрите, что вѣдь выдумала! Ты какъ думаешь, Юліана?

— Планъ недурень...

— А ваше мнѣніе, графъ?

— Если никому другому доступа къ государынь нѣтъ, то придется обратиться къ этому послѣднему средству.

— Значить, на немъ и остановимся.

XII. Послѣдніе дни Анны Іоанновны

На слѣдующее утро на набережной большой Невы передъ Лѣтнимъ дворцомъ были выстроены четыре полка лейбъ-гвардіи въ парадной формѣ. Къ главному подъѣзду подкатывали карета за каретой, изъ которыхъ высаживались военные генералы въ киверахъ и каскахъ съ пышнымъ плюмажемъ и статскіе чины въ обшитыхъ золотымъ позументомъ треуголкахъ. Въ числѣ статскихъ оказался и больной старикъ, котораго прямо изъ кареты посадили въ кресло и внесли такъ въ подъѣздъ.

"Остерманъ! — догадалась Лилли, стоявшая у окна. — И его, стало быть, удалось уговорить Бирону, чтобы имѣть еще лишнюю

поддержку. Пора въ дѣтскую".

Супруга временщика, ни мало, конечно, не подозрѣвая, что внезапная атака готовится со стороны дѣтской, не заглядывала уже туда и ни шагу не отходила отъ ложа императрицы. Самъ же герцогъ, вполнѣ полагаясь на бдительность герцогини въ царской опочивальнѣ, собралъ въ своихъ собственныхъ покояхъ, кромѣ вчерашнихъ сотоварищей, еще нѣкоторыхъ изъ наиболѣе преданныхъ ему сановниковъ, чтобы заручиться и ихъ одобреніемъ сочиненнаго ночью проекта манифеста. Въ числѣ этихъ преданныхъ были, разумѣется, и трое главныхъ дѣятелей процесса несчастнаго Волынскаго: князь Куракинъ, своимъ злымъ языкомъ подавили первый поводъ къ этому позорному процессу, генераль-прокуроръ князь Трубецкой, предсѣдательствовавшій въ комиссіи, осудившей Волынскаго, и генераль Ушаковъ, его истязатель и исполнитель жестокаго судебного приговора.

Нечего говорить, что противъ проекта манифеста о престолонаслѣдіи ни поднялось ни одного голоса.

Когда же Биронъ затронулъ вопросъ о регентствѣ впредь до достиженія принцемъ Иоанномъ 17-лѣтняго возраста, Лёвенвольде поспѣшилъ заявить съ своей стороны, что вотъ господа кабинетъ-министры и фельд-маршалъ графъ Минихъ еще вчера выставили первымъ кандидатомъ на регентство герцога, но его свѣтлость не рѣшается принять на себя столь отвѣтственное званіе. Тутъ и тѣ изъ присутствующихъ, которые не участвовали во вчерашнемъ совѣщаніи, стали хоромъ упрашивать Бирона не отказываться. Не высказывался одинъ только Остерманъ. Угнѣздившись въ глубокомъ креслѣ, хмурясь и значительно поводя глазами, онъ видимо очень внимательно слѣдилъ за каждымъ словомъ другихъ, и временами только, когда кто-нибудь на него слишкомъ пристально взглядывалъ, корчилъ гримасу какъ бы отъ внезапной подагрической боли, кашлялъ въ платокъ и утиралъ себѣ лобъ.

— А вы, графъ, того же мнѣнія, какъ и мы всѣ? — приступилъ къ нему уже прямо Лёвенвольде. — Или у васъ инья препозиціи?

Тутъ у Остермана сдѣлался страшный па-

роксизмъ кашля. Ворочая зрачками такъ, что видны были одни бѣлки, онъ кашлялъ безъ перерыва нѣсколько минутъ, то забрасывая голову, то опуская ее на грудь, — что можно было, при желаніи, принять и за знакъ согласія. Такъ истолковалъ это движеніе и Биронъ, который обратился къ присутствующимъ съ благодарственною рѣчью (по обыкновению, по-нѣмецки):

— Глубоко тронуть, милостивые государи, вашимъ лестнымъ довѣріемъ и постараюсь оправдать его всѣми мѣрами. Возлагаемое вами на меня бремя весьма тяжело, но въ уваженіе къ великимъ благодѣяніямъ государыни императрицы, изъ горячей привязанности къ ея высокой фамиліи и по собственному моему расположенію къ славъ и благоденствію Россійской имперіи, я не считаю себя въ правѣ отказаться. Но манифестъ о престолонаслѣдїи еще не подписанъ, а сенатъ и генералитетъ созваны уже въ дворцовую церковь. Вы, графъ Остерманъ, какъ первый министръ, благоволите прочитать государынѣ проектъ манифеста и поднести къ подписанію, а затѣмъ спросить соизволеніе

ея величества, кого ей угодно будетъ назначить послѣ себя регентомъ.

Въ кашль Остермана наступила небольшая пауза, и онъ имѣлъ на этотъ разъ возможность отвѣтить:

— Прочитать манифестъ и отдать его къ подписи, извольте, я могу. Но вопросъ о регентствѣ возбужденъ не мною; прошу отъ него меня и теперь избавить.

— Но кто же въ такомъ случаѣ, помилуйте, доложить объ немъ государынѣ?

— Ни я, ни мои сотоварищи по кабинету: мы всѣ трое одинаково заинтересованы въ томъ, чтобы регентомъ былъ не кто иной, какъ ваша свѣтлость. Всего безпристрастнѣе въ настоящемъ случаѣ, мнѣ кажется, могъ бы выступить нашъ досточтимый фельдмаршалъ графъ Минихъ.

— Совершенно справедливо! — въ одинъ голосъ подхватили оба другихъ кабинетъ-министра. — Императрица такъ уважаетъ ваше сіятельство...

Фельдмаршалъ сталъ было тоже отговариваться; но герцогъ и всѣ присутствующіе присоединились тутъ къ настояніямъ трехъ ка-

бинетъ-министровъ; Миниху ничего не оставалось, какъ уступить.

— Теперь, господа, къ государынѣ, - сказалъ Биронъ, и всѣ, слѣдомъ за нимъ, двинулись къ царской опочивальнѣ.

Дежурившій у входа туда камергеръ доложилъ о нихъ и затѣмъ пригласилъ всѣхъ войти. Ни одинъ изъ спутниковъ герцога не имѣлъ еще случая видѣть Анну Іоанновну со времени ея переѣзда изъ Петергофа, а потому всѣхъ поразила ужасающая переменна, происшедшая съ нею за какія-нибудь пять-шесть недѣль. Цѣлая горка пышныхъ подушекъ подпирала спину и голову полулежавшей на своей постели, смертельно больной монархини. Но тучный корпусъ ея, не заключенный по-прежнему, какъ въ панцырь, въ стальной корсажъ, своей безформенной массой глубоко вдавился въ пуховую подпору. Голова точно такъ же бессильно склонилась на одинъ бокъ.

Только когда Остерманъ (оставившій свое кресло за дверью и опиравшійся теперь на испанскую трость) выступилъ впередъ съ пергаментнымъ листомъ въ рукѣ и началъ до-

кладывать, что, согласно выраженной ей величествомъ волю, заготовленъ высочайшій манифестъ о назначеніи принца Іоанна Антоновича наслѣдникомъ всероссійскаго престола, каковой манифестъ онъ будетъ имѣть счастье сейчасъ прочитать на предметъ одобренія онаго ея величествомъ, — Анна Іоанновна повела глазами въ сторону герцогини Биронъ, стоявшей у ея изголовья, и чуть внятно прошептала:

— Принца...

Нѣсколько тугая на ухо герцогиня склонилась ухомъ къ губамъ государыни и переспросила, что ей угодно.

— Принца принеси!

Обдѣленная и мыслительною способностью Бенигна съ недоумѣніемъ оглянулась на своего супруга.

— Ея величество требуетъ, чтобы принцъ-наслѣдникъ присутствовалъ при чтеніи манифеста! — рѣзко замѣтилъ ей по-нѣмецки герцогъ.

— Ja so! — поняла она наконецъ и поспѣшила въ дѣтскую.

Здѣсь маленькій принцъ оказался на ру-

кахъ Лилли. Расхаживая взадъ и впередъ, она его укачивала, тогда какъ чухонка-кормилица, проведшая съ нимъ безпокойную ночь, прилегла на кровать.

— Вставай! вставай! — затормошила ее герцогиня.

— Государыня вѣрно желаетъ видѣть принца? — догадалась Лилли.

— Ну да, да! А гдѣ его парадное одѣяло?

"Или теперъ, или никогда!" рѣшила про себя Лилли и, наскоро завернувъ младенца въ «парадное» одѣяльце, проскользнула въ царскую опочивальню. Тутъ, однако, неожиданно очутившись передъ цѣлымъ собраніемъ государственныхъ мужей въ раззолоченныхъ мундирахъ, она растерялась и приросла къ полу. Влетѣвшая за нею герцогиня не замедлила отнять у нея малютку-принца. Но сдѣлала она это опять слишкомъ порывисто; одѣяльце развернулось, и отъ холоднаго дуновенья, а, можетъ быть, и отъ неумѣлаго обращенья, засыпавшій уже царственный младенецъ разомъ пробудился и заявилъ о своемъ неудовольствіи во все свое младенческое горло. Сановники украдкой переглядывались.

Императрица не выдержала и отрывисто замѣтила своей не по разуму усердной статсъ-дамѣ:

— Отдай его ей, отдай... Дура!

Послѣднее слово пробормотала она, впрочемъ, уже настолько невнятно, что разслышали его, должно быть, только сама герцогиня да Лилли. Возражать, конечно, не приходилось, и принцъ перешелъ обратно на руки къ Лилли. И, странное дѣло! едва только прижала она его къ своей груди, какъ безутьшный, точно попавъ въ родное лоно, мигомъ успокоился.

Теперь Остерманъ имѣлъ возможность прочесть государынѣ и ея наслѣднику манифестъ, — что и исполнилъ не слишкомъ тихо и не слишкомъ громко, дабы, съ одной стороны, ея величество могла разслышать каждое слово, а съ другой — не было нарушено душевное равновѣсіе ея наслѣдника. На столѣ, по распоряженію Бирона, заранѣе ужъ былъ приготовленъ письменный приборъ. Когда Остерманъ, закончивъ чтеніе, поднесъ манифестъ императрицѣ, герцогъ вручилъ ей обмакнутое имъ въ чернила лебединое перо.

Умиравшей стоило, повидимому, большого усилія начертать даже свое имя. Послѣ этого всѣ присутствующіе сановники по очереди стали подходить къ столу, чтобы царскую подпись «контрасигнировать» и своимъ рукоприкладствомъ.

Когда тутъ Минихъ, откланявшись вмѣстѣ съ другими, взялся уже за ручку двери, Биронъ остановилъ его:

— А что же, графъ, ваше обѣщаніе? Или забыли?

Поморщился фельдмаршалъ, но, — дѣлать не чего, — подошелъ снова съ поклономъ къ государынѣ и заговорилъ слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Ваше императорское величество! Всѣ мы желали бы, чтобы главнымъ кураторомъ по-прежнему былъ его свѣтлость герцогъ курляндскій, и всѣ о томъ всеподданнѣйше просимъ.

Отвѣта онъ, однако, не дождался: Анна Иоанновна лежала безъ всякаго движенія, какъ бы въ летаргіи, уставивъ мутный взоръ въ пространство.

— Ну, что жъ, идемте! — въ сердцахъ про-

говорилъ Биронъ, и оба вышли вонъ за другими.

Трепетавшая своего грознаго супруга и повелителя, герцогиня Бенигна не спускала съ него своихъ испуганныхъ глазъ, пока дверь за нимъ не затворилась. Тутъ только она обратила вниманіе, что Лилли все еще няньчится съ принцемъ.

— Дай его сюда! — прошипѣла она и, отобравъ у нея спящаго младенца, вынесла его въ дѣтскую.

Лилли это только и нужно было. Приблизившись къ больной, она заговорила вполголоса:

— Ваше величество! Меня прислала къ вамъ принцесса Анна Леопольдовна...

Императрица, словно очнувшись изъ забытья, повела на нее недоумѣвающимъ взоромъ.

— Принцесса умоляетъ васъ, — продолжала Лилли: — не подписывайте бумаги о регентствѣ, пока она сама не переговоритъ еще съ вами! Ради Бога, ваше величество, ничего не подписывайте!

При послѣднихъ словахъ Лилли невольно

настолько возвысила голосъ, что герцогиня въ полуоткрытую дверь ее услышала и тотчасъ же возвратилась. Схвативъ Лилли за руку, какъ провинившагося ребенка, она потащила ее вонъ въ дѣтскую, а здѣсь накинулась на нее, какъ фурія:

— Что ты говорила государынѣ? что?

— Ничего я не говорила...

— Вотъ я пожалуюсь герцогу и твоей принцессѣ...

— Жалуйтесь; принцесса моя, во всякомъ случаѣ, повѣритъ мнѣ скорѣе, чѣмъ вамъ.

— Дерзкая дѣвчонка! Чтобы и ноги твоей здѣсь никогда не было!

Лилли уже не возражала и вышла вонъ, говоря себѣ:

"Что можно было сдѣлать — я сдѣлала; а теперь — будь что будеть!"

Было же вотъ что:

По прочтеніи въ дворцовой церкви подписаннаго императрицею манифеста, всѣ собравшіеся тамъ высшіе воинскіе и гражданскіе чины приняли присягу новому наслѣднику престола. Были приведены къ присягѣ по-ротно и выстроенные передъ

дворцомъ гвардейскіе полки. Въ то же время сдѣлано было распоряженіе объ объявленіи манифеста во всѣхъ столичныхъ церквахъ. Сочиненіе же "декларациі" о регентствѣ было поручено Бестужеву-Рюмину.

По настоянію баронессы Юліаны, Анна Леопольдовна сдѣлала еще разъ попытку проникнуть къ своей августѣйшей теткѣ, но герцогиня Биронъ, какъ и раньше, не допустила ея до нея: лейбъ медики, дескать, строго-на-строго запретили беспокоить умирающую.

Между тѣмъ Бестужевъ изготавилъ какъ "декларацию", такъ и челобитную отъ имени сената, синода и генералитета о назначеніи будущимъ регентомъ герцога курляндскаго, и ни у кого изъ этихъ "знатнѣйшихъ" особъ не оказалось настолько гражданскаго мужества, чтобы не подписаться подъ общей челобитной. Доложить челобитную государынѣ, по требованію герцога, взялся Остерманъ. Удостоился онъ аудіенціи только черезъ два дня. И что же? Анна Іоанновна, выслушавъ докладчика, не подписала деклараціи, а положила ее себѣ подъ изголовье, со словами:

— Оставь... Я еще подумаю...

Вѣсть объ этомъ, понятно, ни для кого изъ придворныхъ не осталась тайной.

— Вотъ видите ли, ваше высочество! — заливовала Лилли. — Государыня меня тогда услышала. Помяните мое слово: регентшей будете вы!

— Ужъ право, не знаю, радоваться ли мнѣ этому или нѣтъ! — вздохнула принцесса. — Въ государственныхъ дѣлахъ я ничего не смыслю...

— Вмѣстѣ мы какъ-нибудь въ нихъ и разберемся, — замѣтила Юліана. — А останься все управленіе въ рукахъ Бирона, такъ намъ съ вами совсѣмъ житья бы уже не стало.

Тутъ вдругъ явился камергеръ принца-наслѣдника, графъ Минихъ-сынъ.

— А я къ вашему высочеству посредникомъ отъ герцога курляндскаго.

— Что же ему еще отъ меня нужно? — удивилась Анна Леопольдовна.

— Вопросъ о регентствѣ все еще виситъ на воздухѣ.

— Да я-то тутъ причемъ?

— Безъ регентства государство остаться не можетъ. Такъ вотъ не соблаговолите ли вы,

для ускоренія дѣла, просить также герцога принять на себя регентство, а потомъ сказать объ этомъ и ея величеству.

— Да что онъ съ ума, видно, сошелъ! — вскричала Юліана. — Чтобы принцесса сама же просила его отнять у нея власть?

— Власти я не ищу, отозвалась съ своей стороны принцесса. — Но въ государственныя дѣла я не мѣшаюсь, а предложеніе герцога нахожу по меньшей мѣрѣ страннымъ. Жизнь моей тетушки хотя и въ большой опасности, но съ Божьей по мощью, она можетъ еще поправиться.

— Такъ ему, значить, и передать?

— Такъ и передайте.

Биронъ на этомъ, однакожь, еще не успокоился. На слѣдующее утро передъ Анной Леопольдовной предстала цѣлая депутація высшихъ сановниковъ съ тѣмъ же предложеніемъ. Но отвѣтъ имъ былъ тотъ же. Тогда временщикъ рѣшился на послѣднюю мѣру — лично уговорить государыню, и что ему это наконецъ удалось, доказывало то, что вслѣдъ за тѣмъ, 16-го октября, Остерманъ былъ снова вызванъ на аудіенцію

къ императрицѣ. Оставался онъ у нея съ полчаса времени, а когда вышелъ, то объявилъ ожидавшему его Бирону, что декларація ея величествомъ, слава Богу, подписана и положена камерфрау Юшковой на храненіе въ шкатулку съ драгоценностями, стоящую около царской кровати, а также что государынѣ благоугодно теперь же видѣть принцессу Анну съ принцемъ-супругомъ и цесаревну Елисавету. Возвратилась Анна Леопольдовна оттуда въ свои собственные покои вся въ слезахъ.

— Государыня васъ еще узнала? — спросила Юліана.

— Узнала... Она была такъ ласкова и со мной, и съ цесаревной... Герцогъ обѣщаль ей, что отказу намъ ни въ чемъ не будетъ...

— А вы такъ и повѣрили его обѣщанію?

— Если онъ его не сдержитъ, то это будетъ на его совѣсти.

— Да у этого изверга развѣ есть совѣсть! И вы ничего не возражали?

— Гдѣ ужъ тутъ было возражать! Докторъ Фишеръ сейчасъ только сказалъ мнѣ, что сегодня тетущкѣ немножко легче, потому что

Остерманъ своей аудіенціей приподнялъ ея нервы; но что за этимъ наступитъ реакція, и завтра все будетъ уже кончено.

Лейбъ-медикъ оказался правъ. На другой день, 17-го октября 1740 года, у умирающей отнялась лѣвая нога, а къ вечеру начались предсмертныя конвульсіи. Когда принцесса съ супругомъ и цесаревна пришли къ ней въ послѣдній разъ проститься, государыня была еще въ сознаніи. Благословивъ ихъ поочередно, она послала за своимъ духовникомъ съ пѣвчими и за высшими придворными чинами. Первымъ подошелъ старикъ Минихъ, и она его еще узнала.

— Прощай, фельдмаршалъ... — былъ ему ея послѣдній привѣтъ.

Началось соборованіе, а когда дыханіе ея окончательно прекратилось, двери опочивальни открылись настежь для всѣхъ желающихъ поклониться ея праху. Среди общихъ всхлиповъ и воплей обращала на себя вниманіе не столько принцесса, мать наслѣдника престола, тихо плакавшая въ углу, сколько герцогъ-регентъ, который въ искренней, казалось, горести рыдалъ громче

всѣхъ и метался по комнатѣ, какъ полоумный. Впрочемъ, уже черезъ пять минутъ онъ настолько оправился, что могъ выйти въ смежный залъ и предложить генераль-прокурору князю Трубецкому прочесть вслухъ всѣмъ собраннымъ тамъ сановникамъ декларацію о назначеніи его, герцога, регентомъ.

Недолго погодя, еще до полуночи, заунывный звонъ со всѣхъ городскихъ колоколенъ возвѣстилъ населенію столицы, что благовѣрная царица Анна Іоанновна отошла отъ сей жизни въ вѣчную, — отошла на 11-мъ году своего недоброй памяти царствованія и всего 3 мѣсяца и 20 дней спустя послѣ своего даровитѣйшаго подданнаго, безвременно погибшаго Волынскаго.[5]

Конецъ.

Примечания

Для большей наглядности мы прилагаемъ здѣсь родословную Дома Романовыхъ отъ царя Алексѣя Михайловича до середины XVIII вѣка.

[^^^]

2

Это родословное дерево, расписанное для А. П. Волынского переводчикомъ Академіи Наукъ, небезъизвѣстнымъ въ свое время писателемъ Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ (1720–1779), сохранилось и по настоящее время въ семьѣ Селифонтовыхъ къ которымъ перешло изъ семьи Волынскихъ..

[^^^]

Кромѣ своего генеральнаго проекта о новомъ государственномъ строѣ, Волынскимъ было написано еще нѣсколько разсужденій: "О гражданствѣ", "О дружбѣ человѣческой", "Какимъ образомъ судъ и милость государямъ имѣть надобно" и другія.

[^^^]

* Приводимъ здѣсь, для примѣра, одинъ изъ посланныхъ въ провинцію указовъ, а именно Казанскому губернатору:

"Указали мы для нѣкотораго приуготовляемаго здѣсь маскарата выбрать въ Казанской губерніи изъ татарскаго, черемискаго, мордовскаго и чувашскаго народовъ, каждаго по три пары мужеска и женска пола пополамъ, и смотрѣть того, чтобъ они собою были не гнусныя, и убрать ихъ въ наилучшее платье со всѣми приборы по ихъ обыкновенію, и чтобъ при мужескомъ полѣ были луки и прочее ихъ оружіе и музыка, какая у нихъ употребляется..."

[^^^]

5

Регентству Бирона, а затѣмъ и принцессы Анны Леопольдовны будетъ посвящена особая повѣсть, въ которой читатель встрѣтитъ снова многихъ изъ дѣйствующихъ лицъ настоящей повѣсти.

[^^^]